

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Вятский государственный университет»**

Кафедра русской и зарубежной литературы и методики обучения

На правах рукописи

Клековкин Дмитрий Анатольевич

**ТРАДИЦИИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ А.С. ГРИНА**

Специальность – 5.9.1. Русская литература
и литературы народов Российской Федерации

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
Ануфриев Анатолий
Евдокимович,
доктор филологических наук,
профессор

Киров

2025

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1 РЕАЛИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ РАННЕГО А.ГРИНА В АСПЕКТЕ ВЛИЯНИЯ ТРАДИЦИЙ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО	18
1.1 Идеино-художественное своеобразие творчества Грина.....	18
1.2 Герои-революционеры в изображении Достоевского и Грина («Бесы» и рассказы «Марат», «Трагедия плоскогорья «Суан»)	28
1.3 Духовные метаморфозы героев Достоевского и Грина (Иван Карамазов и Геник), а также психологический анализ образов революционеров в рассказах «Третий этаж» и «Повесть, оконченная благодаря пуле»	41
1.4 Двойственный мир главных героев повести Достоевского «Записки из подполья» и рассказа Грина «Приключения Гинча»	60
ГЛАВА 2 РОМАНЫ ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ» И ГРИНА «БЛИСТАЮЩИЙ МИР»: СЮЖЕТНЫЕ СИТУАЦИИ, ТИПЫ ГЕРОЕВ, ИДЕИ	71
2.1 Художественные особенности романов Грина	71
2.2 Евангельский сюжет в интерпретации Достоевского и Грина. Руна Бегуэм и Друд: литературная преемственность	84
2.3 Образ Христа в романах Грина и Достоевского	100
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	111
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	115

ВВЕДЕНИЕ

Рубеж XIX-XX веков – период появления в литературе первых произведений Александра Грина. Это достаточно сложное и одновременно насыщенное событиями время, которому присущи динамизм, тонкое ощущение переходности момента, пронизанное декадентским настроением.

Литературная картина периода «серебряного века», датируемого началом 1890-х и серединой 1920-х гг. и вслед за «золотым» веком явившего собой значительный этап развития всей русской культуры, амбивалентна и многозначна по своей сути, она смешала в своем пространстве самые противоречивые и, на первый взгляд, взаимоисключающие тенденции. Характерной особенностью Серебряного века стало беззаветное поклонение искусству, его превознесение (то, что В. Хализев назвал «искусствоцентризмом»¹), вера в могущество искусства, в силу художественного слова. Отсюда – «погружение» в стихию слова, напряженные размышления над своеобразием слова в творчестве писателей «серебряного века».

По словам Е. Н. Иваницкой, «А. С. Грин – характерная фигура эпохи порубежья. Творчество Александра Степановича Грина (1880-1932) на протяжении многих десятилетий изучалось литературоведами. Необходимо отметить, что оно и сегодня находит интерес у читателей, становится объектом современной филологической науки. Его творчеству свойственно постоянное, внутренне противоречивое взаимодействие реалистического и модернистского направления...»². Уже в ранних прозаических текстах А. С. Грина отражено влияние разнотилевых тенденций начала XX века, что открывает большие возможности для сравнительного анализа. В период порубежья, на который приходится раннее творчество А. С. Грина (1907 – 1923 гг.), многие авторы испытывали влияние уже сложившихся литературных

1 Хализев В. Е. Теория литературы. М., 2007. С. 84.

2 Иваницкая Е.Н. Мир и человек в творчестве А.С. Грина. Ростов-на-Дону, 1993 С. 7.

авторитетов. Одним из авторов, влияние которого испытали некоторые писатели конца XIX – начала XX веков, был Ф. М. Достоевский. На наш взгляд, влияния его традиций не избежал и А. С. Грин. Особенности влияния традиций Достоевского на формирование раннего творчества Грина посвящено представленное исследование.

Актуальность исследования заключается в том, что в работе впервые анализируется влияние традиций Ф. М. Достоевского как особой образно-тематической системы на раннее творчество А. С. Грина. Рассмотрена нравственно-философская проблематика ранних рассказов и романа А. Грина «Блистающий мир» и выявлены специфические черты их поэтики в аспекте влияния на них произведений Достоевского.

Новизна исследования представляется очевидной, прежде всего с точки зрения историко-литературной. Воздействие Ф. М. Достоевского на раннюю прозу художника «серебряного века» оказывается недостаточно исследованным в литературоведении. Из более двадцати диссертаций, написанных о творчестве А. С. Грина, и множества научных трудов гриноведов мы нашли упоминания об эпизодическом влиянии Достоевского на писателя лишь у трех исследователей: В. В. Харчева, В. Е. Ковского, Е. А. Яблокова, – но у каждого из них речь идет не более чем о двух произведениях Грина.

Впервые дан систематический анализ идейно-художественного своеобразия ранних реалистических рассказов А. Грина;

– впервые охарактеризована проблематика и поэтика ранних рассказов А. Грина в связи с влиянием на них романов Ф. Достоевского «Бесы» и «Братья Карамазовы»;

– впервые рассмотрен двойственный мир главных героев произведений А. Грина в аспекте влияния на них образов Ф. Достоевского.

– определены образы, сюжеты, детали, объединяющие идейное наполнение произведений Ф. Достоевского и А. Грина.

В современном достоевсковедении накоплен большой материал, посвященный исследованию влияния Достоевского на русских писателей, современников и последователей. Так, например, Л. А. Сараскина говорит о влиянии Достоевского на всю русскую литературу. Также об этом упоминает В. А. Келдыш в статье «О «Серебряном веке» русской литературы»: «Желательно изучать и дальше проблему «Достоевский и серебряный век»³. Кроме указанных авторов, о влиянии Достоевского на творчество российских писателей, в частности В. Г. Распутина, пишет Ю. А. Дворяшин в статье ««Традиции Ф. М. Достоевского в творчестве В. Г. Распутина»», а также многие другие исследователи. Несмотря на признание наличия черт некоторых героев Достоевского у персонажей отдельных произведений Грина, никто из гриноведов не изучал влияние Ф. М. Достоевского на раннее творчество А. С. Грина в целом, хотя вторая жена писателя Нина Николаевна Грин упоминает о художниках слова, оказавших воздействие на его творчество: «Нравится изящный холодок Бунина. Читали всего Диккенса, Достоевского, Гоголя, читали с любовью, не торопясь»⁴.

Необходимо упомянуть воспоминания первой жены Грина Веры Калицкой, которая вспоминает о писателях, по ее мнению, своим творчеством непосредственно повлиявших на Александра Степановича. Она пишет: «В уста Гинча, героя рассказа «Приключения Гинча», Александр Степанович нередко вкладывает свои собственные мысли. Вот как говорит Гинч о своих попытках написать рассказ: «Понемногу я сочинил сюжет на тему прекрасных жизненных достижений, преимущественно любви, вывел заглавие – «Голубой меч» – и остановился. Тысячи фраз осаждали голову. «И не оттого, что... И не потому... а от того... и потому...» – слышались мне толковые удары по голове толстовской дубинки. Чудесная, как художественная литая бронза, презрительная речь поэта обожгла меня ритмическими созвучиями. Брызнула огненная струя Гюго; интимная, улыбающаяся, чистая и сильная, как рука

³ Келдыш В.А. О «Серебряном веке» русской литературы. М., 2010 С. 462

⁴ Грин Н. Н. Воспоминания об Александре Грине. Феодосия, 2005. С. 76.

рыцаря, фраза Мопассана; взъерошенная – Достоевского; величественная – Тургенева; певучая – Флобера; задыхающаяся – Успенского; мудрая и скупая – Киплинга»⁵. Также в поисках подтверждения влияния Достоевского на Грина можно обратиться к эпистолярному наследию Александра Степановича. Например, в письме к Д. И. Шепеленко писатель проводит сравнение своих творческих тем с проблематикой наследия Достоевского и находит между ними общее: «Я пишу о бурях, любви, признанной и отвергнутой, о судьбе, тайных путях души и смысле случая»⁶. Из сказанного ясно, что оба творца слова описывают героев, оказавшихся в трудных житейских обстоятельствах, которые можно назвать трагическими (характерна трагедийность ситуаций и образов). Можно сказать, что А. С. Грин стал последователем этой традиции Ф. М. Достоевского.

Также заметим что, по словам В. М. Захарова, одной из главных основ творчества Достоевского является «христианский реализм», т.е. реалистическое изображение личности, пронизанное христианским отношением к людям и событиям.

Федор Михайлович часто оценивает литературных фигур своих произведений, в свете Христова учения. Положение Евангелия для него «истина в последней инстанции». То же самое можно сказать и о Грине. В письме В. П. Калицкой, первой жене писателя, Грин говорит о том, что надо учиться у Федора Михайловича как верить в Бога и очень радуется что она уже не испытывает колебаний в этом вопросе: «Я рад, что у тебя укрепилась вера. Бог и бессмертие души – неразделимы»⁷. В другом письме ей же он вновь проводит сравнение себя с Достоевским. На этот раз он вспоминает Федора Михайловича в связи с вопросом «недоказуемости веры» и соглашается в этом с его мнением: «Мы с Ниной верим, как дикари, просто, ничего не пытаюсь понять, так как понять нельзя»⁸. Как же похожи эти слова на

⁵ Калицкая В. П. Моя жизнь с Александром Грином. Феодосия–М., 2010. С.170.

⁶ Грин А. С. Я пишу вам всю правду: письма 1906–1932 годов Феодосия, М., 2012.С.44.

⁷ Там же. С. 56

⁸ Там же. С. 99.

изречение одного из героев «Братьев Карамазовых» старца Зосимы, который тоже утверждает бездоказательность веры: «Доказать тут ничего нельзя, убедиться же можно <....> опытом деятельной любви»⁹. На основании вышеизложенных писем, можно сказать, что традицию «христианского реализма» Грин перенял именно у Достоевского. Уже в конце жизненного пути, в 1930 году, когда Грин жил в Феодосии, он опять вспоминает о Достоевском, о вечной двойственности его героев, о спутанности их сознания. Вспоминает и сравнивает себя с ними: «Дьявол с Богом борется и поле битвы – сердца людей. Это написал Достоевский. Ко мне применить эту формулировку будет очень громко, но у меня сильно развиты две стороны: совесть и импульс, нравственное размышление, всегда безошибочное и туча инстинктов»¹⁰. Можно сказать, что традицию раздвоенности психологии и мысли героев Грин перенял именно у Достоевского. Близкий друг Грина Николай Вершбицкий в своих воспоминаниях о Грине сравнивает его с Достоевским. По его мнению, они похожи тем, что оба ставят героев в критические ситуации, где их человеческие качества раскрываются максимально. Он пишет, что Грин сказал ему: «ставлю своих героев в самые трудные и замысловатые положения, а потом заставляю их выкарабкиваться»¹¹.

Проведенный нами анализ писем Грина и воспоминаний о нем близких ему людей позволяет предположить, что им использованы традиции Достоевского в своих произведениях.

Цель работы – изучение влияния традиций Ф. М. Достоевского на раннее творчество А. С. Грина.

Для достижения цели нами были поставлены следующие **задачи**:

- 1) выявить на основе анализа литературоведческих исследований специфику традиций Ф. М. Достоевского, которым следовал А. С. Грин;
- 2) установить корреляции взглядов Грина и Достоевского;

⁹ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 9. М., 1991. С. 64

¹⁰ Грин А. С. Я пишу вам всю правду С. 105.

¹¹ Воспоминания об Александре Грине Л., 1972. С.217.

3) обнаружить содержательные взаимосвязи между произведениями Ф. М. Достоевского и реалистическими рассказами дореволюционного периода творчества А. С. Грина;

4) проследить связь евангельских мотивов романа Ф. М. Достоевского «Бесы» и идейно-художественной специфики первого романа А. С. Грина «Блистающий мир».

Степень изученности проблемы.

Современное гриноведение характеризует научная глубина и обстоятельность в решении центральных проблем в творчестве писателя, таких как своеобразие романтического метода, особенности мировоззрения, эволюция эстетического идеала, пересоздание действительности, концепция героя, стремление к объективному и тщательному анализу в его произведении, интерес к особенностям по этике. Взлет популярности Грина, пересмотр его литературного наследия происходит со второй половины 50-х годов.

В. Е. Ковский, автор первого в советском литературоведении диссертационного исследования о Грине¹², а также двух монографий, первым применил систематическое и концептуальное изучение общих свойств художественного мира и особенностей творческого метода писателя.

Рассматривая мир художника как целостную систему, автор широко обращается к произведениям писателя, многогранно исследуя их с точки зрения гриновской концепции человека и действительности. Значительными представляются и дальнейшие работы этого исследователя, в которых он определяет новые задачи гриноведения, намечая поворотные пути изучения творчества писателя в контексте русской культуры двадцатого века.

Исследуя творческий путь А. Грина, мы считаем важными проблемы этики, поднимаемые в книге В. В. Харчева «Поэзия и проза Александра Грина»¹³. Автор, определяя основную задачу творчества романтика как превращение прозы в поэзию, тонко и глубоко рассматривает с этой точки

¹²Ковский В. Е. Творчество А. С. Грина : концепция человека и действительности : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.00.00. М., 1967. 337 с.

¹³ Харчев В.В. Поэзия и проза Грина. Горький, 1975.

зрения наиболее значительные стихи, новеллы, повести Грина, оставляя за пределами работы большие формы прозы писателя. Целый ряд исследователей в своих работах ставят и глубоко и всесторонне рассматривают такие важные аспекты в творчестве Грина, как проблема традиции и новаторства, способы выражения авторского сознания, философско-эстетическая сущность его образности, отдельные стороны поэтики, изучают материалы творческой лаборатории писателя. К ним можно отнести статьи В. Вихрова, Н. Кобзева, В. Хрулева. Работы этих авторов свидетельствуют о методологически новом подходе к творчеству Грина.

Представляется важной диссертационная работа Н. Кобзева «Роман А. Грина: проблематика, герой, стиль»¹⁴. Исследователь убедительно и обстоятельно рассматривает идейно-тематические и стилевые аспекты гриновской романистики, определяя основную проблематику, исследует эволюцию центрального романтического героя, выявляет своеобразие связей писателя с эпохой двадцатых годов. К числу основных достоинств работы относится анализ поэтики романов: особенностей сюжета, композиции, роли диалога, монолога, пейзажа, авторского повествования и другое.

Амплитуда интереса к творчеству Грина колебалась от неподдельного интереса до полного забвения и отрицания его творчества. До сих пор исследователи уделяли преимущественное внимание своеобразию метода писателя, его творческому пути, концепции мира и человека, идейно-нравственному пафосу этико-эстетической программы его творчества, отдельным сторонам поэтики.

Одним из первых исследователей творчества писателя является Т. А. Загвоздкина. В своей диссертации она первая обратила внимание на мифопоэтическую составляющую текстов Грина¹⁵. Одной из главных тем

¹⁴ Кобзев Н. А. Роман А. Грина: проблематика, герой, стиль : диссертация ... кандидата филологических наук. Киев, 1970. 357 с.

¹⁵ Загвоздкина Т. Е. Особенности поэтики романов А. С. Грина : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Вологда, 1985. 215 с.

данного периода является мысль о встроенности творчества писателя в общий контекст литературного процесса периода рубежа XIX-XX веков.

Внимание современных литературоведов к наследию писателя значительно возросло, что подтверждается большим количеством диссертационных работ¹⁶.

Литературное гриноведение рубежа XX-XXI веков отмечено ростом числа работ, связанных с изучением жанрового своеобразия творчества писателя, мотива в его произведениях, символической наполненности образов.

Влияние Ф. М. Достоевского на раннюю прозу А. С. Грина является недостаточно исследованным в литературоведении.

Из более чем двадцати диссертаций, посвященных творчеству А. С. Грина, и множества научных трудов гриноведов мы нашли упоминания об эпизодическом влиянии Достоевского на творчество писателя лишь у трех исследователей: В. В. Харчева, В. Е. Ковского, Е. А. Яблокова, – но у каждого из них речь идет не более чем о двух произведениях Грина.

В. В. Харчев в своем исследовании рассказа «Приключения Гинча» видит сцену «по Достоевскому»: «Объяснение же в любви он проводит самым грубым образом, оскорбляя женщину, и сам подвергается унижительному избиению – сцена «по Достоевскому»¹⁷. Однако, кроме этой сцены, ничего, напоминающего творчество Ф. М. Достоевского, в рассказе исследователь не находит.

¹⁶ Джанашия Л. Г. Формы художественной условности в русской прозе 20-х годов : А. Грин, М. Булгаков, Евг. Замятин: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1996. 169 с. ; Козлова Е. А. Принципы художественного обобщения в прозе А. Грина: развитие символической образности : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Псков, 2004. 18 с. ; Крюкова, М. И. Экфрастический тезаурус в прозе А.С. Грина : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Екатеринбург, 2019. 23 с. ; Максимова О. Л. Проза А. Грина: музыка в художественном сознании писателя: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Сыктывкар, 2004. 208 с.; Нагайцева Е. В. Концептуальная символическая модель : на материале творчества А. С. Грина : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Барнаул, 2002. 173 с. ; Парамонова, Т. А. Проза А.С. Грина как сверткостекстовое единство : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Самара, 2009. 19 с. ; Чжан Жуй. Рассказы А.С. Грина 1900-х – 1910-х годов : типология героев, специфика поэтики : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2023. 23 с. ; Шевцова Г. И. Художественное воплощение идеи движения в творчестве А. С. Грина: мотивный аспект : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Елец, 2003. 165 с.

¹⁷ Харчев В.В. Поэзия и проза Грина. Горький, 1975. С.68.

Об этом же рассказе пишет В. Е. Ковский: «Прямое влияние Достоевского Грин испытал, пожалуй, только в одной вещи – «Приключениях Гинча», где безжалостное самообнажение героя было мотивировано отношением к нему автора и самой идеей повести»¹⁸. Также ученый в романе «Дорога никуда» видит схожего с образами Достоевского героя Грина – Фрэнка Давенанта: «Знай же, что внизу то же самое, что и вверху... Есть сладость в падении, друг мой, эту сладость надо испытать, чтобы ее понять»¹⁹.

Фрэнк Давенант словно заимствован Грином из «двойников» Достоевского»²⁰.

Е. А. Яблоков находит общие черты у героини «Блистающего мира» Руны Бигуэм и Петра Верховенского: «Провокационная же идея самоценного бунта и власти как таковой наиболее непосредственно связана с Петром Верховенским. «Программа» Руны (3, 124-126) не только идейно, но и стилистически весьма близка к той стратегии, которую излагает герой «Бесов», заявляющий: «...новая религия взамен старой...» (Достоевский 1988-1996, т. 7, с. 382). Лихорадочная речь Верховенского, обращенная к Ставрогину, представляет собой апологию лжерелигии»²¹.

Необходимо отметить, что Яблоков в министре Дауговете, персонаже «Блистающего мира», видит нового «Великого Инквизитора» Достоевского: «Дауговет наследует Великому Инквизитору»²².

Методология диссертации.

Содержание стоящих перед нами исследовательских задач обусловило обращение к комплексному сочетанию нескольких научно-аналитических методов: сравнительно-типологического метода анализа и литературоведческой интерпретации художественного текста, сравнительно-исторического и культурно-исторического методов исследования.

¹⁸ Ковский В. Романтический мир Александра Грина. М., 1969. С. 146.

¹⁹ Грин А. С. Дорога никуда: роман // Грин А. С. Собрание сочинений : [в 6 т.] Т. 5 / [сост. В. И. Бугров]. Екатеринбург. С. 48.

²⁰ Там же. С. 147-148.

²¹ Яблоков Е.А. Роман Александра Грина «Блистающий мир». М., 2005. С.70-72.

²² Там же, С. 54-55.

6 Грин Н.Н. «Воспоминания об Александре Грине» Феодосия, М., 2005. С.76

В связи с многоаспектностью решаемых в диссертации задач, **теоретическую основу** исследования составили работы по отдельным вопросам теории и истории литературы и философии:

– работы отечественных ученых-гриноведов Э. А. Алиева, Л. Г. Джанашия, А. Н. Варламова, В. Вихрова, Т. Ю. Диковой, И. К. Дунаевской, Т. Е. Загвоздкиной, Е. Н. Иваницкой, В. М. Калинкина, Ю. В. Киркина, Н. А. Кобзева, В. Е. Ковского, Е. А. Козловой, Д. В. Кротовой, М. И. Крюковой, А. О. Лопуха, Я. Б. Левиной, О. Л. Максимовой, Л. А. Мельнокой, Л. А. Михайловой, Е. В. Нагайцевой, Д. Д. Николаева, Т. А. Парамоновой, А. А. Ревякиной, В. Д. Самойловой, М. А. Сычевой, В. В. Харчева, Чжан Жуй, Г. И. Шевцовой, Е. А. Яблокова и многих других;

– работы ученых-достоевсковедов: М. М. Бахтина, Н. Ф. Будановой, И. Л. Волгина, А. Волынского, С. И. Гессена, О. Г. Дилакторской, Н. В. Живолуповой, Р. Жирара, В. Н. Захарова, В. К. Кантора, Ю. Ф. Карякина, Т. А. Касаткиной, В. Я. Кирпотина, Р. Г. Назирова, В. Ф. Переверзева, Л. И. Сараскиной, П. Торопа, Р. Уильямса, Г. Р. Фридлендера, В. И. Этова, а также литературоведа Ю. М. Лотмана и многих других.

– исследования по нравственно-философской проблематике, связанной с изучением мировоззрения человека (работы Н. А. Бердяева, Д. С. Мережковского, Ф. Ницше, Л. И. Шестова).

В диссертации использовался комплексный подход к анализу произведений, сочетающий биографический, проблемно-тематический интертекстуальный и сравнительно-типологический методы.

Предметом исследования в данной работе стали традиции творчества Ф. М. Достоевского, воплощенные в художественной системе А. С. Грина.

Материалом диссертационного исследования являются ранние произведения А. С. Грина, относящиеся к 1907-1923 годам, в том числе «Марат» (1907 г), «Маленький заговор» (1909 г), «Приключения Гинча» (1912 г), «Третий этаж» (1908 г), «Трагедия плоскогорья Суан» (1912 г), «Повесть,

оконченная благодаря пуле» (1914 г), «Таинственный лес» (1913 г), «Тихие будни» (1913 г), «Состязание в Лиссе» (1921 г) и «Блистающий мир» (1923 г).

Теоретическая значимость работы заключается в систематизации и литературоведческом осмыслении наследия раннего творчества А. С. Грина. Результаты исследования позволяют подойти к решению теоретической проблемы взаимовлияния романтических и реалистических начал в ранней художественной прозе А. С. Грина, причем реалистическое направление формируется под влиянием творчества Ф. М. Достоевского.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования материалов исследования в создании школьных и вузовских курсов, спецсеминаров по истории русской литературы первой трети XX века.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Ф. М. Достоевский был идейным предшественником А. С. Грина-реалиста. Сопоставительный анализ произведений писателей позволяет говорить об идейно-тематических и формальных переключках в их творчестве. Всесторонний анализ ранних рассказов Грина позволил сделать предположение о несомненности существования параллели между образными системами, а также идейным наполнением таких романов, как «Бесы» и «Братья Карамазовы», и реалистических рассказов А. С. Грина «Марат», «Маленький заговор», «Приключения Гинча», «Третий этаж», «Трагедия плоскогорья Суан», «Повесть, оконченная благодаря пуле».

2. Исследуя психологию героев рассказов Грина и романа «Блистающий мир», мы хотим доказать, что «двойничество» героев реалистических рассказов Грина, их идеи во многом наследуют взгляды и двойственный мир героев романов Ф. М. Достоевского. В свете гуманистического идеала показаны поведение, мир сознания и души персонажей, включенных в обстоятельства, требующие выбора. Это обуславливает наличие формы повествования, близкой к исповедальности, включение монологов героев в объективное изображение. Хотим выяснить можно ли при сопоставлении героев обоих авторов, предполагать

использование Грином психологии двойного сознания литературных образов (характерной традиции творчества Достоевского).

3. Мы хотим в результате сопоставления образов главных героев «Записок из подполья» и «Приключений Гинча» обратить внимание на то, что создание образа главного героя рассказа Грина происходит на основе идей Достоевского. Проблемы, поставленные писателями в своих произведениях, схожи. К ним можно отнести отрицание предлагаемых человечеству «тяжковидами» различных моделей переустройства общества с целью создания общей гармонии, а также тот факт, что, даже имея светлый ум, желание любить, жить ярко и красиво, невозможно для тех, у кого отсутствует горячее сердце, сила воли и смелость в исполнении всех своих стремлений. Продолжение проблематики произведений Достоевского является также продолжением его традиций.

4. На основе изучения текстов романов Грина «Блистающий мир» и Достоевского «Бесы» мы высказали предположение о влиянии Евангельских мотивов, художественно осмысленных Достоевским при создании романа «Бесы» на роман «Блистающий мир» Грина, а также развитие этих мотивов в его прозе. В романе «Блистающий мир» это особенно сказалось в прорисовке характеров героев, включении автором ситуаций выбора, их идейном наполнении. Можно сказать что, традиции «Евангельского реализма» Достоевского нашли отражение и в творчестве Грина.

Степень достоверности результатов проведенных исследований

Достоверность исследования обусловлена тем, что все выводы получены в результате аналитической работы над текстами А. С. Грина и Ф. М. Достоевского, а также теоретических изысканий литературоведческого и философского характера.

Апробация работы. Основные положения диссертации прошли апробацию на заседаниях кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения федерального бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Вятский государственный университет», были

представлены в докладах на научных и международных конференциях, отражены в научных публикациях, в том числе в изданиях, рекомендованных Перечнем ВАК.

Основные положения диссертации отражены в статьях и апробированы в виде докладов на конференциях международного и всероссийского уровня: XVII Международная научно-практическая конференция «Теория и практика современной науки» (Москва, 2015 г.), XXV Международная научная конференция «Гриновские чтения – 2018» (Феодосия, 2018 г.), Международная научная конференция «Новозаветные образы и сюжеты в культуре русского модернизма» (Москва, Институт мировой литературы им А. М. Горького РАН, 2017), Международная конференция молодых филологов, литературоведческая секция (Эстония, Отделение славянской филологии Тартуского университета, 2018г.).

Структура работы. Представленная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы.

В первой главе анализируются ранние реалистические рассказы А. С. Грина в аспекте влияния традиций Ф. М. Достоевского.

В частности, рассказы о деятелях революционного движения эсеров, в организации которых состоял сам писатель и принимал участие в пропагандистской агитационной работе среди рабочих, солдат и матросов Севастопольского гарнизона («Марат», «Маленький заговор» «Третий этаж» и т.д.). Также нами анализируются и сравниваются с произведениями Достоевского рассказы Грина о городской интеллигенции («Таинственный лес», «Приключения Гинча» и т.д.).

Вторая глава содержит сопоставление романов А. С. Грина «Блистающий мир» и Ф. М. Достоевского «Бесы» и точки зрения литературной преемственности.

В заключении представлены выводы по проведенному исследованию.

ГЛАВА 1 РЕАЛИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ РАННЕГО ГРИНА В АСПЕКТЕ ВЛИЯНИЯ ТРАДИЦИЙ ДОСТОЕВСКОГО

1.1 Идеино-художественное своеобразие творчества Грина

Рубеж XIX-XX веков – период появления в литературе первых произведений Александра Грина (его первые рассказы были написаны в 1906 году). Он отразил в своем творчестве тревожный, напряженный дух переломной эпохи. Ощущение переворота, свойственное наиболее чутким его современникам – А. Блоку, М. Горькому, в высокой степени было присуще и самому А. Грину. Новое историческое время требовало новых художественных форм изображения действительности. Это достаточно сложное и насыщенное событиями время, которому присущи динамизм, тонкое ощущение переходности момента, пронизанное декадентским настроением. Новые принципы преобразования действительности не были изобретением только Грина, они были свойственны в той или иной степени и другим художникам XX века, когда происходило переосмысление содержания художественного образа. Это новое было связано с более широким представлением в понимании образа, с переходом от наглядного изображения конкретно-исторических явлений к выявлению их общей по каким – то существенным признакам основы.

Литературная картина периода «серебряного века», датируемого началом 1890-х и серединой 1920-х гг. и вслед за «золотым» веком явившего собой значительный этап развития всей русской культуры, амбивалентна и многозначна по своей сути, она смешала в своем пространстве самые противоречивые и, на первый взгляд, взаимоисключающие тенденции.

Самоощущение жизни в переломную эпоху во многом регламентировало и стимулировало как художественные процессы, так и поведение современников.

На наш взгляд, обозначенные тенденции можно объяснить общей обстановкой в стране. Необходимо также отметить влияние философских

воззрений Ф. Ницше, его идеи сверхчеловека на появление новых концепций человека в русской литературе рубежа веков.

Художественный процесс XX века (особенно его начало) представлен разными творцами и их практиками. Свое особое место в этом процессе принадлежит и Александру Степановичу Грину.

Все вышеперечисленные тенденции и точки зрения, определяющие особенности общественной и культурной жизни России с конца XIX века до двадцатых годов XX столетия, не могли не оказать влияния на идейное и стилевое своеобразие творчества А. Грина. Уже в начале творческого пути формируются этические и эстетические взгляды писателя. Жизнь на стыке двух эпох приводит его к обращению к внутреннему миру героев, их мыслям, чувствам, переживаниям. При этом психологизм отталкивается от внешних, часто необычайных событий.

Впрочем, С.К. Маковский подчеркивает, что общим началом, объединявшим всех художников русского порубежья, были одновременно «религиозная настроенность, искание Бога, и как бы ей противоположная и очень русская крайность – анархическое самоутверждение»²³. Вот это «анархическое самоутверждение», направленность художника на самого себя впоследствии резко осудил в своей статье о Серебряном веке Борис Зайцев, считавший данное явление антихристианским вектором развития русской литературы. Сходную мысль высказывает и С. Л. Слободнюк: «Серебряный век создал откровенно антихристианское направление в литературе, восходящее к идеям древних гностиков...»²⁴. В. Крейд, говоря об этом периоде, отмечает: «Одно из существенных противоречий этого грандиозного культурного контекста сосуществование религиозных исканий и люциферианских, демонических переживаний»²⁵. Действительно, эти две

²³ Там же

²⁴ Слободнюк С. Л. «Дьяволы» серебряного века: (Древний гностицизм и русская литература 1890 1930 гг.). СПб, 1998. С. 376

²⁵ Крейд В. Указ. соч. С. 14

крайности непостижимым образом сосуществовали не только в контексте всего порубежья, но порой и в творчестве одного писателя.

На наш взгляд, тенденции декаданса можно объяснить общей обстановкой в стране. «Тоска по мировой культуре», присущая художникам Серебряного века, проявлялась и в образно-тематической организации литературных произведений, и в расширении пространственных и временных границ изображения, и в широком использовании цитат и реминисценций из памятников мировой литературы.

Необходимо также отметить влияние философских воззрений Ф. Ницше, его идеи сверхчеловека на появление новых концепций человека в русской литературе рубежа веков.

Безусловно, картина художественного процесса XX века будет неполной без имени Александра Степановича Грина, чье творчество является одной из весьма интересных и оригинальных страниц в истории русской литературы. Все вышеперечисленные тенденции и точки зрения, определяющие общественную и культурную жизнь России с конца XIX века до двадцатых годов XX столетия, не могли не оказать влияние на идейное и стилевое своеобразие творчества А. Грина. Уже в начале творческого пути формируются этические и эстетические взгляды писателя. Жизнь на стыке двух эпох приводит его еще в самом начале творческого пути к обращению к внутреннему миру героев, их мыслям, чувствам, переживаниям. При этом психологизм отталкивается от внешних, часто необычайных событий.

В. Ковский убежден, что Грин, «может быть, в большей мере, чем кто-либо другой, отразил в своем творчестве ситуацию «порубежья»: отталкивание от старого и неготовность до конца принять новое (идет ли речь о социально-историческом или эстетическом его содержании); приверженность традициям и нетрадиционность в прямом значении слова; элитарную избирательность и одновременно пестроту общекультурных пристрастий»²⁶.

²⁶ Ковский В. Е. Романтический мир Александра Грина. М., 1969. С. 21.

В ранних рассказах писателя идет формирование его стиля, для которого характерна определенная двойственность, отражающая всю противоречивость эпохи: столкновение реального и воображаемого, материального и мистического, стресса и гармонии, скрытых и явных смыслов, духовного и материального, таинственного и очевидного. Для ранней прозы Грина характерна определенная незаконченность, определенная «путанность», обнажающая сакральные смыслы. Художественный язык писателя имеет синтетическую основу: с одной стороны, реалистическая основа, с другой – модернистская поэтика.

В целом, раннее творчество стало для А. Грина этапом поиска новых форм и способов познания жизни и человеческого характера. В гриновской прозе раннего периода можно найти сложность и загадочность, и новеллистическое раскрытие характера, и широкий взгляд на человеческое сознание, которое наделяется художником огромными возможностями, хотя, как он показывает, оно может становиться деформированным, искривленным.

Писатель обнажает темные стороны человеческой души, способной на нечеловеческие мысли и поступки. Объективно и всесторонне отражая эпоху, Грин не проходит мимо главных мифов XX века – и революционных, и нравственных, поиск нового героя происходит в период революционных преобразований.

Постоянное напряженное внимание к человеку, к тайнам его души, наследуется Грином от русских и зарубежных писателей, в том числе от такого великого русского психолога-реалиста, как Достоевский. Особенно, на наш взгляд, определил художественную манеру Грина такой метод испытания героя и его идеи, как нравственно-философский эксперимент, примененный в прозе и детально разработанный Достоевским. Федор Михайлович обращался, прежде всего, к внутреннему миру человека, к субъекту, рассматривающему весь мир по отношению к себе. Для героев типа Раскольникова или Ивана Карамазова самой естественной и адекватной формой подхода к миру является эксперимент, т.е. действенная проверка своей идеи, своей жизненной позиции

в мире и одновременно проверка себя, своей способности найти истину. Сущность такого эксперимента в том, что сам герой сознательно создает и провоцирует эту экспериментальную ситуацию.

Следуя примеру Достоевского, Грин идет по тому же пути, но в условно-отстраненном романтическом мире, в отличие от своего предшественника он сам организует эксперимент, чтобы проверить героя на цельность, верность себе, чтобы испытать высоту его духовно-нравственных идеалов. Писатель исследует критическую, часто предельную ситуацию и проверяет фундаментальные качества личности по высшему кодексу человечности. В то же время в гриновском мире личность ощущает ответственность лишь перед своей совестью. Эта черта характерна также и для Достоевского, что их, безусловно, сближает. Объединяющим фактором является также и мировоззрение, и психология героев произведений. Об их идеологической составляющей и психологических особенностях написал М. М. Бахтин в своем уже упомянутом нами труде «Проблемы поэтики Достоевского», в котором, на наш взгляд, точно и философски-обобщенно определил специфику творчества Достоевского.

Мы сознательно обращаемся к трудам известного литературоведа М. М. Бахтина, который выделяет три аспекта, характерные не только для творчества автора «Бесов» и «Братьев Карамазовых», но и, как мы считаем, – Грина.

Первый аспект – мировоззренческий. По мысли Бахтина, для героев Достоевского определяющим является «идейная сущность самосознания»: «Герой интересует Достоевского как особая точка зрения на мир и на себя самого, как смысловая и оценивающая позиция человека по отношению к себе самому и по отношению к окружающей действительности. Достоевскому важно не то, чем его герой является в мире, а прежде всего то, чем является для героя мир и чем является он сам для себя самого...»²⁷; «В то время как обычно самосознание героя является лишь элементом его действительности,

²⁷ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. С.54-55.

лишь одною из черт его целостного образа, здесь, напротив, вся действительность становится элементом его самосознания»²⁸.

Второй аспект творчества Достоевского, замеченный Бахтиным, – это постоянная внутренняя «незавершенность» характера героев. О персонажах ничего нельзя сказать с полнотой уверенности, потому что их мировоззрение всегда меняется под воздействием обстоятельств. Герои характеризуют «неопределенность и нерешенность», так как они показаны в момент изменения духовного самосознания: «Герой Достоевского – бесконечная функция. Герой Расина равен себе самому, герой Достоевского ни в один миг не совпадает с самим собою»²⁹.

Третья особенность, отмеченная Бахтиным у Достоевского, заключается в том, что идея у писателя выражается не сама по себе, а во время столкновения с другими идеями, в диалоге с ними: «Достоевский никогда не оставляет ничего сколько-нибудь существенного за пределами сознания своих ведущих героев (то есть тех героев, которые равноправно участвуют в больших диалогах его романов); он приводит их в диалогическое соприкосновение со всем существенным, что входит в мир его романов. Каждая чужая «правда», представленная в каком-нибудь романе, непременно вводится в диалогический кругозор всех других ведущих героев данного романа»³⁰.

Мы можем сказать, что Грин является последователем первой из названных нами особенностей творчества Достоевского: герои Грина, подобно героям Достоевского, никогда не пытаются искать «благ земных», а ищут «правду небесную», видят спасение мира в красоте и любви. Для Грина, как и для Достоевского, важна определяемая самосознанием «идейная сущность». Именно о таких персонажах сказано в рассказе Грина «Зимняя сказка» – люди из «розовой стали». Этим оксюмороном автор хотел выявить контраст между стальной твердостью характеров, силой воли и, одновременно, душевной

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 59.

³⁰ Там же. С.85-86.

уязвимостью, чуткостью сердца, доходящей до ранимости, и так же, как и Достоевскому, Грину совершенно не важно, кем является его герой для других, а важна, только его собственная точка зрения на мир.

Рассматривая в нашем исследовании произведения Грина, мы видим примеры этого уже в ранних реалистических рассказах дореволюционного периода творчества: Ян из рассказа «Марат», наивный и нежный «как дитя», одновременно беспощадный и самоотверженный борец за свободу трудового народа до полного забвения самого себя, идущий ради его будущего на верную смерть. Обыкновенно спокойный, он впадает в злобный и неудержимый экстаз, когда проповедует свои истины.

Следующий герой из этого ряда Геник (рассказ «Маленький заговор»), тоже решивший отдать жизнь для спасения, но только не как Марат – всего человечества, а невинной беззащитной девушки, которую революционеры хотят послать на совершение террористического акта, во время которого она неминуемо погибнет. То же можно сказать и о Коломбе из «Повести, оконченной благодаря пуле», мечущемся в поисках истины и решающем загадку, почему любовь властна над всем земным, и разгадавшем ее совершенно неожиданно, получив в ходе военных действий серьезные ранения и оказавшись на пороге смерти.

Также нельзя не вспомнить о Лебедеве из «Приключений Гинча», ищущем гармонии и красивых моментов бытия, одновременно страдающем от собственной слабости и скрытого равнодушия.

Отдельно необходимо выделить Руну и Друда из романа «Блистающий мир». Одна – почти погибает, лишившись памяти и остроты восприятия, запутавшись во внутренних духовных противоречиях, отчаявшись обрести любовь. После гибели Друда и перед своей духовной смертью она, смотря на его тело, испытывает сильное эмоциональное потрясение, внезапно теряет сознание, а после этого происходит потеря памяти и также прежних эмоциональных восприятий.

Друд – герой «Блистающего мира» - погиб, но всю жизнь, как Иисус Христос, без остатка отдал людям.

Мы можем предположить, что герои Грина не менее чем герои Достоевского, верят в свои идеалы и именно это является для них главным в жизни. Мы можем заметить, что при создании таких образов Грин пользовался творческими открытиями Достоевского, т.е. наследовал его традиции.

Мысль Бахтина о главенстве идейного самосознания в литературных фигурах Достоевского можно проследить и в раннем творчестве Грина.

Говоря о второй особенности творчества Достоевского, мы можем сказать, что все главные герои Грина из ранее перечисленных нами произведений характеризует такая же, как и у Достоевского, «нерешенность и неопределенность». Ян из рассказа «Марат», проникнувшись неумолимой жестокостью к угнетателям рабочих, терзается, тем не менее, сомнениями, и мучения непереносимы.

Геник не может выступить не словом, а делом против бывших товарищей по партии и тем спасти юную девушку из-за того, что душа его разрывается между жалостью к ней и преданностью идеям революции. Выбирая самоубийство, он до последнего момента сомневается в себе, отчаянно ищет пути спасения – и не находит.

Коломб, этот внешний, ко всему равнодушный, эстетствующий джентльмен, не спит ночами, тревожась и волнуясь без видимых причин, сиюсь разгадать внутренний мир террористки Фай, о которой пишет рассказ, чувствуя, что, поняв ее душу, он поймет себя и обретет смысл и значение жизни.

Руна, на наш взгляд, самый многоплановый образ, упоминаемый нами в данном исследовании. Она, будучи в начале романа уравновешенной и прагматичной, с вполне устойчивой психикой и холодными эмоциями, впоследствии до неузнаваемости меняется, уподобившись сначала персонажу романа – «Руководителю», олицетворяющему темную сторону ее натуры, а затем, увлекшись идеей «мыслительной реальности» профессора Грантома,

считающего, что мысли человека уже являются реальностью. При этом, несмотря на все эти духовные перевоплощения, продолжает любить Друда, олицетворяющего для нее красоту мира и любовь, и помнить о нем, даже когда хочет забыть, он приходит к ней в виде миражей, поэтому в конце романа это приводит ее к амнезии и духовной смерти.

Если другие герои, о которых мы говорили выше, пережили каждый по одному эмоциональному перевороту, то Руна испытывает три таких потрясения, при этом каждый раз меняя миропонимание и эмоциональную сферу.

Говоря о третьей особенности художественного мира Достоевского, указанной Бахтиным, мы можем сказать, что в перечисленных нами произведениях Грина наблюдаются такие же столкновения идей, о которых пишет исследователь, говоря о «диалогичности». В рассказе «Марат» идея друзей по революционному подполью террориста Яна о недопустимости «террора как системы» ставится в противовес его плану достичь всеобщего счастья путем полного уничтожения врагов трудового народа, но эти друзья не могут победить его страстную ненависть к угнетателям трудового класса.

Другой герой Грина – Геник, столкнувшись с необходимостью послать юную девочку, почти ребенка, на смерть, вдруг понимает, что жертвовать человеческими жизнями для мирового переустройства не только жалко, но и противоестественно, и его новое миропонимание входит в противоречие с категорической позицией прежних товарищей подпольщиков, которые никогда никого не пожалеют.

В образе Коломба происходят столкновения идей исключительно в его сознании, он хочет опровергнуть террористический анархизм как образ мысли и действия, но не может найти достаточных доводов для этого и, лишь поставленный на грань жизни и смерти, сердцем постигает божественную заповедь любви к ближнему, уходит из вымышленного мира фантазий в мир реальности.

Лебедев вступает в спор с «тяжковидом»-подпольщиком о том, что нельзя жить только ради революции, не видя красоты, не веря людям, – надо любить эту «солнечногрязную землю» такую, какая она есть, не пытаясь изменить. Но фанатично настроенный «худой, обдерганный» юноша остается непреклонным – ему нужна справедливость не для людей, а для мировой гармонии.

Руна вступает в идеологическую полемику с Друдом, и в этом диалоге ее жажда власти сталкивается с христианскими началами, заложенными в «летающем человеке».

Резюмируя сказанное, мы можем предположить, что Достоевский был одним из идейных предшественников Грина-реалиста. Сопоставительный анализ произведений этих писателей позволяет говорить, прежде всего, о преемственности традиций реализма в их творчестве. Несомненна параллель между образными системами романов Достоевского «Бесы» и «Братья Карамазовы» и реалистических рассказов Грина: Иван Карамазов – Генрик («Маленький заговор»), Кириллов – Ян («Марат»), Шигалев – «бледный юноша» («Приключения Гинча»), Верховенский – Колумб («Повесть, оконченная благодаря пуле»). Вывод, который делает Достоевский устами Степана Трофимовича об устроителях «счастливого будущего» российского государства, тождественен выводу Колумба о причинах, побудивших анархистку Фай предотвратить взрыв бомбы: они оба поняли, что «люди были материалом, а не целью» для них и их соратников. Как Достоевский завершает монологом Верховенского повествование о «бесах» революции, так и Грин финальным монологом Колумба в рассказе «Повесть, оконченная благодаря пуле» завершает цикл повествований о нелегальной жизни эсеров и больше уже не возвращается к этой теме.

1.2 Герои-революционеры в изображении Достоевского и Грина («Бесы» и рассказы «Марат», «Трагедия плоскогорья «Суан»)

Грин со знанием дела описывал жизнь подпольных борцов с царизмом, так как сам он прошел путь революционера, его история «хождения в революцию» аналогична истории таинственной девушки Фай из его рассказа. Также вначале он был увлечен подпольной романтикой эсеров-нелегалов и был неплохим и даже страстным агитатором. Об успехах Грина в области пропаганды свидетельствует опытный революционер, партийный лидер, Наум Быховский: «Долговязый оказался неоценимым подпольщиком»³¹.

В воспоминаниях прошлых лет о «Долговязом»³² (партийное прозвище Грина) мы видим не только свидетельство Быховского, но и рассказы очевидцев, матросов, слушавших пылкие речи художника против самодержавия. Один из них – Григорий Чеботарев – так отзывался о пропагандистских талантах Грина: «Он обладал каким-то талантом убеждения, способностью говорить о сложных вещах просто и доходчиво»³³. Из сказанного понятно, что Грин был искренне предан делу и являлся активным борцом с угнетателями. Причем отдавался этой работе с немалым увлечением. Но так же, как героиня его «Повести, оконченной благодаря пуле»³⁴ анархистка Фай, он вовремя понял, что революция для свержения царя – не выход и что насилие порождает только насилие. Писатель стал не только отвергать насилие над личностью, но и порицать тех, кто его прославлял. Николай Вержбицкий вспоминает об одном из разговоров с Грином: «В статье у меня с полной искренностью вырвалась фраза относительно того, что нельзя строго судить солдат и матросов, которые совершали насилия над офицерами, не принимавшими революции.

³¹ Быховский Н. С «Алексеем Долговязым» – по городам России. // Жизнь Александра Грина, рассказанная им самим и его современниками. Автобиографическая проза и воспоминания. Феодосия, 2012 С. 381.

³² Чеботарев Г. Молодой. Сильный. Энергичный... // Жизнь Александра Грина, рассказанная им самим и его современниками. Автобиографическая проза и воспоминания. Феодосия, 2012. С. 384.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

Прочитав передовицу, Грин пристально посмотрел мне в глаза и спросил: – Ты одобряешь матросов, которые привязывают камни к ногам офицеров и бросают их на съедение рыбам?»³⁵. Далее Вержбицкий приводит в своих воспоминаниях такие слова Грина: «...в моей голове никак не укладывается мысль, что насилие можно уничтожить насилием. «От палки родится палка!» – говорил мне один дагестанец»³⁶. Лицемерие вождей народа писатель ощущал особенно остро в силу крайней нервной восприимчивости. Как отмечает Л. Михайлова, «Грин горбом ощутил игру самолюбий, позу эсеровский «вождей»³⁷.

Отношение Грина к большевикам и революции лучше всего выражает его стихотворение «Петроград осенью 1917 года»: «Царя я не хочу, но все ж / Несносен большевизма еж»³⁸. Такой переворот во взглядах, от революционных к мирным, схож с судьбой Достоевского, с отражением в творчестве великого писателя и мыслителя проблем социализма, революции. Находясь в среде революционеров, Грин убеждается, что человека создает сопротивление окружающей действительности, и он, соприкасаясь с их мировоззрением, создает собственную картину действительности.

Изучив дореволюционное творчество Александра Грина (1907–1917), мы выделили два направления – романтическое, которое станет для него приоритетным, и реалистическое, в котором он после 1917 года практически не работал, хотя самые первые его рассказы были именно реалистическими.

Ранний дореволюционный период творчества писателя совпал с его деятельностью в среде революционного эсеровского подполья, поэтому многие рассказы Грина повествуют о революционерах, находящихся на нелегальном положении и ведущих борьбу с самодержавием.

В ранних реалистических рассказах А. Грина герои не являются однозначно положительными или отрицательными, как персонажи более

³⁵ Вержбицкий Н. Светлая Душа // Жизнь Александра Грина, рассказанная им самим и его современниками. Автобиографическая проза и воспоминания. Феодосия, 2012. С. 256.

³⁶ Там же. С. 254.

³⁷ Михайлова Л. Александр Грин: Жизнь. Личность, творчество. М., 1980. С. 22.

³⁸ Грин А. Собр. соч. М. 1991. Т. 3, С. 671-672.

поздних романтических произведений. Герои мечутся в поисках выхода из тупика нравственных и этических противоречий, куда их завела жизнь. Даже когда нравственный выбор сделан, у них всегда остаются сомнения в правильности выбранного пути. Душевные муки из-за этих противоречий никогда не покидают их. Герои Грина похожи на персонажей Достоевского с их непредсказуемостью и странным поведением.

Впоследствии Грин отказался от реалистического изображения героев и окружающей обстановки, став романтиком. Это обстоятельство вызывает сожаление у некоторых исследователей творчества писателя. Так, А. Варламов отмечает: «И что бы ни говорили и ни писали о будущих достижениях Грина-романтика, жаль, что он с этого пути свернул. Из Грина вышел бы первоклассный писатель-реалист»³⁹.

Прообразами героев раннего периода творчества Грина становятся представители эсеровского революционного подполья, с которыми был связан писатель. У Варламова мы находим: «Эсеры в этом смысле сделали из Грина писателя, но не как борца с угнетателями, скорее наоборот, классовую борьбу Грин отвергал»⁴⁰.

На наш взгляд, повествования о революционерах – интересная и значительная страница творчества Грина. Герои страдают не только от несовершенства окружающей действительности, но и, главным образом, от собственной духовной дисгармонии и терзающих их противоречий, и невозможности сделать окончательный выбор. Хорошо об этом сказал В. Ковский: «Персонажи ранних произведений Грина разрушительно двойственны»⁴¹. Как мы считаем, эта двойственность, возможно, возникла в результате влияния романов Достоевского.

До Революции 1917 года в творчестве Грина можно выделить следующие произведения, написанные под явным влиянием Достоевского:

³⁹ Варламов А. Н. Александр Грин. М., 2005. С. 30.

⁴⁰ Там же. С. 35.

⁴¹ Ковский В. Указ. соч. С.27.

«Маленький заговор» (1909), «Тихие будни» (1913), «Состязание в Лиссе» (1910), «Таинственный лес» (1913), «Приключения Гинча» (1912), «Третий этаж» (1908), «Трагедия плоскогорья Суан» (1912), «Повесть, оконченная благодаря пуле» (1916), а также самый глубокий по содержанию и проникновению в тайны личности революционера-подпольщика рассказ «Марат» (1907).

Отношение автора к героям этих произведений не является однозначно положительным или отрицательным, но по некоторым едва заметным намекам в тексте можно понять, что планы насильственного свержения существующей власти, воодушевлявшие этих борцов с самодержавием, не находят одобрения у писателя. Так, когда террорист, от лица которого ведется повествование, проводит томительные часы, ожидая своего друга Яна, который должен прийти к нему после убийства крупного чиновника: «тяжелые, кровавые волны стучали в сердце, тесня дыхание»⁴².» «Кровавые волны» предвещают кровавое дело. Пролитие крови отталкивает обоих писателей.

В рассказе «Приключения Гинча» отношение автора к революционеру понятно по некоторым деталям при описании его портрета другим героем рассказа – Лебедевым.

«Я чувствовал себя старше этого наивного человека с печальным ртом. Я тоже не люблю людей, – сказал он, прищурившись, точно увидел на моем воротнике паука. – И не люблю человечество. Но я хочу справедливости»⁴³.

«Печальный рот»⁴⁴ – это деталь портрета героя, передающая усталость от повседневной обыденной жизни и стремление найти ей замену в полной опасностей судьбе служителя революции, но скука, а не желание помогать угнетенным, служат мотивацией. Такая деталь портрета вызывает не восхищение героем, а только жалость как у читателя, так и у автора. Он обнаруживает совсем не героические мотивы действий террористов. Исследователь творчества Грина Варламов точно подметил: «Когда Грин

⁴² Грин А. С. Марат // Грин А. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Екатеринбург, 1994. С. 81.

⁴³ Грин А. С. Приключения Гинча // Грин А. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. М., 1980. С. С. 68.

⁴⁴ Там же.

ищет ответа на вопрос – почему и зачем его герои стали революционерами и чего добиваются в жизни, то приходит к выводам парадоксальным, прямо противоположным савинковским, обнаруживая не героическую подкладку в мотивах деятельности боевиков»⁴⁵.

Отношение автора к своим героям выражается также и в названиях рассказов. Например, в первом из трех рассказов об эсерах – «Марате». Из всех деятелей французской революции Марат отличался наибольшей смелостью, решительностью и неумолимой жестокостью. Все эти черты в равной мере присущи герою рассказа революционеру-террористу Яну. Первоначально кажется, что это стальной солдат революции, не знающий сомнения и колебания, но затем понимаешь, что ошибался в оценке. Так, в отношении к людям он добрый и отзывчивый, любящий товарищей, хорошую беседу с ними, красивую песню: «Мне хочется покататься на лодке и посмотреть на их хорошие, дружеские лица... Так мне будет легче... Хорошо?»⁴⁶.

Ян, рожденный отдавать душевное тепло окружающим и самому получать от них такое же искреннее внимание и заботу, не может прожить без общения с друзьями, очень их любит, и лучшее удовольствие для него – видеть тех, кто ему близок. Даже перед совершением террористического акта, во время исполнения которого он погибнет, герой Грина, прежде всего, хочет встретиться с друзьями и получить от них самое ценное для себя – услышать короткий негромкий разговор, чистый высокий голос, поющий песню над широкой рекой, увидеть еще раз улыбку на милых лицах. Становится ясно, что в тайниках сердца Яна самое драгоценное – это не абстрактное общественное благо и не злоба к угнетателям народа многострадальной России, а любовь к милым и добрым, немного наивным людям, в чьи лица он так жадно всматривается, зная, что никогда их не увидит. Сущность души героя – это доброта и любовь к людям. Самой природой заложены в него чистота желаний и помыслов, стремление

⁴⁵ Варламов А. Указ. соч. С.41-42.

⁴⁶ Грин А. С. Марат // Грин А. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Екатеринбург, 1994. С. 38.

совершать добрые поступки и чувствовать удовольствие от того, что другим хорошо. Сестра друга Яна, Евгения, так его характеризует: «Вы были такой... как дитя. И страшно восставали против всякой полемики, а также и ... против террора, как системы?»⁴⁷.

И совершенно непонятно, как это простодушное доброе «дитя» становится фанатичным и жестоким. Неожиданно страшные слова срываются с его уст: «А знаете ли вы, что главное в революции? Ненависть! И если ее нет, то ... и ничего нет. Если б каждый мог ненавидеть...! Сама земля затрепетала бы от страха»⁴⁸.

Эта идея о счастье человечества через пролитие крови переборола все лучшие чувства и погрузила Яна в бездну ненависти, оставив только маленький уголок в душе, где горит немеркнущий, но слабый огонек любви к немногим друзьям. Они страшатся страстной ненависти к «враждебной крови», но понимают, что не могут остановить это безумие и продолжают любить Яна. Мнение друзей о нем можно выразить следующими словами: «Мы думали иначе. А он думал иначе, чем мы. Это было просто и не требовало споров»⁴⁹.

Рассказ «Марат» – повествование о том, как одна очень сильно полюбившаяся мысль, подобная экстазу фанатика, изменяет человека, делая его невыносимо жестоким, при этом оставляя немного света и тепла в сердце. Герой отдает все душевные силы и страсти этой мысли, сжигающей все человеческие начала, прежде бывшие в нем. В диалоге со своим другом он говорит: «Террор – ужас... А ужаса нет. Значит, и террора нет... А есть... Самый настоящий террор и есть! – насторожившись, задорно ответил Кирилл. – Конечно, в пределах возможного... А что же, по-вашему? Да так пустяки... Спорт. Паники я не вижу... Где она? Сумейте нагнать панику на врагов. Это – все! Ужас – все!...»⁵⁰.

⁴⁷ Грин А. С. Марат // Грин А. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Екатеринбург, 1994. С. 43.

⁴⁸ Там же. С. 42.

⁴⁹ Там же. С. 43.

⁵⁰ Там же. С. 42.

Чтобы лучше понять образ, созданный Грином, следует обратиться к роману Достоевского «Бесы», герой которого Алексей Нилыч Кириллов является, на наш взгляд, литературным предшественником Яна. Про Кириллова и Яна можно сказать словами героя «Бесов» Шатова: «Вы отравили сердце этого несчастного, этого маньяка, Кириллова, ядом... Вы утверждали в нем ложь и клевету и довели разум его до исступления...»⁵¹

Разум героев отравлен страстью разрушения, обладающей такой над ними властью, позволившей почти полностью подчинить душу. Но душа просыпается время от времени и дает о себе знать постоянной неуспокоенностью и сильной болью. «Лицо Яна еще раз вспыхнуло острой мукой и потухло, окаменев в задумчивости. Только черные глаза беспокойно блеснули в орбитах»⁵².

Не отдают отчет герои только в одном: путь к уничтожению – это путь к новому рабству. Как отмечает литературовед В. Ф. Переверзев, «тот, кто ничего не смел и не мог, благодаря революции все смеет и все может. Но в той же революции куются цепи нового рабства»⁵³.

Авторское отношение к Яну можно было бы назвать беспристрастным, если бы не описание состояния героя, на которое указывает исследователь творчества писателя В. В. Харчев: «Своевременно спросить: какова же позиция автора? Ответить на вопрос довольно трудно. Шапка-невидимка! Вот передается напряженное ожидание рассказчика. «Розоватый свет лампы пронизывал веки, одевая глаза светлой тьмой». «Тьма» и «свет», судя по целому ряду рассказов Грина, – основные эстетические образы – детерминанты авторского отношения. Но «светлая тьма»! Ян и его друзья, прекрасные души, делают что-то не то...»⁵⁴. Ненавязчиво сообщая о своей позиции в отношении главного героя рассказа, Грин использует творческие приемы Достоевского, который также явно не обозначает авторскую позицию

⁵¹ Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15 томах. Т. 7. Л., 1990 С. 236.

⁵² Грин А. С. Марат // Грин А. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Екатеринбург, 1994. С. С.43.

⁵³ Переверзев В.Ф. Достоевский и революция. М, 1996. С. 528.

⁵⁴ Харчев В.В. Указ. соч.. С. 14-15.

в романе «Бесы», но дает некие намеки, например, описывая Кириллова: «Это был еще молодой человек, лет около двадцати семи, прилично одетый, стройный и сухощавый брюнет, с бледным, несколько грязноватого оттенка лицом и с черными глазами без блеску. Он казался несколько задумчивым и рассеянным»⁵⁵.

Постоянная «задумчивая рассеянность и глаза без блеску»⁵⁶ – деталь портрета инженера Кириллова, по которой видно прежде, чем он заговорит, что его разум овладел сердцем. Если глаза не блестят, то это означает частичную потерю эмоций, составляющих главную радость в жизни обычных людей, не зараженных идеями. Душа Алексея Нилыча тоже добрая и светлая, как и у героя рассказа «Марат», и ему хочется сделать что-нибудь хорошее для ближнего. Когда Шатов приходит к Кириллову за помощью, тот без всяких колебаний отдает ему все продукты и деньги, какие у него есть, будучи при этом совсем не богатым человеком. Смотря на него с сожалением, Шатов замечает: «Кириллов! – вскричал Шатов, захватывая под локоть чайник, а в обе руки сахар и хлеб, – Кириллов! Если б... если б вы могли отказаться от ваших ужасных фантазий и бросить ваш атеистический бред... о, какой бы вы были человек, Кириллов!»⁵⁷.

Но бросить свой «атеистический бред»⁵⁸ Кириллов не в силах.

Герои Достоевского и Грина одержимы идеей богоборчества. Считают, что не Бог, а они сами могут распоряжаться своей жизнью и жизнями других людей. Они готовы отдать все ради осуществления главной идеи, для нее и живут, забыв обычные земные радости. Уверенность Яна и Кириллова в том, что могут изменить свое и чужое существование насильственным путем, является греховной, но, тем не менее, эти несчастные возбуждают жалость, поскольку сохранили доброту и любовь в сердцах. Они уверены, что жертвуют собой ради грядущего счастья человечества, не ведая, что могут принести

⁵⁵ Достоевский Ф. М. Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15 томах. Т. 7. Л., 1990. С. 89.

⁵⁶ Там же. С. 532.

⁵⁷ Там же. С. 532.

⁵⁸ Там же. С. 532.

своей стране только горе. Ян одержим ненавистью к тем, кого он считает угнетателями народа, а Кириллов – непомерной гордостью, не знающей границ настолько, что считает себя «человекобогом», а Бога не признает. «Стало быть, тот Бог есть же, по-вашему? Его нет, но он есть. В камне боли нет, но в страхе от камня есть боль. Бог есть боль страха смерти. Кто убьет себя только для того, чтобы страх убить, тот тотчас Бог станет»⁵⁹.

Ум, подчинивший сердце, изменил прекрасную, добрую душу Кириллова. Парадоксально в герое Достоевского то, что на самом деле он любит только Христа и так же, как и Христос, жертвует собой ради людей и хочет, чтобы все были счастливы. Из самой сокровенной глубины его духовного сознания выходят слова: «Я не могу о другом, я всю жизнь об одном. Меня Бог всю жизнь мучил, – заключил он вдруг с удивительной экспансивностью»⁶⁰.

Он отдает жизнь, чтобы изменить человечество, сделать людей смелее и умнее, а для таких жизнь на земле – это уже не «боль и страх», счастье для них становится возможным: «Я начну, и кончу, и дверь отворю. И спасу. Только это одно спасет всех людей в следующем же поколении переродит физически: ибо в теперешнем физическом виде, сколько я думал, нельзя быть человеку без прежнего Бога никак. Я три года искал атрибут божества моего и нашел: атрибут божества моего – Своеволие! Это все, чем я могу в главном пункте показать непокорность и новую страшную свободу мою. Ибо она очень страшна. Я убиваю себя, чтобы показать непокорность и новую страшную свободу мою»⁶¹.

Ю. П. Иваск так говорит о Кириллове: «Он утверждал человекобога, а любил только Христа, хотя и не верил в воскресение»⁶².

А. С. Долинин более образно определил сущность героя: «Гибнет, наконец, и Кириллов, так близко подошедший к Христу: отделенный

⁵⁹ Там же. С. 112.

⁶⁰ Там же. С. 113.

⁶¹ Там же. С. 576.

⁶² Иваск Ю. П. Упоение Достоевского // Достоевский, Ф. М. Бесы : роман в трех частях; антология русской критики. М., 1996. С. 697.

тончайшей гранью, лик человекобога уже начинает сливаться с ликом Богочеловека»⁶³.

Готовность к самопожертвованию во имя людей приближает героев Грина и Достоевского к «тончайшей грани», отделяющей их от Христа. Эти герои во многом похожи. «Покойная гордость» инженера, граничащая с презрением, с которой он высказывает свои безумные слова, похожа на страстные восклицания про «враждебную кровь в жилах народа» другого безумца, описанного Грином. Они оба ставят себя выше народа и считают вправе учить его, как перестроить жизнь.

Вместо того чтобы просто любить людей такими, какие они есть, герои-революционеры хотят постоянно что-то кому-то доказать, желают переделать весь мир, не щадя при этом никого, в том числе и самих себя. Но в самих идеях, которыми заражены герои, таится губительное противоречие: с одной стороны, они хотят осчастливить человечество, с другой, для этого «счастья» Кириллов желает убить себя, а Ян горит ненавистью к самодержавию, угнетающему народ, и желает только одного – жестокой мести. Кажущаяся совершенно очевидной для верующих библейская истина, что «взявшие меч, мечом погибнут»⁶⁴, не приходит в безумные головы героев – они до самого последнего момента своего существования убеждены в том, что счастье достижимо через кровь.

Разум, который увел их от Бога и завел в тупик, не может найти выход. Душа, обманутая разумом, выбирает путь, ведущий не к радости, а к смерти, и она начинает меняться, в ней появляются темные стороны. Прикрываясь красивыми словами, втайне даже от себя, Ян желает не справедливости, а утоления непомерной гордости; жаждет разрушения и хаоса, при мыслях о которых испытывает болезненное наслаждение, впадая в экстаз и эйфорию: «Каменное лицо Яна осталось совершенно равнодушным. Но через мгновение он живо повернулся всем корпусом и воскликнул с такой страстью, что даже

⁶³ Долинин А. С. Исповедь Ставрогина (В связи с композицией «Бесов») // Литературная мысль. Пт., 1922. Вып. 1. С. 150.

⁶⁴ Мф. 26:52.

я невольно насторожился, почуяв новые струны в этом, хорошо мне знакомом, сердце. Да! Пусть ужас вперит в них слепые, белые глаза!.. Я жестокостью отрицаю... Но истребить, уничтожить врагов – необходимо!..»⁶⁵.

Тема украшения уличных фонарей телами врагов народа получила развитие в дальнейшем творчестве Грина в рассказе «Трагедия плоскогорья Суан». В отличие от благородного и в глубине души честного и чистого Яна, герой рассказа, бывший революционер, а ныне преступник, Блюм, – воплощение зла и человеконенавистничества, которым еще только заразился Марат. Убивая, он испытывает неприкрытое удовольствие и совершенно не боится признаться в этом себе и другим. Мы готовы вслед за В. Ковским назвать Блюма «самым отвратительным гриновским персонажем»⁶⁶. По мнению Калинкина, «в каждом его действии, в каждом поступке, слове видна звериная жестокость»⁶⁷. Психология этого бандита наглядно показывает, до чего можно дойти, повинаясь страсти к уничтожению врагов. Трудно представить себе, каким Блюм был раньше. Но путь свершения диктатуры с помощью террора вполне может довести до такого полуживотного состояния. Лишь чудом главный герой рассказа избегает смерти от его руки.

Разрушение дает удовлетворение лишь ненадолго, не лишая мучительных сомнений в правильности выбора, но Марат не в состоянии обходиться без мгновений этого дикого восторга. Герои Достоевского и Грина оказались в плену ложных ощущений, вера в которые граничит с фанатизмом, тем не менее, постоянные мысли о них приносят временное удовлетворение, но потом мрак сомнений и мучений еще больше сгущается, заставляя опять искать спасение в тайных безумных мыслях. Этот круг, эту зависимость разорвать у Яна и Алексея Нилыча так и не получилось, но надо отдать им должное – уверенности в своей непогрешимости и спокойствия мыслей и чувств у них никогда не было, что характеризует их как людей с беспокойной совестью и ищущим истину умом. «Меня всегда Бог мучил», – произнес

⁶⁵ Грин А. С. Марат // Грин А. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Екатеринбург, 1994. С. С.43.

⁶⁶ Ковский В. Указ. соч. С. 58.

⁶⁷ Калинкин В.М. Поэтика онима. Донецк, 1999. С. 321-322.

Кириллов, не подозревая, что, говоря эти слова, приближается к Богу, а не удаляется от него, потому что Христос любит тех, кто считает себя грешными и страдает от собственного несовершенства, а не тех, кто всегда спокоен и никогда не сомневается в своей праведности. Приведем строки Евангелия: «возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится»⁶⁸.

Герои Достоевского и Грина горят, не жалея себя, но сгорают слишком быстро, так и не согрев любимое ими человечество своим пламенем. Очень тонко подметил губительную ошибку в убеждениях Кириллова и Яна С. И. Гессен: «Мы наталкиваемся на ограниченность разума и безверия. Кириллов сам чувствует эту ограниченность, но охваченный своей идеей, не хочет ее видеть. «Я еще только Бог поневоле, и я несчастен, ибо обязан заявить своеволие». Этой обязанностью, которую чувствует Кириллов, он все же связан с другими людьми вопреки своему уединению. Ставрогин ясно видит этот разлад и противоречие внутри Кириллова. «Великодушный» и «хороший» Кириллов чувствует себя обязанным доводами разума преодолеть свой страх, который все еще привязывает его к миру и к Богу. Вот это воодушевление Кириллова, которого предметом только является разум, но которое менее всего рассудочно, его-то и недостает Ставрогину»⁶⁹.

Шатов в отличие от них понимает, что разумом отличить зло от добра нельзя, и встает на другой путь – веры в Бога и русский народ. «Никогда не было еще народа без религии, то есть без понятия о зле и добре»⁷⁰.

Этой веры и твердости духа лишены герои «Бесов» и «Марата». Борьба добра и любви с идеями установления всеобщего благоденствия в них и составляет главную движущую силу сюжета произведений Грина и Достоевского. Образы героев представлены в динамике: в процессе повествования они претерпевают изменения: один становится «презрительно гордым», другой зажигается страстной ненавистью. Постепенно вредоносные идеи, захватившие сначала только их ум, изменяют душевный мир, делая

⁶⁸ Лк.18:9-14.

⁶⁹ Гессен С. И. Трагедия зла (Философский смысл образа Ставрогина). М. 1996. С. 672-673.

⁷⁰ Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15 томах. Т. 7. Л., 1990. С. 238-239.

несчастливыми. Ф. Ницше говорил о таких людях, одержимых вредноносными идеями: «В свободную высь стремишься ты; звезд жаждет твоя душа. Но твои дурные инстинкты также жаждут свободы»⁷¹.

Борьба светлых и темных начал, живущих в Яне и Алексее Нилыче, идет постоянно и не заканчивается победой ни того, ни другого. Герои Достоевского и Грина приходят к гибели, так и не успокоив свои мысли и чувства от терзающих их противоречий. На наш взгляд, можно говорить о внутренней бинарной оппозиции «светлое-темное» в характерах главных героев, что является отличительной чертой произведений Достоевского и ранних рассказов Грина о революционерах.

Проведенный сопоставительный анализ романа Ф. М. Достоевского «Бесы» и рассказа А. С. Грина «Марат» позволяет сделать вывод о сходстве идей и психологии героев двух писателей. Несомненен вывод о том, что традиция Достоевского, характеризующая наличие двойственного сознания героев нашла отражение в творчестве Грина.

⁷¹ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М, 2010.. С. 53.

1.3 Духовные метаморфозы героев Достоевского и Грина (Иван Карамазов и Геник) а также психологический анализ образов революционеров в рассказах «Третий этаж» и «Повесть, оконченная благодаря пуле»

Герои с двойным сознанием у А. С. Грина появились, на наш взгляд, благодаря влиянию творчества Достоевского. Однако, как верно заметил В.В. Харчев, такие характеры, «несмотря на отдельные частные достижения, так и остались экспериментальными у Грина»⁷².

Один из таких характеров мы видим в рассказе «Маленький заговор», в котором Грин обращается к теме жизни, смерти и любви. Как сказано в рассказе «Приключения Гинча», «три темы постоянно привлекают человеческое воображение, «Смерть, жизнь и любовь»⁷³. В рассказе «Маленький заговор» видно сочетание этих тем, и мы попытаемся их раскрыть.

Главный герой рассказа «Маленький заговор» – революционер-подпольщик Геник. Это опытный борец с самодержавием, давно выбравший для себя полную опасностей конспиративную жизнь, посвященную освобождению России от тирании путем свержения власти с помощью террора. В своем желании он вполне искренен, не понимая, что насильственное свержение власти с использованием террористических методов - дорога не к всеобщей свободе, а к смерти. По мнению А. Варламова, «Грин начал со смерти и с тех, кто ей служит. Он изначально уловил в терроре самое важное – не социальный протест и крайнее средство политической борьбы, а подсознательное патологическое нежелание жить, борьбу любви и ненависти к жизни в человеческой душе, поражение одного чувства и победу другого и как следствие стремления убивать себя и других.

⁷² Харчев В.В. Указ. соч. С. 71.

⁷³ Грин А. С. Приключения Гинча // Грин А. С. Собр. соч.: в 6 т. Т. 2. М., 1980. С. 68.

Увидел – и от этого призрака отшатнулся, но успел запомнить и запечатлеть»⁷⁴. Геник тоже увидел ошибочность этого пути, что изменяет не перемены его взглядов путем логических доводов разума, а проявление любви и жалости к невинной и чистой девушке, случайно ставшей участницей революционных действий, причем, скорее, по своей детской наивности и стремлению к справедливости, чем по твердому убеждению. Она, по заданию партии, решилась на убийство чиновника, исполнив которое, и сама неминуемо погибнет. Замкнутый на себе и своей деятельности, прагматичный Геник вдруг начинает чувствовать не только ненависть к угнетателям народа, но и другие, человеческие эмоции: восхищение и радость при виде молодой цветущей жизни в полном ее расцвете, жалость к ней и категорическое несогласие с ее решением умереть, пожертвовав собой ради «общего дела»: «Гостя застенчиво улыбнулась, села, оправляя коричневую юбку тонкими, слегка задрожавшими пальцами, и устремила на Геника пристальные большие глаза, темные, как вечернее небо»⁷⁵. Вглядываясь в эти глаза, герой рассказа вдруг обнаружил, что смысл его существования не в утверждении идей революции, не в служении всему человечеству, а в любви к отдельно взятым людям, в том числе к этой милой и доброй девушке. Грином изображается духовное изменение Геника после этой встречи.

Духовные искания Геника напоминают Ивана Карамазова. В обоих героях богочеловек возобладавал над человекобогом, потому что оба они осознали: законы божии выше законов человеческих. А. Волынский так пишет об Иване Карамазове: «Человекобог, этот живущий в нем молодой Аполлон, хочет веселья и безусловной личной свободы, но богочеловек, – то, что робко, но свято в человеке, – плачет в нем и не находит себе никакого успокоения»⁷⁶.

Сомнения Геника напоминают размышления Ивана Карамазова. Герой Достоевского не захотел принять всеобщее счастье и гармонию в обмен на «слезу ребенка». Это решение далось ему непросто – оно было рождено в

⁷⁴ Варламов А. Н. Указ. соч.. С. 35.

⁷⁵ Грин А. С. Маленький заговор // Грин А. С. Собр соч.: в 6 т. Т. 2. М., 1980. С. 422.

⁷⁶ Волынский А. Человек и богочеловек. Достоевский СПб., 2007 С. 261.

муках: «И если страдания детей пошли на пополнение той суммы страданий, которая необходима была для покупки истины, то я утверждаю заранее, что вся истина не стоит такой цены»⁷⁷.

Воображая, что не принимает «мира божьего», думая, что бунтует против него, он не готов проливать кровь и слезы ради грядущего счастья человечества. Трагическая ошибка его, из-за которой он столько мучился, была в том, что происходит все в мире не по заранее составленному богом плану, где определено, кому быть жертвой, кому палачом, а в вечном противостоянии добра и зла, сил божественных и дьявольских. Карамазов думает, что Бог мог бы сделать путь к счастливому миру без насилия и боли легче для людей, что «слеза ребенка» может не пролиться, что Бог специально испытывает нас, «унавоживая» нами путь к вечной гармонии и процветанию. Это главное заблуждение Ивана Карамазова. Говоря о своем неприятии высшей гармонии, он протестует, сам не зная того, не против бога, а против утопических теорий «борцов за идею», которые готовы ради воплощения в жизнь своих несбыточных планов пролить не одну, а много слез и загубить много жизней.

Против «слезы ребенка»⁷⁸ выступает и герой Грина. Геник не хочет посылать на верную смерть юную девочку, которая должна была по заданию партии убить крупного чиновника. Своим товарищам он говорит: «... Но ей восемнадцать лет... Я не знаю, как вы смотрите на это... но молодость... то есть, я хочу сказать, что она еще совсем не жила... Рассуждая хорошенько, жалко, потому что ведь это совсем еще юный человек... Ну... и как-то неловко... Конечно, она сама просилась и все такое... Но я не согласен... Будь это человек постарше... взрослый, даже пожилой. Определенно-закостенелых убеждений... Человек, который жил и жизнь знает, – и другое дело... Да будет его святая воля... А эти глаза, широко раскрытые на пороге жизни, – как убить их?»⁷⁹.

⁷⁷Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 9. М., 1991. С. 275.

⁷⁸Там же.

⁷⁹Грин А. С. Маленький заговор // Грин А. С. Собр. соч.: в 6 т. Т. 2. М., 1980. С. 435.

Но одни из них не поняли его, другие настолько очерствели духом, что не захотели прислушаться. «Маслов слушал и понимал Геника – но не соглашался; Чернецкий понимал – но не верил; Шустер просто недоумевал, бессознательно хватаясь за отдельные слова и фразы, внутренне усмехаясь чему-то неясному и плоскому»⁸⁰.

Голос Геника остался «гласом вопиющего в пустыне»⁸¹. Никто не захотел поверить и понять, что первая заповедь любви к людям, а не к абстрактным идеям, является главной нравственной нормой: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя»⁸².

Неприятие героев Грина большинством окружающих людей – сквозная тема творчества писателя. Подобно «Подростку» Достоевского, одержимые романтики Грина закрывают чувства и мысли внутри себя, зная, что они мало кому интересны. «К себе. К себе! Все порвать и уйти к себе – в Америку?.. – К себе, к одному себе! Вот в чем вся «моя идея...»⁸³ – говорит герой романа Достоевского о себе и о них. Понять, что ты чужой всем, и жить с этим сознанием тяжело и под силу не каждому, но, когда видишь, что ты не одинок, и рядом оказывается хотя бы кто-нибудь, кого ты понимаешь и кто тебе близок по духу, становится значительно легче. Например, героиня рассказа «Тихие будни» (1913), поверившая хаму и оскорбленная им, встречает вокруг враждебность и холодность провинциальных жителей и вдруг случайно подслушивает беглого солдата, который притворяется немым во избежание лишних вопросов, но наедине с собой разговаривает. Между ними происходит любопытный диалог, в котором выясняется, что беглый не разговаривает с людьми не потому, что не умеет разговаривать, а говорить правду боится, а врать не умеет. Евгении после знакомства с солдатом жизнь становится понятнее и легче, благодаря пониманию, что открыть душу можно только избранным друзьям, а остальных лучше опасаться, пока хорошо не узнаешь.

⁸⁰Там же. С. 434.

⁸¹Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 9. М., 1991. С. 275.

⁸²Мф, 12:31.

⁸³Достоевский Ф. М. Подросток // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 томах. Т. 8. Л., 1990. С. 53.

Генику повезло меньше. В трагический момент жизни никто не помог ему ни словом, ни делом. Иван Карамазов, в отличие от него, не всегда находился в одиночестве.

В романе Достоевского с Иваном Карамазовым разговаривает старец Зосима, который его отлично понял и высказал все тайное, в чем он боялся признаться даже себе самому. Они вступают в напряженный диалог: «Неужели вы действительно такого убеждения о последствиях иссякновения у людей веры в бессмертие души их? – спросил вдруг старец Ивана Федоровича.

– Да, я это утверждал. Нет добродетели, если нет бессмертия.

– Блаженны вы, коли так веруете, или уже очень несчастны!

– Почему несчастен? – улыбнулся Иван Федорович.

– Потому что, по всей вероятности, не веруете сами ни в бессмертие вашей души, ни даже в то, что написали о церкви и о церковном вопросе.

– Может быть, вы правы!.. Но все же я и не совсем шутил... – вдруг странно признался, впрочем, быстро покраснев, Иван Федорович.

– Не совсем шутили, это истинно. Идея эта еще не решена в вашем сердце и мучает его. В вас этот вопрос не решен, и в этом ваше великое горе, ибо настоятельно требует разрешения...

– А может ли быть он во мне решен? Решен в сторону положительную?

– продолжал странно спрашивать Иван Федорович, все с какою-то необъяснимою улыбкой смотря на старца.

– Если не может решиться в положительную, то никогда не решится и в отрицательную, сами знаете это свойство вашего сердца; и в этом вся мука его. Но благодарите творца, что дал вам сердце высшее, способное такою мукой мучиться, «горняя мудрствовать и горних искати, наше бого жительство на небесах есть». Дай вам бог, чтобы решение сердца вашего постигло вас еще на земле, и да благословит бог пути ваши!»⁸⁴.

⁸⁴ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 9. М., 1991. С. 81.

Персонажа, подобного старцу Зосиме, нет в окружении Геника. Противоречие между служением революции и любовью к ближнему сохранялось и не нашло разрешения, что привело к гибели. Он выступил словом, а не делом против своих бывших товарищей по оружию, потому что еще продолжал верить в те социалистические утопии, которые подчинили себе его мозг, но и не смог смириться со смертью прекрасной беззащитной девушки, только начинающей жить. Жить раздираемым трагическими сомнениями Геник не смог и ушел, оставив Любу в холодных и равнодушных руках борцов за всеобщее счастье, приняв решение покончить с собой. «Он сунул руку в карман, ощутив странное удовлетворение, когда сталь револьвера коснулась вздрагивающей ладони»⁸⁵. Как жаль, что не прозвучал для него умиротворенный и мудрый голос старца Зосимы, отвечающий маловерным, как уверовать в бога и убедиться в бессмертии души: «Опытом деятельной любви. Постарайтесь любить ваших ближних деятельно и неустанно. По мере того, как будете преуспевать в любви, будете убеждаться и в бытии Бога, и в бессмертии души вашей. Если же дойдете до полного самоотвержения в любви к ближнему, тогда уж, несомненно, уверуете, и никакое сомнение даже и не возможно зайти в вашу душу. Это испытано, это точно»⁸⁶.

Герой Грина не услышал голоса божественной правды, который спас бы его от безысходной тоски и даже смерти, помог бы обрести одно из самых главных благ в жизни человека – душевное спокойствие, ясность и определенность в своих мятущихся мыслях и чувствах. Ведь для героя Грина, как и для героя Достоевского, познать мир и самого себя, обрести уверенность в своих действиях является необходимым условием жизни и даже спасением от смерти. По мнению Ю. Карякина, «у Достоевского познание и происходит как бы на самой границе бытия-небытия, на самой границе между жизнью и смертью, и точность, честность, мужество, красота и совесть этого

⁸⁵ Грин А. С. Маленький заговор // Грин А. С. Собр. соч.: в 6 т. Т. 2. М., 1980. С. 453.

⁸⁶ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 9. М., 1991. С. 64.

познания оказываются условием самого бытия, самой жизни, условием спасения ее – ввиду смерти»⁸⁷.

В. Кантор отметил важную особенность развития характера Карамазова: «Старец не уверен, что сам Иван сумеет обуздать свою природную гордыню, свое высокомерие, ведущее к неуважению других, и поэтому несчастен»⁸⁸.

Можно отметить сходство нравственного состояния героев Достоевского и Грина, потому что ни один из них не может успокоиться душевно, – решить для себя противоречие между двумя идеями, которые терзают их сердца и умы. У героя Грина это конфликт между прагматикой социалистических учений и чувством евангельской безрассудной любви к своему ближнему. У героя Достоевского это невозможность принять будущую общечеловеческую гармонию и счастье, зная, что на пути к ним была пролита «слеза ребенка». Писатель показывает главную черту Ивана Карамазова: двойственность, борьбу «евклидова» ума, отягощенного мыслью о неприятии «мира божьего», и души с ее стремлением верить Богу и любить «ближнего своего». Иван не в силах по-настоящему полюбить людей со всеми их страстями и пороками. Он горд, высокомерен и не может примириться с человеком, обидевшим «ребенка», а уж тем более полюбить его. О такой гордости, переходящей в пренебрежение к людям, сказано у Ницше: «Кто захотел бы все понять у людей, должен был бы ко всему прикоснуться. Но для этого у меня слишком чистые руки»⁸⁹.

Иван Карамазов не может побороть в себе тайное презрение ко всем окружающим, и потому несчастен. Это противоречие между высокомерием и любовью не разрешается в нем ни в одну из сторон, считает Ю.Ф. Карякин: «Народная правда, заключающаяся в идее и образе Христа, не может подавить правды личности, а может ей только помочь, считал Достоевский. Мучения

⁸⁷Карякин Ю. Ф. Не опоздать. Беседы. Интервью. Публицистика разных лет. СПб., 2012. С. 57.

⁸⁸Кантор В. «Судить божью тварь». Пророческий пафос Достоевского. М.2010. С. 140.

⁸⁹ Ницше Ф. Указ. соч. М, 2010. С. 242.

одинокое ума приводят героя к безумию. Но в этих мучениях есть и просветляющая сила»⁹⁰.

Подобное смятение характерно и для Геника. Но он отличается от своего литературного предшественника Ивана, который втайне презирает ближних и высокомерно к ним относится тем, что более добр, чувствителен и полон любви и сострадания к окружающим. Спокойствие и нарочитая грубоватость, стремление отрешиться от всех внешних проявлений своей горячей натуры ради идеи – всего лишь маска, под которой скрывается внутренне не защищенный, глубоко ранимый человек. Поэтому простое, но очевидное откровение, что нельзя губить «маленькую зеленую жизнь» даже во имя самой высшей цели, поражает героя Грина так же внезапно и убийственно, как и пуля. Если герой «Братьев Карамазовых» может прожить с раздвоением души, не умирая и даже находя время для самоанализа и философствования, то Геник, как человек более ранимый, не может смириться с постоянной сердечной болью и погибает. О героях Достоевского и Грина можно сказать, что они вступили в «область трагедии», о которой написал Л. Шестов: «Есть область человеческого духа, которая не видела еще добровольцев: туда люди идут лишь поневоле. Это и есть область трагедии. Человек, побывавший там, начинает иначе думать, иначе чувствовать, иначе желать»⁹¹.

Можно считать, что трагедия героев Грина и Достоевского является протестом писателей против имморализма, они хотят показать, где добро и где зло, помочь читателям сделать выбор, достойный нравственного и верующего человека. Аксиологические координаты творчества русских писателей обозначил Б. Вышеславцев: «Мне кажется только, что в обожании беззаконной стихии ни у Пушкина, ни, тем более конечно, у Толстого и Достоевского – нет никакого имморализма. В этом особенность русской души, в этом отличие Достоевского от Ницше. Западный дух, если влюбится в

⁹⁰ Карякин Ю. Ф. Указ. соч. С. 176.

⁹¹ Шестов Л. Достоевский и Ницше : Философия трагедии // Шестов, Л. Сочинения. М., 1995. С.178.

стихийность, непременно станет «по ту сторону добра и зла». Так было со времен Цезаря Борджиа и Бенвенуто Челлини»⁹².

Иван и Геник тоже люди «русской души». Героями Достоевского и Грина в обоих произведениях движет не разум, а чувства. Эту тенденцию в поведении персонажей Достоевского отметил и Б. П. Вышеславцев: «Герои действуют наперекор рассудку, не отдавая себе отчета, потеряв власть над событиями; подпочвенные течения в душе влекут к поступкам»⁹³.

Геник и Иван Карамазов показаны художниками в аспекте диалектического единства и борьбы чувства и мысли. Герой Достоевского, выстраивая свою теорию, расширяет ее до масштабов вселенских, онтологического основания мира. При этом разумное в содержании сосуществует и сталкивается со стихией чувства, переживания. Именно они вызывают резкое неприятие невинного страдания в мире. Образам брата Алеши и старца Зосимы, обратившимися к гордому «эвклидову уму», противопоставляется непосредственное чувство безграничной, вечной Божьей любви к тому же страдающему человеку. Гордый ум колеблется в момент истины. Геником, в конечном счете, когда он совершает гуманные поступки, также руководит чувство любви, а не логика. Разум и логика, наоборот, заводят в тупик – эта общая отличительная особенность героев, умноженная на мотив невинной детской слезы, позволяет сделать вывод о сближении образов Достоевского и Грина, о продолжении традиций.

Можно упомянуть еще одного героя Грина, прообразом которого является Вергинский (персонаж романа Достоевского «Бесы»), – революционер, имя которого неизвестно (мы знаем только его подпольную кличку «Барон»), из рассказа «Третий этаж». Художник посвятил произведение своему партийному учителю-эсеру Быховскому. Здесь мы наблюдаем в герое рассказа ту же жажду разрушения и хаоса, которую заметили в Яне из рассказа «Марат». Это губительное чувство оправдывается

⁹² Вышеславцев Б.П. Русская стихия у Достоевского // Достоевский Ф. М. Бесы : роман в трех частях; антология русской критики. М., 1996. С. 602.

⁹³ Там же. С. 597.

избавлением от серого существования, утомляющего однообразием: «Революция – какое могучее слово! Конечно, он взялся за нее не потому, чтобы верил в спасительность республиканского строя. Нет! Люди везде скоты. Но ведь в ней так много жизни, движения, подъема»⁹⁴. Литературный предшественник Барона Вергинский тоже находит выход из скучных будней в социальных утопиях. Ставрогин удивляется: «Из всех впечатлений его, за все время, проведенное им в нашем городе, всего резче отпечаталась в его памяти невзрачная и чуть не подленькая фигурка губернского чиновничика – яростного сектатора бог знает какой будущей «социальной гармонии», упивавшегося по ночам восторгами пред фантастическими картинами будущей фаланстеры»⁹⁵.

Общее между Вергинским и «Бароном» то, что спастись от скуки и получить удовольствие от жизни иначе как в фантастическом мире народно-освободительных идей, они не могут. Этим объясняется их одержимость борьбой за «правое дело», а не стремлением спасти человечество (одержимость доказывает эгоизм, а не альтруизм).

Продолжит ряд рассказов о деятелях революционного движения «Повесть, оконченная благодаря пуле». По нашему мнению, его можно назвать итогом размышлений писателя над миром эсеров-подпольщиков.

Вывод, сделанный в конце этого рассказа, характеризует отношение писателя к своим бывшим единомышленникам, в деятельности которых он принимал активное участие. Этот вывод многократно обдуман и выстрадан еще до написания рассказа, после отказа от сотрудничества с эсерами. До издания «Повести, оконченной благодаря пуле» Грином было создано несколько произведений, показывающих внутренний мир революционеров достаточно глубоко и подробно. Характеры героев этих рассказов во многом похожи на характеры героев-социалистов, описанных Ф. М. Достоевским в романе «Бесы».

⁹⁴ Грин А. Третий этаж. // Грин А. С. Собр.соч. : в 6 т. Т. 1. М., 1980. С. 278-279.

⁹⁵ Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15 томах. Т. 7. Л., 1990. С. 52.

Революционеры Грина глубоко несчастны. Ян из рассказа «Марат» – от природы добрый и чуткий человек, хотя и заразился идеями террора, тем не менее, до конца не утратил своих душевных качеств, но, несмотря на внутренние переживания и борьбу с самим собой, остался верен идеалам своих соратников по борьбе с самодержавием. Подобно герою Достоевского Кириллову, он идет на смерть, думая, что этим делает жизнь человечества более счастливой, но в результате умножает только печали и скорбь. В рассказе «Приключения Гинча» показан «бледный малокровный юноша» из среды революционного подполья, ратующий за всемирную гармонию и справедливость. Своей страстью к полной и всеобщей справедливости любой ценой он похож на персонажа Достоевского Шигалева. В «Маленьком заговоре» главный герой Геник восстает против террористических замыслов своих товарищей, но, подобно герою Достоевского из романа «Бесы» Шатову, не хочет открыто выступить против них и погибает, кончая жизнь самоубийством.

Достаточно категорично и ясно Грин и Достоевский высказываются о показанных ими на страницах своих книг радетелях за благо общества в монологах Степана Трофимовича Верховенского из романа «Бесы» и Коломба из рассказа «Повесть, оконченная благодаря пуле». Эти монологи подводят итог рассуждениям писателей о революции и ее последователях.

У Грина в рассказе повествование ведется от имени главного героя – европейского писателя, предположительно француза. О его национальности и о названии страны, где происходит действие, ничего не говорится. Главную сюжетную линию составляет история духовного перелома, произошедшего с героем рассказа Коломбом. Не вмешиваясь в жизнь, которая неудержимо течет мимо него, Коломб остается только наблюдателем, всецело концентрируясь на проблемах творческого процесса и придумывании вымышленных, психологически не реалистичных персонажей: «Его романы тщательно проводили идеи, в которые он не верил, но излагал их потому, что

они были парадоксальны, как и все его существо, склонное к выгодным для себя преувеличениям»⁹⁶.

Практически он живет в плену своего воображения, не имеющем ничего общего с действительностью. На наш взгляд, в этом плане уместно сравнить его со Степаном Трофимовичем Верховенским, героем романа Достоевского «Бесы». Степан Трофимович, подобно Колумбу, живет в выдуманном мире, только вместо написания сочинений лелеет для себя фантастическую идею, навеянную Чернышевским и другими создателями социальных утопий, способную, по его мнению, изменить и улучшить Россию. Думая, что служит ей, постоянно занимается только одним – пустопорожней, никому не нужной болтовней, хотя восторженность и вера в идеалы свободы и равноправия у него совершенно искренни: «К тому же Россия есть слишком великое недоразумение, чтобы нам одним его разрешить, без немцев и без труда. Вот уже двадцать лет, как я бью в набат и зову к труду! Я отдал жизнь на этот призыв и, безумец, веровал! Теперь уже не верую, но звоню и буду звонить до конца, до могилы; буду дергать веревку, пока не зазвонят к моей панихиде!»⁹⁷.

Несмотря на очевидную утопичность своих речей и мыслей, герои Достоевского и Грина не лишены острого ума, аналитического склада и тонкой наблюдательности, помогающих им глубже видеть и понимать людей. Так, Степан Трофимович видит духовное несовершенство окружающих его единомышленников и относится к ним весьма иронически. «Все вы из «недосиженных», – шутиливо замечал он Виргинскому»⁹⁸.

Но свое духовное несовершенство и оторванность от людей Верховенский, как и Колумб, не видят, и прозрение настигнет их только в финале. Оба они находятся в поисках пути к умственной и эмоциональной гармонии с собой, окружающим миром и людьми, и каждый из них напрягает ум, душу и отбрасывает все лишнее, наносное, поверхностное, будь то свои или

⁹⁶ Грин А. С. Повесть, оконченная благодаря пуле // Грин А. С. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 5. Екатеринбург, 1994. С. 347.

⁹⁷ Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15 томах. Т. 7. Л., 1990. С. 36.

⁹⁸ Там же. С. 31.

другие ошибочные мнения и взгляды. Так, Коломб, исследуя мысли героини своей повести – террористки, исповедующей анархические взгляды, девушки по имени Фай, проходит через череду тяжких сомнений, не зная, как объяснить ее внутренний душевный переворот, причины, побудившие ее отказаться от массового убийства и самоубийства даже помешать проведению террористического акта: «Похитив снаряд, она прячет его в безопасное для жизни людей место и становится из разрушительницы человеком толпы, бросив возлюбленного, чтобы жить обыкновенной, простой, но, в сущности, глубоко человеческой жизнью людских потоков, со всеми их правдами и неправдами, падениями и очищениями, слезами и смехом. Коломб искал причины этой благодетельной душевной катастрофы. И вот, с вечера пятого дня работы, стал он, как сказано, в тупик перед немалой задачей: понять то, что еще не создано, создать самым процессом понимания причины внутреннего переворота женщины, по имени Фай»⁹⁹.

Все версии произошедшего изменения писатель, созданный Грином, отвергает: «Он стал писать, зачеркивать, вырывать листки, курить, прохаживаться, с головой, полной всевозможных предположений относительно героини, представив ее красавицей, он размышлял, не будет ли уместным показать пробуждение в ней долго подавляемых инстинктов женской молодости. Веселый гром карнавала не мог ли встряхнуть сектантку, привлечь ее, как женщину, к соблазнам поклонения, успехов, любви? Но это плохо вязалось с ее характером, сосредоточенным и глубоким. К тому же подобное рассеянное, игривое настроение немыслимо в ожидании смерти»¹⁰⁰.

Соблазн любви, чувство жалости, страх – эти и множество других причин проносятся в его голове и признаются психологически не достоверными, не соответствующими внутренней логике развития душевного мира загадочной девушки. В сомнениях и муках творчества главного героя рассказа мы видим аналогии с романом «Бесы» Достоевского, его героем –

⁹⁹ Грин А. С. Повесть, оконченная благодаря пуле // Грин А. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. Екатеринбург, 1994. С. 335.

¹⁰⁰ Там же. С. 336.

Степаном Трофимовичем Верховенским. Героев Грина и Достоевского характеризует крайняя душевная неуспокоенность, смятение. Ими движет необходимость познания истины о себе и об окружающих. Верховенский мечется в поисках истины, уходя от мелкого и повседневного, обманываясь, тем не менее, не успокаиваясь, но страдая от непонимания и грубости в силу крайней впечатлительности, чувствительности, а также слабости воли и характера: «Он, бесспорно, согласился в бесполезности и комичности слова «отечество»; согласился и с мыслию о вреде религии, но громко и твердо заявил, что сапоги ниже Пушкина, и даже гораздо. Его безжалостно освистали, так что он тут же, публично, не сойдя с эстрады, расплакался»¹⁰¹. Можно согласиться с Н. И. Пруцковым, назвавшим Верховенского «большим ребенком»: «Степан Трофимович, как и многие другие люди его поколения, по суждению автора, всего лишь взрослый ребенок, суетный и тщеславный, но при этом бесконечно добрый, благородный и беспомощный Дон Кихот»¹⁰².

Внешне совершенно не похожий на Верховенского, герой Грина обладает умением сохранить мужество в момент опасности, имеет твердый характер, сильную волю, всегда выглядит вполне уравновешенным, уверенным в себе человеком. Переживания и чувства он прячет от всех под маской бесстрастного эстетствующего джентльмена. Но главная черта, объединяющая двух героев Грина и Достоевского, делающая их братьями по духу, – то, что они живут выдуманной жизнью, но хотят вырваться из замкнутого круга фантазий и ощутить себя как одно целое с человечеством, о котором столько думают, но совсем не знают. Выход из круга для героя Грина – решение загадки перевоплощения Фай. Именно тогда, когда загадка таинственного переворота в мировоззрении девушки будет решена, герой Грина и сам поймет о себе то, о чем раньше не догадывался, и такой же переворот произойдет и в нем самом. Для Степана Трофимовича выход – это осознание, что он, хотя и верующий, но по взглядам своим стоит далеко от

¹⁰¹ Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15 томах. Т. 7. Л., 1990. С. 24.

¹⁰² История русской литературы: в 4 т. Т. 3: Расцвет реализма. Л., 1982. С. 733.

Бога и христиан. Соединиться, почувствовать себя вместе с народом можно, только придя сначала к Богу и поверив не только разумом, но и сердцем в евангельскую истину о том, что Бог и любовь одно и то же. В Евангелии об этом мы читаем. «Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне»¹⁰³. Поверить в Бога Степану Трофимовичу мешают утопические идеи социального переустройства общества, пленившие его разум.

Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» был настольной книгой маленького кружка провинциальных социалистов, которому принадлежал Степан Трофимович, их «Библией», их катехизисом. Прийти от романа-утопии Чернышевского к Евангелию – этот долгий путь героя. Как верно заметила Л. И. Сараскина, «в контексте «Бесов» социальная утопия, обещавшая счастье в виде колонн из алюминия и поющих тружеников на тучных полях, является революционной Библией, канонем смуты, ее философской базой и политической платформой»¹⁰⁴.

Выступая против диктатуры самодержавия, Степан Трофимович не понимал, что зовет к другой диктатуре, диктатуре анархии. Как сказал русский философ Д. С. Мережковский: «Анархия и монархия – два различные состояния одной и той же *prima materia*, «первого вещества» – насилия как начала власти: насилие одного над всеми – монархия, всех над одним – анархия»¹⁰⁵.

Безусловно, жаль, что Слово Божие открылось Верховенскому только в конце жизненного пути, когда до смерти осталось совсем немного. Он просит прочитать ему место в Евангелии, где, по его мнению, идет речь о происходящем в современной ему России.

«Тут же на горе паслось большое стадо свиней, и бесы просили Его, чтобы позволил им войти в них. Он позволил им. Бесы, вышедши из человека,

¹⁰³ Мф, 106 зач., 25, 31-46.

¹⁰⁴ Сараскина Л. И. «Бесы», или Русская трагедия // Достоевский Ф. М. Бесы: роман в трех частях; антология русской критики / сост. Л. И. Сараскина. М. 1996. С. 445.

¹⁰⁵ Мережковский Д. С. Пророк русской революции // Достоевский Ф. М. Бесы: роман в трех частях; антология русской критики / сост. Л. И. Сараскина. М., 1996. С. 478.

вошли в свиней; и бросилось стадо с крутизны в озеро и потонуло. Пастухи, увидя происшедшее, побежали и рассказали в городе и в селениях. И вышли видеть происшедшее и, пришедши к Иисусу, нашли человека, из которого вышли бесы, сидящего у ног Иисусовых, одетого и в здравом уме, и ужаснулись. Видевшие же рассказали им, как исцелился бесновавшийся»¹⁰⁶.

«Друг мой, – произнес Степан Трофимович в большом волнении, – *savez-vous*, это чудесное и... необыкновенное место было мне всю жизнь камнем преткновения... *dans ce livre*... так что я это место еще с детства упомянул. Теперь же мне пришла одна мысль; *une comparaison*. Мне ужасно много приходит теперь мыслей: видите, это точь-в-точь как наша Россия. Эти бесы, выходящие из больного и входящие в свиней, – это все язвы, все миазмы, вся нечистота, все бесы и все бесенята, накопившиеся в великом и милом нашем больном, в нашей России, за века, за века! *Out, cette Russie, que j’aimais toujours*. Но великая мысль и великая воля осенят ее свыше, как и того безумного бесноватого, и выйдут все эти бесы, вся нечистота, вся эта мерзость, загноившаяся на поверхности... и сами будут проситься войти в свиней. Да и вошли уже, может быть! Это мы, мы и те, и Петруша... *et les autres avec lui*, и я, может быть, первый, во главе, и мы бросимся, безумные и взбесившиеся, со скалы в море и все потонем, и туда нам дорога, потому что нас только на это ведь и хватит. Но больной исцелится и «сядет у ног Иисусовых...», и будут все глядеть с изумлением»¹⁰⁷.

Коломб после опасного пулевого ранения, думая, что может умереть, пережил такое же переосмысление духовных ценностей, но в отличие от Степана Трофимовича остался жить. Прочувствовав этот момент, он стал счастливее и нравственно чище, а отношение к людям, которых он считал раньше всего лишь материалом для творчества, наполнилось любовью, увидел, чего не хватало ему для ощущения полноты жизни и гармонии с миром. Ему остается только со стыдом вспоминать, что раньше «жизнь в том

¹⁰⁶ Лк, 8:32-36.

¹⁰⁷ Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15 томах. Т. 7. Л., 1990.. С. 610-611.

виде, в каком она представилась ему теперь, казалась нестерпимо, болезненно гадкой. Не смерть устрашала его, а невозможность, в случае смерти, излечить прошлое. «Я должен выздороветь, – сказал Коломб, – я должен, невозможно умирать так». Страстное желание выздороветь и жить иначе было в эти минуты преобладающим.

И тут же, с глубоким изумлением, с заглушающей муки души радостью, Коломб увидел, при полном освещении мысли то, что так тщетно искал для героини неоконченной повести. Не теряя времени, он приступил к аналогии. Она, как и он, ожидает смерти; как он, желает покинуть жизнь в несовершенном ее виде. Как он – она человек касты; ему заменила живую жизнь привычка жить воображением; ей – идеология разрушения; для обоих люди были материалом, а не целью, и оба, сами не зная этого, совершали самоубийство»¹⁰⁸.

Проснувшаяся жажда жизни и духовное пробуждение героя – не новая тема в творчестве Грина. Он обращался к ней еще раньше в рассказе «Таинственный лес» (1913 г), где прагматичный Рылеев, живший раньше одними только расчетами, после сильного морального потрясения (его оставила девушка) сознает, что жизнь не средство достижения карьерных целей, а хороша сама по себе, если имеешь чувства, позволяющие радоваться и грустить, избегать скуки и равнодушия, можно удивляться и получать удовольствие от, казалось бы, незначительных вещей. Откровение это было для него как озарение, которое пришло, когда он сплавлялся по лесной реке на плоту и неожиданно отвлекся от своей тоски по Лизе и залюбовался таежным пейзажем. «Вот я несчастен, а смотрю с удовольствием вокруг и так бы ехал еще долго. Да несчастен ли я? – сказал он, подумав. – Что же – жизнь для меня кончилась, что ли?»¹⁰⁹.

¹⁰⁸ Грин А. С. Грин А. С. Повесть, оконченная благодаря пуле // Грин А. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. Екатеринбург, 1994. С. 348.

¹⁰⁹ Грин А. С. Таинственный лес // Грин А. С. Собрание сочинений в 5 т. Т. 2. Рассказы 1913 -1916 гг. М., 1990. С. 15.

Выводы, которые делают герои Достоевского и Грина, идеологически близки – любить сначала людей и все прекрасное вокруг, потом себя, перестать всматриваться в маленький внутренний мирок, увлекаясь самопознанием, а открыть удивительный и восхитительный мир вокруг них и понять, что он прекрасен, чудесен и достоин удивления и восхищения. Как только они это поняли, тайна душевного и умственного сознания революционеров была ими раскрыта. Ясно стало, что социалисты и анархисты, прикрываясь красивыми словами, втайне даже от самих себя, хотят только разрушения и хаоса, хотят перемен не для других, а для удовлетворения своей страсти к насилию. Верховенскому открылись по-новому давно известные строки из Евангелия о бесах, вошедших в свиней, как образ демократического движения в России. Коломб за каких-то полчаса, готовясь, казалось бы, к неизбежной смерти, изменил свое мировоззрение и вдруг сразу понял причину перевоплощения Фай. «Наконец-то, – сказал Коломб вслух пораженному Браулю, – наконец-то я решил одну психологическую задачу – это относится, видите ли, к моей повести. В основу решения я положил свои собственные теперешние переживания. Поэтому-то она и не бросила снаряд, а даже помешала преступлению»¹¹⁰.

«Бесы» и проанализированные рассказы Грина отталкиваются от общей типологической основы – темы терроризма. Эта тема в творчестве обоих художников разворачивается в психологическом плане и получает идейное звучание. Мотив обращения к всечеловеческой любви как сути бытия заставляет сознание героев перемениться, очиститься от напускного, неестественного, отчасти идеологического. Радость жизни, любовь к жизни, любовь к человеку показаны как преображающее чудо, итог поиска. Идейное содержание вывода героев Достоевского и Грина, составленного на основе жизненного опыта, позволяет говорить о литературной преемственности художников.

¹¹⁰ Грин А. С. Повесть, оконченная благодаря пуле // Грин А. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. Екатеринбург, 1994. С. 335.

Мы предполагаем, что традиция «идеологичности героев» произведений (каждый персонаж воплощает какую-либо идею) прошла сквозь творчество Достоевского и от него перешла к Грину.

1.4 Двойственный мир главных героев повести Достоевского «Записки из подполья» и рассказа Грина «Приключения Гинча»

Исследователи творчества Грина считают ранние реалистические рассказы дореволюционного периода творчества писателя (1907-1917) всего лишь подготовкой к написанию знаменитых романов, таких как «Золотая цепь», «Дорога никуда», «Блистающий мир», «Джесси и Моргиана» и т.д. В. Ковский дает характеристику раннему творчеству писателя: «... Грин, до конца жизни выступавший в двух ипостасях – реалиста и романтика, утрачивал этот уже вполне выработанный, блестяще отточенный почерк всякий раз, когда изменял романтизму»¹¹¹.

Мы считаем, что ранние реалистические произведения писателя – одна из интересных страниц для исследователя его творчества, в котором показаны сложные трагические герои, страдающие от противоречий, прежде всего, в самих себе, а также и в обществе окружающих их людей. Мы видим влияние творчества Достоевского на Грина. Именно из произведений Достоевского, из образов надломленных жизнью, но не сдающихся героев, борющихся с самими собою и вечно терзающихся неразрешимыми душевными сомнениями, родились герои ранних рассказов Грина. Об этих трагических, внушающих симпатию своей жаждой познания истины и душевной неустроенностью людей очень точно сказал Лев Шестов: «Есть область человеческого духа, которая не видела еще добровольцев: туда люди идут лишь поневоле»¹¹².

В отличие от романтических образов, таких как Друд, Гарвей, Давинант, которые совсем не мучаются проблемой выбора нравственного идеала, герои ранних рассказов гораздо сложнее и описаны более подробно и психологически реалистично. Персонажи реалистических рассказов Грина («Приключения Гинча», «Марат», «Маленький заговор», «Повесть,

¹¹¹ Ковский В. Указ. соч. С. 18.

¹¹² Шестов Л. Избранные сочинения. М., 1995. С.24-25.

оконченная благодаря пуле») всегда терзаются внутренними душевными противоречиями. Грин создает их вполне психологически реалистичными. Он показывает тех людей, которые могут существовать в действительности, а не фантастических, таких как Грей и Друд из более поздних произведений. В литературоведении присутствуют и другие позиции. Уже упомянутый нами В. Ковский считает, что действительность изображена в реалистических рассказах Грина слишком упрощенно и схематично. «Писатель рисовал схематичную и в значительной степени натуралистическую картину мира, элементы которой не были приведены во взаимодействие и выверены единым масштабом изображения»¹¹³.

Высказанная позиция, на наш взгляд, не соответствует действительности. Схематизм и прямолинейность литературных фигур более присущи романтическим произведениям Грина, когда герои произведений ни мгновения не сомневаются, как им поступить в критических обстоятельствах.

О романтических образах Грина высказался Н. А. Кобзев: «Новый романтический герой Грина – это поистине прекрасный человек. Моральный кодекс его характеризуется нравственным совершенством и стоической неизблемостью. О героях гриновского романа (в собирательном смысле) можно сказать словами автора: это люди из «розовой стали»¹¹⁴.

Герои реалистических произведений Грина нравственным совершенством и цельностью личности не обладают, а постоянно мечутся между добром и злом, решая при этом проблему выбора идеала, чем напоминают литературные фигуры романов и рассказов Достоевского.

Рассмотрим один из реалистических рассказов писателя – «Приключения Гинча». Главный герой произведения, чиновник далекого уездного города, Лебедев, по просьбе своего приятеля-революционера берет на сохранение бомбу, предназначенную для совершения террористического акта, хотя сам не состоит в подпольной организации. Бомбу находит полиция

¹¹³ Ковский В. Указ. соч. С. 25-26.

¹¹⁴ Кобзев Н. А. Роман Александра Грина. Кишинев, 1985. С. 15.

у дома Лебедева, и его объявляют в розыск. Он скрывается в Петербурге, живет по поддельным документам, берет звучную фамилию Гинч и участвует во множестве разнообразных приключений. По мнению В. В. Харчева, «жизнь предложила герою все, чем обычно жили романтические герои Грина, – возможность риска, борьбы, любви, дружбы, искусства, богатства, приключений. Он ничего не осуществил и все испакостил»¹¹⁵.

Многие исследователи Грина не видят в натуре Лебедева противоречий, а трактуют его образ как мелочного и самовлюбленного эгоиста, заботящегося о своем благе, но не страдающего от собственной духовной неполноценности и не думающего о вечных вопросах бытия.

По мнению В. Ковского, «Лебедев никогда и ничем не увлекался. Перед читателем человек без страстей и симпатий, постоянно симулирующий то и другое, – своего рода маленький Самгин, хорошо замаскировавший собственную безликость и в избытке наделенный комплексом неполноценности»¹¹⁶.

На наш взгляд, исследователь не прав в оценке этого неоднозначного, слабого, эгоистичного, но ищущего любви, красоты и удивительных впечатлений героя. Автор в начале рассказа характеризует его неоднозначно. С одной стороны, «лицо, взятое напрокат из модных журналов». С другой стороны, взгляд Гинча «выражал серьезное большое страдание»¹¹⁷.

Страдание говорит о не совсем умершей душе, умевшей когда-то любить, а лицо, взятое напрокат из «модных журналов», о банальных и скудных желаниях.

Страдание и мечты о чем-то прекрасном, но недоступном, соединенные с пошлостью и обыденностью житейских желаний и устремлений, – отличительная особенность неординарной, но рано уставшей от жизни личности. «Безликими» таких индивидуалистов назвать нельзя. В русской литературной традиции их принято называть «лишние люди», это такие

¹¹⁵ Харчев В. В. Указ. соч. С. 65.

¹¹⁶ Ковский В. Указ. соч. С. 26.

¹¹⁷ Грин А. С. Приключения Гинча // Грин А. С. Собр. соч.: в 6 т. Т. 2. М., 1980. С. 68.

натуры, как, например, Обломов, Рудин и чиновник в «Записках из подполья». Рискнем предположить, что Гинча можно считать одним из них.

Грин, как и Достоевский в «Записках из подполья», заставляет героя рассказывать самому о себе.

Грину, безусловно, ближе психологизм Достоевского, интересующегося бесконечным потоком противоречивого человеческого сознания, чем сдержанность и рационализм.

Попробуем это доказать в нашей работе. Рассмотрев литературный прообраз Лебедева, перейдем к сравнению героя повести Достоевского и личности бывшего чиновника, попавшего в круговорот приключений и ставшего Гинчем, из рассказа Грина.

Ключ к пониманию его психологии лежит в эпизоде с Марьей Игнатьевной: «Чувствуя себя гнусно, я упал на колени и с раскаянием, а также с затаенной усмешкой, поцеловал мокрый от дождя ботинок; запахло кожей.

– Мария Игнатьевна, – простонал я, подползая на заболевших коленях, стараясь обхватить ее ноги и прижаться к ним головой, – молодая душа простит. Я люблю вас!

– Отойдите, – глухо произнесла она. – Дайте мне подумать.

Я встал, но она уже была на подоконнике и, нагнувшись, отнесла руки назад; большое окно лестницы мгновенно нарисовало ее фигуру, по контуру изогнувшегося тела желтели освещенные окна квартир. Я зашатался, застыл; в миг все чудовищное выросло передо мною: сознав, что надо отойти, сбежать хоть бы пять ступенек, я тем не менее, пораженный ожиданием кровавой тяготы, стоял, крича хриплым голосом.

– Что вы делаете со мной? Я уйду, уйду, уйду!

В то же мгновение ноги мои вдруг обессилели, задрожав; окно мелькнуло платьем, а внизу, подстерегая падение, шумно ухнул двор, и отвратительно быстро наступила полная тишина. Чувствуя, что меня тошнит от страха и злобы, я поспешно сбежал вниз и, с холодным затылком, плохо

соображая, что делаю, выбежал к калитке, закрывая руками голову, чтобы не увидеть»¹¹⁸.

Лебедев хочет любить Марью Игнатьевну и сочувствовать ей. Он видит ее нравственную силу, которая состоит в искренности чувств и доброте, а также ее слабость – детскую наивность и неумение защитить себя, но одновременно с этими чувствами ему, в силу какого-то странного духовного противоречия, она кажется смешной своей наивностью, и поэтому он «упал на колени и с раскаянием, а также с затаенной усмешкой, поцеловал мокрый от дождя ботинок»¹¹⁹.

Это душевное противоречие никогда не оставляет Лебедева. «Затаенная усмешка» над всем добрым и прекрасным вечно живет в нем вместе с любовью к людям и болью сердца. Трагедия его в том, что ледяющий душу цинизм он изгнать из себя не может. Жить с пустотой в душе Гинчу становится скучно, хочется ярких переживаний, жгучих страстей, но испытать все это с ледяным сердцем невозможно.

Бешеная жажда жизни при холодном сердце определяет особенности характера Гинча. Мы согласны с В. В. Харчевым, который считает, что «у Грина отношение к любви – мера нравственной ценности: «Я любил Женю, девушку провинциальной чистоты, и любил всех женщин. В огромной и нежной массе их вспыхивали передо мной, наяву и во сне, целые хороводы, гирлянды женщин; я хотел жену – для преданности и глубокой любви, высшего ее воплощения; жена представлялась мне благородством в стильном, дорогом платье; хотел женщину-хамелеона, бешеную и прелестную; хотел одну-две в год встречи, поэтических, птичьих» (250).

Это даже не противоречия, а словно две души одного человека, не знающие о существовании друг друга, но говорящие одним неразличимым голосом.

¹¹⁸ Грин А. С. Приключения Гинча // Грин А. С. Собр. соч.: в 6 т. Т. 2. М., 1980. С.109.

¹¹⁹ Там же. С. 112.

«Я сделал отчаянное лицо, запел фальшиво, изо всех сил стараясь изобразить большую мятущуюся душу, но стало противно» (265). Это эксцентрика, кривляние. Однако подлец не сказал бы «стало противно». И у Гинча действительно мятущаяся душа, хотя он о том, кажется, не подозревает»¹²⁰.

В герое Грина видится подпольный человек Достоевского. Диалог Лебедева и Марьи Игнатьевны вызывает в памяти разговор письмоводителя с Лизой из «Записок из подполья»: «...душу, значит, продала, а к тому же деньги должна, значит и пикнуть не смеешь. А умирать будешь, все тебя бросят, все отвернутся, – потому, что с тебя тогда взять? Еще тебя же попрекнут, что даром место занимаешь, не скоро помираешь. Пить не допросишься, с ругательством подадут: «Когда, дескать, ты, подлячка, издохнешь; спать мешаешь – стонешь, гости брезгают». Это верно; я сам подслушал такие слова. Сунут тебя, издыхающую, в самый смрадный угол в подвале, – темень, сырость; что ты, лежа-то одна, тогда передумаешь? К другим дети на могилу ходят, отцы, мужья, а у тебя – ни слезы, ни вздоха, ни поминания, и никто-то, никто-то, никогда в целом мире не придет к тебе; имя твое исчезнет с лица земли – так, как бы совсем тебя никогда не бывало и не рождалось! Грязь да болото, хоть стучи себе там по ночам, когда мертвецы встают, в гробовую крышу: «Пустите, добрые люди, на свет пожить! Я жила – жизни не видала, моя жизнь на обтирку пошла; ее в кабаке на Сенной пропили; пустите, добрые люди, еще раз на свете пожить!...».

Я вошел в пафос до того, что у меня самого горловая спазма приготовлялась, и ... вдруг я остановился, приподнялся в испуге и, наклонив боязливо голову, с бьющимся сердцем начал прислушиваться. Было от чего и смутиться.

Давно уже предчувствовал я, что перевернул всю ее душу и разбил ее сердце, и, чем больше я удостоверился в том, тем больше желал поскорее и как можно сильнее достигнуть цели. Игра, игра увлекла меня; впрочем, не одна

¹²⁰ Харчев В.В. Указ. соч. С.66-67.

игра...»¹²¹. Последние слова «впрочем, не одна игра» напоминают фразу Лебедева: «с раскаянием, а также с затаенной усмешкой»¹²².

Герои «Записок из подполья» и «Приключений Гинча» страдают одним и тем же душевным недугом: они хотят жить полной насыщенной жизнью, но не в состоянии в силу собственного цинизма, трусости и слабых эмоционально-волевых качеств, при этом они умны и проницательны, и то и другое их сближает и позволяет говорить о литературной преемственности.

Как пример аналитического склада ума выбранных нами героев Грина и Достоевского можно привести случай встречи Гинча с революционером подпольщиком. При встрече с ним во время своих скитаний, Лебедев, слушая его мнение о смысле работы на благо революции – о том, что справедливость нужна только ради самой справедливости, но не для людей, чувствует себя старше и мудрее этого «наивного человека с печальным ртом». Ему понятно, что справедливость не ради народа, а для воплощения идеи не нужна никому, и деятельность, направленная на воплощение этих мыслей, абсолютно бессмысленна. Желание общественно-полезной деятельности для низвержения власти рано или поздно незаметно переходит в желание властвовать безгранично над людьми, оправдывая свой произвол общим благом, как это предлагает Шигалев в романе Достоевского «Бесы». Он считает возможным «...разделение человечества на две неравные части»¹²³, предполагая, что одна часть будет господствовать над другой. Об идее «вечной гармонии» рассуждает и герой «Записок из подполья»: «Человек любит созидать и дороги прокладывать, это бесспорно. Но отчего же он до страсти любит тоже разрушение и хаос? Вот это скажите-ка! Но об этом мне самому хочется заявить два слова особо. Не потому ли, может быть, он так любит разрушение и хаос (ведь это бесспорно, что он иногда очень любит, это уж так), что сам инстинктивно боится достигнуть цели и довершить создаваемое здание? Почем вы знаете, может быть, он здание-то любит только

¹²¹ Достоевский Ф. М. Записки из подполья // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 4. М., 1990. С. 528.

¹²² Там же.

¹²³ Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 7. М., 1990.. С. 379.

издали, а отнюдь не вблизи; может быть, он только любит созидать его, а не жить в нем,

Но человек существо легкомысленное и неблагоприятное и, может быть, подобно шахматному игроку, любит только один процесс достижения цели, а не самую цель. И кто знает (поручиться нельзя), может быть, что и вся-то цель на земле, к которой человечество стремится, только и заключается в одной этой непрерывности процесса достижения, иначе сказать – в самой жизни, а не собственно в цели, которая, разумеется, должна быть не иное что, как дважды два четыре, то есть формула, а ведь дважды два четыре есть уже не жизнь, господа, а начало смерти <...>.

Вы верите в хрустальное здание, навеки нерушимое, то есть в такое, которому нельзя будет ни языка украдкой выставить, ни кукиша в кармане показать.»¹²⁴. Это суждение можно считать критикой философии русского утопического социализма и европейского позитивизма, в частности одного из его видных представителей – О. Конта. Вспомним цитату из его книги, против которой направлено критическое высказывание героя Достоевского: «Основное правило, что всякое предложение, которое недоступно точному превращению в простое изъяснение частного или общего факта, не может представлять никакого реального и понятного смысла»¹²⁵. Хрустальное здание, о котором иронически поведал герой «Записок из подполья», явно напоминает «дивные храмы» из четвертого сна Веры Павловны, героини романа Чернышевского «Что делать?» про утопический город мечты: «Сколько в нем чудных храмов! Особенно на холме, куда ведет лестница с воротами удивительного величия и красоты: весь холм занят храмами и общественными зданиями, из которых каждого одного было бы довольно ныне, чтобы увеличить красоту и славу великолепнейшей из столиц»¹²⁶.

¹²⁴ Достоевский Ф. М. Записки из подполья // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 4. М., 1990. С. 474-475.

¹²⁵ Западноевропейская социология XIX века. О.Конт. Д.С. Милль. Г. Спенсер // под общей редакцией профессора В.И. Добренкова. Международный Университет Бизнеса и Управления. М., 1996. С.16.

¹²⁶ Дилакторская О.Г. Петербургская повесть Достоевского, СПб., 1999. С. 242-243.

Нельзя не согласиться с мнением Гинча и письмоводителя Достоевского. Людей невозможно заставить жить, повинаясь любой, даже самой разумной системе, придуманной самыми умными головами. Для этого человечество слишком любит свободу, и не нужно ему «хрустальное здание», где нельзя будет даже «кукиш в кармане показать».

О таких неустроенных в практической жизни, но вечно ищущих истину героях писал Ницше в работе «Так говорил Заратустра»: «Три превращения духа называю я вам: как дух становится верблюдом, львом верблюд и, наконец, ребенком становится лев» ¹²⁷. Причем состояние верблюда характеризуется тем, что человек, не задумываясь, выполняет свой долг, то есть, что общество, окружающее его, считает его правильным. То и для него вполне верно. Второе состояние развития духа, которое Ницше называет «львом» необходимо личности для того, чтобы освободиться от страха несоблюдения правил, навязанных ему другими, и научиться быть сильным и смелым. При этом «лев» совершенно не задумывается о людях вокруг него, для него главное «я хочу». Третье «состояние ребенка», которое, по мысли Ницше, является вершиной развития, нужно человечеству для того, чтобы приобрести не звериные, а человеческие желания, для получения от их воплощения удовольствие. «Ребенок» не заставляет себя совершать добрые поступки, а делает это потому, что ему это нравится. Научиться хотеть творить добро, как ребенок – это и есть высшая стадия развития человека по мысли Ницше.

Гинч и письмоводитель пришли к новой ступени духовного развития: состоянию «льва». Они понимают абсурдность всех идей, которые вдохновляют «верблюдов», и избавились навсегда от «горба верблюда», именуемого общественно-политическим сознанием, ориентированным на выдуманные кем-то догматические постулаты, однако не смогли достичь третьей ступени самосовершенствования, и не стали детьми, не обрели горячие человеческие сердца, чтобы в них жили подлинно человеческие

¹²⁷Ницше Ф. Указ. соч. С. 29-32.

стремления к любви, красоте мира и познанию. Но они обладают свободой от навязываемых человечеству великими умами утопических идей, смелостью духа и ясностью мыслей.

Вызовом всем сторонникам строгих и нерушимых порядков и неизблемых общественных догм звучит монолог Лебедева, обращенный ко всем «тяжковидам»: «...я почувствовал, что глубоко ненавижу всех этих расколотых, раздробленных, превращенных в нервное месиво людей, делающих хакари, скулящих, ноющих и презренных.

– Тяжковиды! – шептал я, стиснув зубы. – Яд земли, радостной, веселой, мокрой, солнечно-грязной, черноземной, благоухающей! Что вы хотите, что? Легко жить надо, а не разбивать голову!

– Тяжковиды проклятые! – сосредоточенно повторил я и кликнул извозчика. И от мысли о множестве бесцельных, беспризорных существований, рассеянных по мощному лицу земли в виде уличной пыли, которую ежечасно стирает рука жизни, чтобы ярче блестели румяные щеки дорогой нам планеты, что-то соколиное сверкнуло во мне; я гордо поднял голову и утешился. «Благодарю тебя, боже, за то, что не создал меня таким, как этот мытарь», – задумчиво, серьезно сказал я, сел на извозчика и снял шляпу. Небо выяснилось, пахло смоченной дождем мостовой; над головой ясно и как-то значительно блестели кроткие звезды»¹²⁸.

Грин создавал образ Гинча под сильным влиянием идей Достоевского. Проблемы, которые писатели ставили перед собой в «Записках из подполья» и «Приключениях Гинча», схожи: отрицание предлагаемых человечеству «тяжковидами» различных моделей переустройства общества с целью создания общей гармонии, а также то, что даже при светлом уме, желании любить, жить ярко и красиво – это невозможно для тех, у кого отсутствует горячее сердце, сила воли и смелость в исполнении всех своих стремлений.

Письмоводитель и Гинч не смогли найти на «солнечно грязной, черноземно благоухающей» земле счастья, но зато не стали теми

¹²⁸ Грин А. С. Приключения Гинча // Грин А. С. Собр. соч.: в 6 т. Т. 2. М., 1980. С. 113.

«муравьями», про которых сказал устами своего героя Ф. М. Достоевский: «Вот муравьи совершенно другого вкуса. У них есть одно удивительное здание в этом же роде, навеки нерушимое, – муравейник.

С муравейника достопочтенные муравьи начали, муравейником, наверно, и кончат, что приносит большую честь их постоянству и положительности»¹²⁹.

«Муравьиной» нивелировке герои Достоевского и Грина не поддаются и остаются яркими индивидуальностями, что позволяет говорить об их идеологическом сходстве.

Подводя итог этой главы, необходимо сказать о выводах сделанных нами на основе проанализированных произведений А. С. Грина и Ф. М. Достоевского: во-первых – сходство психологии героев Грина и Достоевского (что можно заметить из одной общей черты характеров) – это ощущение постоянной раздвоенности и раздробленности личности, например, Марат и Кириллов, Коломб и Верховенский, Иван Карамазов и Геник, которых никогда не покидает сомнение в правильности своего мировоззрения и поступков, как будто в каждом из них находятся два человека, постоянно спорящих и ссорящихся друг с другом; во-вторых – общая отличительная особенность это идеологичность героев обоих писателей, потому что все они воплощают идею: Марат и Геник – право убивать беспощадно за счастливое будущее, Кириллов – убить себя, чтобы стать «человекобогом», Иван Карамазов – не признает «Мир Божий», когда в нем есть слеза ребенка, Коломб и Верховенский признают любовь к людям главной движущей силой бытия.

Эти выводы позволяют утверждать, что влияние традиции углубленного психологизма героев Достоевского на творчество Грина имело место в ранних рассказах последнего.

¹²⁹ Достоевский Ф. М. Записки из подполья // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 4. М., 1990.. С. 475.

ГЛАВА 2 РОМАНЫ ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ» И ГРИНА «БЛИСТАЮЩИЙ МИР»: СЮЖЕТНЫЕ СИТУАЦИИ, ТИПЫ ГЕРОЕВ, ИДЕИ

2.1 Художественные особенности романов Грина

Жанр романа позволил Грину наиболее полно и обобщенно выразить свое понимание мира и человека. В творческом развитии писателя рассказы выступали как предшественники его романа, как поиск и подготовка к роману. Роман стал для писателя итогом этих поисков, синтезом всего найденного и открытого. В его структуре обнаруживается соединение и взаимодействие нескольких тенденций, что значительно углубляет гриновскую картину мира и человека. Роман Грина не стремится отобразить жизнь во всем многообразии ее проявлений, психологически реалистично. В нем нет широты охвата действительности в ее потоке, панорамы эпохи, масштабности отображаемых событий, свободно протекающих на просторах мировой истории, нет социально эпического синтеза, многоаспектности и многоплановости в постановке проблем бытия – все это исключает максимально условный и отстраненный мир писателя.

Его романы – это романы-размышления с развитым философским, аналитическим началом, в них речь идет о духовных исканиях человека, о его открытиях окружающего мира, о нравственных первоосновах жизни. В центре его романов стоит человеческая личность, синтезирующая основные нравственные, философские, эстетические ценности времени.

Для романов писателя характерно стремлению увидеть жизненные, общественные процессы через призму личностного восприятия; определить ценность и смысл индивидуальной человеческой жизни в процессе исторического развития природы, общества; обнаружить сложную идеалистическую противоречивость мира в конкретном, частном. Грин как романтик постигает пути достижения единства мира и человека, и это придает

его субъективному повествованию универсальность, синтетичность, целостность.

Под полным осмыслением бытия в романистике Грина понимается не объем и разнообразие материала, а сопряженность судьбы героя с болями, тревогами и исканиями людей. Эстетика и поэтика Грина как романтического художника XX века корректируется и усложняется в процессе развития его творчества, что проявляется в новом уровне романного мышления, в открытом развитии аргументации художественной мысли, в соединении условно-интеллектуализированных, метафорических форм философского обобщения с романтической символикой. Гриновский роман находит новые пути исследования духовного и интеллектуального мира героя: в драматических, экспериментальных ситуациях, когда испытываются на прочность все его идейные, нравственные, духовные, эстетические качества, герой становится перед необходимостью разрешить вопросы, имеющие надличностные, общечеловеческое значение.

Представление художника о сложности эпохи и человека, о неоднозначности и противоречивости проблем бытия нашли отражение не только в усилении философского начала, но и в самом построении романов. В гриновских романах, небольших по объему, наблюдается уплотненность, спрессованность повествования, возрастает интенсификация, емкость образов и конфликтов, усложняется структура, повышается значимость символично-метафорических средств обобщения. Романтизм в романах Грина – это романтизм нового времени, романтизм русского художника- современника трагических событий эпохи, поэтому пафос его романного творчества – в необходимости преображения реального мира светом идеала, мечты, обогащения обыденного – чудесным, возвышенным. Грин изображает романтического мечтателя, энтузиаста, а затем проводит его через ряд испытаний, поисков, через творчество и борьбу, полагая их как закономерный путь человека, стремящегося к идеалу, объединяя тем самым проблему жизненного становления личности с проблемой извечного стремления к мечте

и с проблемой неисчерпаемой сложности мира и человека. Гриновская концепция мира включает не только образ земли, но и стихии моря и неба. Обращаясь к бытийной сущности человека, Грин сопрягает его с миром, с людьми, небом, морем и землей. Идеал предполагает гармонию человека и мироздания, и различные пути достижения этой гармонии исследует писатель. В структуре гриновского романа обычно доминирует одна стержневая нравственно-философская идея, направляющая и организующая повествование и связанная с центральной проблемой идеала.

Романы Грина утверждают определенную систему ведущих идей его творчества. Истинный гриновский герой обладает монолитной идейной целостностью, подчеркнутой с предельной художественной силой. Поэтому они приобретают, при всей их пластичности, черты моделей, типов нравственно – философской концепции автора, воплощающий ту или иную идею. Например, летающий Друд, преодолевший земное притяжение – образ символический, грандиозный, обладающий огромным масштабом обобщения. Это очень сложный образ в структуре романа и вообще в художественной системе писателя. Образ Друда это и аллегория, и символ, и миф, воплощающий творческое, духовное начало жизни. Но художник значительно усложняет проблему, поставленную в первых главах романа (столкновение высокого и неизменного, творчества и косности, величия духа и бескрылости мира), поворачивает ее новыми неожиданными гранями. Полеты Друда явственно придают ему ореол избранничества потому, что всего естественней и лучше чувствует он себя в небе, которое становится его родной стихией. Но стихия неба превращается для одинокого человека, пусть даже могущественного и необыкновенного, в стихию одиночества, в пустыню. Путь Друда ввысь, в мир красоты, идеала, становится в итоге символом трагизма творчества и духовности, он замыкается в своем избранничестве, отрываясь от мира людей, от земли. Путь Друда – это художественное исследование одного из путей к идеалу через беспредельную духовность, неограниченную свободу, раскованность. Если мы посмотрим пристальней на этого героя, то увидим

трагизм этой неординарной личности. В первой главе Друд перед выступлением в цирке размышляет о себе, о своем необыкновенном даре в третьем лице, немного противопоставляя себя людям, а далее, размышляя о невозможности науки объяснить его дар, герой прямо сравнивает себя с великими людьми современности, например, Бонапартом. Грусть его по поводу людского непонимания возникает потому, что люди, испугавшиеся его полетов, напоминают ему бестолковое стадо домашних гусей, завидующих своим диким собратьям. Он уверен, что может повести за собой человечество в «страну цветущих лучей», но не хочет этого. В отрыве от земли, в замкнутости на своем небесном даре заключена трагическая доминанта образа Друда: устремленный к прекрасным, высоким целям, чуждый каких-либо частнособственнических, корыстных расчетов, он обречен на холод и одиночество. Оценить Друда в свете нравственных идеалов русской литературы поможет сравнение его пути с путем Алеши Карамазова: после глубокого внутреннего кризиса, бунта против мира и людей, надругавшихся над памятью его учителя, герой Достоевского вновь сильно и светло поверил в людей и простил их, также и Друд приходит к любви к людям – она является ему в лице Тави.

В романе «Золотая цепь» Грин исследует еще один путь к осуществлению идеала. Бедняга Ганувер, найдя золотую цепь и воздвигнув для любимой девушки невиданный сказочный дворец, становится его добровольным пленником и погибает. Мысль Грина предельно заострена: стремление к вещественной материальной красоте, воплощенной во дворце Ганувера и созданной властью золота, – это иллюзорный путь к воплощению идеала. Золотая цепь – это и аллегория, и символ в структуре романа, воплощающий тяжкие оковы вещественного: богатство и неразрывное с ним духовное рабство погубили Ганувера, уведя его с подлинного пути жизни, разлучив с возлюбленной, окружив врагами. Сокровища Ганувера оказываются в итоге мнимыми и гибельными перед лицом подлинной жизни, воплощенной в живой душе Санди, в преданной любви Молли. Но писатель

не только развинчивает ложные поиски идеала, но и противопоставляет пути Ганувера другой путь – творчество прекрасных человеческих отношений, борьба со злом во имя дружбы, любви, справедливости. Таков путь юного Санди, мечтающего в убогом кубрике о стране героев и битв, ставшего впоследствии храбрым капитаном. Именно путь Санди, обладающего живыми чувствами, воплощает центральную гриновскую идею: жизнь полнокровная, бескорыстная, самоотверженная, полная движения, развития — один из путей к идеалу. Финал романа многозначен и неожиданен, именно в финале картина мира достигает итоговости, завершенности, приобретает характер нравственно-философского обобщения.

В «Золотой цепи» ведущая идея – столкновение мертвого и живого, застывшего и движущегося, золота и богатства души человеческой. Идеал писателя здесь – утверждение полнокровной подлинной жизни, красоты верной дружбы и любви.

Роман «Бегущая по волнам» рассказывает о поисках красоты и счастья Томасом Гарвеем, о его движении навстречу мечте, встрече с чудом, олицетворенным в образе Фрези Грант. В концепции мира Грина именно Фрези Грант персонифицированное воплощение эстетического идеала писателя: мечты, чуда, красоты, духовности, добра, самоотверженности, движения и развития. Она воплощает и такую грань идеала, как свобода человеческого выбора, стремление найти свое, заповедное в этом мире. Сфера деятельности Фрези Грант — беспредельная стихия океана, однако она не замкнута в своем одиночестве и избранничестве; она устремлена навстречу людям, несет им добро, свет, спасая потерпевших крушение, заблудившихся на трудных морских дорогах, (символична свеча в ее руках). Фрези Грант наполняет стихию моря человеческим содержанием, осуществляет связь между безбрежностью океана и теплом земли. У Грина Фрези Грант — это материализация идеала, заключенного в самой жизни. Она идет навстречу всем, кто бесконечно стремится вперед, к осуществлению мечты, к духовной полноте, красоте, добру. По ее мысли, жизнь человека обретает смысл в том

случае, когда он полон стремления к идеалу и наполняет его светом своей жизни. В сопричастности с бесконечностью окружающего мира и в сознании того, что жизнь должна быть отдана поискам и утверждению идеала, заключена ведущая нравственно-философская мысль писателя.

Символическая Фрези Грант, появляясь в самые напряженные моменты жизни героя, переводит действие в иносказательный, философско обобщенный план, осуществляя доминирование над повествовательным рядом центральной идеи.

Путь по морю Томаса Гарвея, отправившегося на поиски своего «Несбывшегося», как и всякий путь героев Грина, символизирует движение к идеалу, духовные и нравственные искания. Встреча с Фрези Грант стала поворотным моментом его жизни, апофеозом его романтических исканий. Происходит озарение пути героя светом идеала, открытием подлинных ценностей и сущности жизни. На своем пути он встречается двух женщин, Биче и Дэзи, которые воплощают два аспекта женственности, две сущности красоты. Биче Сениэль, живущая в ясности и спокойствии своего душевного мира, наделенная привлекательной гармонией, – это тип застывшей, идеальной красоты, завершенной гармонии, которой противопоставлено движение, развитие. Она – само равновесие и ясность.

Дэзи, наделенная даром видеть тайное в мире, вся порыв и движение навстречу мечте, поэтому для нее встреча с легендарной Фрези Грант реальность.

Стремление к идеалу рождает активность души, движение, действие. Грин решительно утверждает превосходство натуры Дэзи, для которой чудо это высшая реальность жизни. Поэтому Дэзи, созвучная герою в главном, оказывается достойной подругой этого рыцаря. Путь героев к идеалу завершается тем, что, появляясь в финале, Фрези Грант, призывает не скучать, не останавливаться на долгой дороге жизни. И этим Грин избегает банальности блаженного удела, выпавшего на долю романтического героя. Бытовое заземление романтической мечты и романтического идеала

снимается: в финале вновь выходит на поверхность идея бесконечного стремления вперед.

«Блистающий мир», «Бегущая по волнам» – романы, в которых присутствуют стихии неба и моря. Писатель обращается к ним, задумываясь о бытийной сущности человека, выводя действия в пределы мироздания, делая его эстетическим, нравственным и духовным.

В «Бегущей по волнам» художник противопоставляет застывшей, завершенной красоте вечное движение, порыв к нравственному чуду, мечте; утверждает верность человека себе, своей мечте вопреки всем обстоятельствам.

В романе «Джесси и Моргеана» происходит персонификация таких извечных начал, как добро и зло, изображение их на уровне романтических символов, причем эта символика не только предельно обобщенная, философско-этическая, но и социальная. Зло материализуется в старшей уродливой сестре Моргиане, задумавшей страшное убийство сестры с тем, чтобы завладеть ее деньгами; добро в младшей прелестной сестре Джесси. Противостояние добра и зла приобретает характер борьбы абсолютов и возводится до нравственно-философского обобщения. Столкновение добра и зла, победа добра, эта извечная коллизия мировой литературы сконденсирована у Грина в обобщенных, максимально сгущенных и заостренно схематических образах и ситуациях. Джесси – идеальная человеческая душа, излучающая свет и доброту, которые становятся доминантой этого образа. Зло собрано в облике Моргианы, зло воинствующее, агрессивное, наступательное, поэтому внешнее безобразие Моргианы это естественное выражение ее внутреннего мира, полного злобы и ненависти.

Не просто зависть к красивой сестре, не месть природе, обделившей ее красотой, приводят Моргиану к убийству. В основе ее преступления лежит чудовищный эгоизм, ненависть ко всему человечеству и безумная страсть к деньгам.

Моргиана, совершая преступление за преступлением, сама становится воплощенным ядом. Она использует все средства для достижения своих зловещих целей: отравление, шантаж, обман, преступление; она ненавидит смеющихся радостных женщин, калечит девушку, расправляется со своей сообщницей – воплощенное зло не останавливается ни перед чем. Грин аналитически бестрепетно исследует механизм зла, всю его сущность, не оставляя ни малейшего неосвещенного угла в душе Моргианы, как например, когда после отравления сестры она испытывает торжество.

Грин, исследуя зло полностью, всесторонне, от зарождения до нравственного итога, настойчиво проводит мысль о невозможности примирения добра и зла. Зло и добро – два полюса жизни, и между ними всегда борьба. В итоге же у Грина всегда побеждает добро, поэтому главная героиня романа Джесси остается жива и можно сказать, что она символизирует добро, свет, любовь, побеждает после поединка со злом, пройдя путь от абстрактного гуманизма, созерцательной мечтательности до схватки и борьбы.

В финале романа звучит четкий и определенный нравственный вывод: добро непримиримо со злом, смерть не снимает с Моргианы вину, Джесси не прощает ей.

Сталкивая нравственно-эстетические категории, изображая идейную борьбу, Грин убедительно и заостренно воплощает их в конкретно-чувственные персонажи, которые представляет не абстрактными понятиями, а образами. На наш взгляд, ни в одном другом произведении аналитическая мысль писателя, его этико-философская концепция не была так задана, жестко сконструирована, не превалировала над художественной, как в этом, что и обусловило художественную ценность романа.

Как это свойственно романам Грина, в финале содержится неожиданно новый поворот мысли: Джесси сумела преобразовать будничную, ежедневную жизнь в напряженно духовную, поставить над суетой и бытом высокие человеческие качества души.

Не отправляясь в путешествие, не совершая подвигов, оставаясь на

земле, став женой обычного доброго человека, не занимающегося ничем героическим, она, тем не менее, смогла из обыкновенной очень скромной жизни создать романтическую и необыкновенную.

В этом движение нравственно-философской и художественной мысли Грина: земля – это грандиозная арена борьбы добра и зла и, как небо и море, она так же духовна, так же сопряжена с идеальным, чудесным, прекрасным.

В романе «Джесси и Моргеана» центральная идея об извечном и непримиримом столкновении добра и зла, красоты и уродства в мире. Идеал Грина в необходимости борьбы со злом во всех его проявлениях; в полноте и необычности обычной человеческой жизни.

Роман «Дорога никуда» – новая ступень зрелости, углубления философско-эстетического мышления художника слова. Его главный герой Тиррей Давенант – активная личность, продирающаяся сквозь препоны враждебных обстоятельств, противопоставляя им жизнестойкость, благородство, нащупывание путей добра и красоты – главного стержня человеческого бытия.

В романе воссоздан путь судьбы молодого человека, его искание идеала и эволюция того идеала. В первой части Тиррей видит осуществление своей мечты в семейном кругу, в уютной гостиной Футрозов, в дружбе и преданности юных прелестных девушек, в путешествиях, связанных с каким-нибудь большим, увлекательным делом.

Но этот идеал оказывается иллюзорным и ложным. Поиски приключений выводят его в большой мир, наполненный драматизмом страстей, несправедливостью и величием борьбы с ней. Жизнь приводит его к борьбе за идеал с оружием в руках: герой вступает в поединок с сильными мира, отстаивая честь и достоинства человека. Его конфликт с циничным негодяем Ван-Конитом, сыном губернатора, защита любви и достоинства женщины, помощь контрабандистам становится вызовом подлости и злу.

В этой борьбе герой погибает, сохраняя верность высоким нравственным ценностям, силу духа и величие. Его борьба исполнена

высокого трагического пафоса, что делает художественную мысль автора предельно заостренной. По мысли Грина, есть один путь к осуществлению идеала: идти в мир и, если надо, отдать жизнь за свои идеи, принципы, за добро и справедливость – иначе, зачем жить?

Первоначальный сюжет приобретает второе, глубинное, измерение – мотив диалектики человеческого сердца. Приключенческий сюжет превращается в философский, роман о судьбе юноши, о его роковой борьбе со злом и несправедливостью – в рассказ о высоком и непреходящем.

Ключевая идея «Дороги никуда» – утверждение драматизма борьбы за добро и красоту, готовность отдать за них жизнь. Проблемы идеала решаются писателем в самых различных аспектах. Как высшая ценность им утверждается полнота живой жизни, соединяющей духовное и материальное, мечту и реальность, стремление к гармонии и неустанное движение вперед, временное и вечное.

Мы рассмотрели своеобразное строение художественного мира Грина, определяемое особенностями его поэтического мышления, основной принцип и средство создания этого мира – романтическое отстранение, выявили роль и значение таких категорий поэтического мира писателя, как романтическое видение действительности, фантастика.

Это позволило нам утверждать, что мир Грина, устремленный к синтезу поэзии и философии, построенный по романтическим принципам XX века, с высоким нравственно-эстетическим идеалом, с опорой на общечеловеческую культуру, с устремлением поставить и осмыслить сложные проблемы современности, с гуманистическим пафосом и героически утверждающим содержанием, – один из самых своеобразных в русской литературе.

Наблюдения над особенностями строения мира писателя создали необходимую основу для изучения своеобразной жанровой системы, сложившейся в его творчестве и подчиняющейся общим закономерностям. Проследив жанровую эволюцию прозы Грина в тесной связи с нравственно – философской направленностью его творчества, в сопряжениях с

художественным сознанием Двадцатого века, мы установили, что роман как жанр занимает доминирующее положение в его системе жанров.

Исследование особенностей становления, развития и поэтики жанра романа в творчестве Грина позволило нам сделать следующие выводы.

Романы писателя, созданные в советское время, знаменуют качественные изменения мировосприятия писателя, наполнение его новым гуманистическим пафосом, преобразование его художественного мира в свете нового эстетического идеала.

В творческом развитии писателя новелла выступала как предвестник его романа, как поиск и подготовка к роману. Таким образом, роман оказался для писателя итогом этих поисков, синтезом всего найденного и открытого.

Роман для Грина – жанр, позволяющий сделать значительные по масштабу нравственно – философские обобщения, поэтому он приобрел для писателя качества универсальной структуры.

Роман Грина является сложным по своей внутренней организации, генетически связанным с романтической традицией и в то же время испытавшим влияние реалистического стиля, поэтому в его структуре обнаруживается соединение взаимодействия нескольких тенденций, что значительно углубляет гриновскую картину мира и человека.

Поэтика Грина как романтического художника Двадцатого века проявляется в новом уровне романного мышления, в открытом развитии аргументации художественной мысли, в соединении условно-интеллектуализированных форм философского обобщения с романтической символикой.

Романы писателя связаны и с художественным сознанием в начале XX века, с происходящим в прозе того времени усложнением и обогащением структуры поэтического мышления, повышенного интереса к формам условности, философичности, интеллектуализации, углубленного психологизма.

Ценность романов Грина определяется, как своеобразной концепцией

мира и героя, так и оригинальностью жанрово – стилистических решений, напряженностью экспериментальных ситуаций, интеллектуальным психологизмом, обнаженностью постановки нравственно – философских проблем.

Нравственно-философский роман, созданный А. Грином, стоит у истоков одного из плодотворных путей развития прозы и интеллектуального нравственно-философского романа и представляет несомненное открытие художника.

Романы Грина утверждают определенную систему ведущих идей его творчества.

Идеал Грина гуманистический: единение людей на земле их сопряженность и связь. Так Грин приходит к Достоевскому – к высоким нравственным идеалам русской литературы. В четкости добра и зла, в высоте и незыблемости идеала – чисто русская, национальная основа творчества Грина. Наличие твердых нравственных ориентиров и незыблемых идеалов – одна из определяющих особенностей творческого мышления русских художников слова.

Грин всегда был, в сердцевине своей, русским национальным писателем, по-своему продолжившим, на романтической основе, традиции Достоевского, его стремления к высокому и бесконечному, соединению с определенным и четким нравственно-эстетическим идеалом.

Романы Грина связаны с традициями русской литературы, с тем ее направлением, которое стремилось к углубленному исследованию духовного мира человека, главным образом, по нашему мнению, прослеживается связь с творчеством Достоевского. Это позволило художнику соединять воедино учительский пафос, исповедальность с постановкой коренных вопросов бытия и создать неповторимо своеобразный нравственно-философский роман.

Резюмируя сказанное о романах Грина, мы можем сделать вывод о влиянии традиций творчества Достоевского на романное творчество Грина.

2.2 Евангельский сюжет в интерпретации Достоевского и Грина Руна Бигуэм и Друд: литературная преемственность

Уже третье десятилетие в литературоведении немаловажное место занимает проблема, которую можно обозначить как «литература и религия». Предлагаются методологические ориентиры, выявляются новые черты поэтики русских классических произведений, говорится о разноплановом влиянии текстов Священного Писания и их взаимодействии с содержательным звучанием художественных произведений. По всей видимости, следует говорить о существовании особых «трансисторических скреп», культурных традиций, которые опираются на религиозную духовность. Об этом убедительно пишут Р. Пиккио, И. А. Есаулов.

Уже с древнейших времен русский художник слова, книжник приобщился к идеальному образу Божьему, учению Христову. На это обращает внимание, к примеру, автор классического учебника В. В. Кусков: «Христос выдвигался в качестве идеала и образца поведения человека»¹³⁰.

Обращается особое внимание на то, как художественно используется и преобразуется на русской почве глубинное начало Евангелия. По наблюдениям Н. В. Давыдовой, даже практически светский жанр древнерусской летописи (в частности, «Повесть временных лет») отражает влияние морального учения христианства на ценностный мир авторского сознания: «Небесное в летописи едино с земным: к Богу с молитвой постоянно обращается летописец, с Ним чувствует постоянную связь»¹³¹.

Думается, в настоящее время наиболее справедливым следует признать замечание о том: «Известно, что Евангелие оказало особое влияние на жизнь и творчество Достоевского: оно было «единственным чтением» на каторге и «...стало, так сказать, метафизической основой его позднего творчества»¹³². Многие герои Достоевского включаются в события, имеющие вселенский

¹³⁰ Кусков В.В. История древнерусской литературы. М., 1989. С. 30-31.

¹³¹ Там же. С.177-179.

¹³² История русской литературы XIX века. 70-90-е гг. / под ред. В.Н. Аношкиной и др. М., 2008. С.71.

исток в библейском изложении. Так, герой романа Достоевского «Бесы» Ставрогин проходит трудные испытания, как и Христос проходит через искушения, соблазнов на его пути много, и все они похожи на описанные в Евангелии от Матфея. Мы считаем, что подобные испытания прошла и главная героиня романа Грина «Блистающий мир» Руна. Мы предполагаем, что история ее преодоления себя была написана Грином под явным влиянием Достоевского.

В романе «Блистающий мир» доминирует мысль о диалектическом единении духовного и материального, небесного и земного, мечты и реальности. Главная проблема романа – изображение духовно-нравственных исканий героев, смысла пребывания на земле, стремление к идеалу. Герои романа – это многомерные образы-символы, значения которых разворачиваются в романе и делают емкой и неоднозначной поставленную автором проблему. Таков символический образ «блистающего мира», это мир фантастического летающего человека Друда, это символический мир, воплощающий полет духа, это философско-эстетическая категория, выражающая творческое, духовное и прекрасное начало, свойственное всем людям; это мир мечты, красоты, духовности, идеала, куда мечтает повести человечество герой.

Главный герой романа – летающий человек Друд, для которого умение летать становится поводом возвыситься над людьми, но в то же время отчуждает его от них. Событийный ряд романа пронизывает описание «Блистающего мира», который главный герой открывает нам. Размышления о нем мы видим в пейзажах, в авторских отступлениях, в монологах Друда, проясняющих неоднозначный сложный философский смысл этого образа. Символика, нарастая, проходит через весь роман, придавая происходящим событиям двойное измерение, и обретает кульминацию, служит разрешению проблемы в финале. Летающий человек неожиданно погибает, его смерть ничем не мотивирована, причина ее не раскрыта писателем. Читатель должен сам осмыслить трагический путь героя. Грин, стремясь побудить мысль

читателя к сотворчеству, заставить его задуматься об исконных проблемах человеческого существования, дает несколько символично-аллегорических деталей, несущих значительную идейную нагрузку: поза, в которой замирает герой, слова героини о нем, приобретающие метафорический смысл. В отличие от Друда, главная героиня романа Руна не обладает такой, как он, цельностью натуры и миропонимания. Она полна противоречий и на всем протяжении повествования мечется между земным и небесным, злом и добром. Столкновение между двумя главными героями романа «Блистающий мир», которые оба, безусловно, являются неординарными и сильными личностями, и составляет содержание романа Грина, где определяются пять сюжетных линий, взятых автором из романа Достоевского «Бесы», который, в свою очередь, заимствовал эти сюжеты в Священном Писании. Речь идет о «трех искушениях» Иисуса Христа дьяволом в пустыне, рассуждении о «птицах небесных» из Евангелия от Матфея и строках «о бремени», которое «благо».

Говоря о влиянии сюжета «трех искушений Христа» на роман Грина, мы предполагаем, что в «Блистающем мире» эти искушения прошла главная героиня Руна Бегуэм. Евангельские строки «о птицах небесных» выражают сущность главного героя Друда.

Если выстраивать параллели между «Блистающим миром» Грина и «Бесами» Достоевского, то мы получим систему мировоззрений: Руна – Ставрогин, Друд – Шатов. Если у Достоевского Ставрогин прошел через искушения «нечистого», то у Грина это сделала Руна, если у Достоевского выразителем христианской философии является Шатов, то у Грина – Друд. Мы считаем, что оба главных героя Грина имеют идейную связь с героями Достоевского, их мировоззрением. Причем это же можно сказать и про других персонажей романа «Блистающий мир». Поэтому мы считаем, что Грин подошел к пониманию Евангелия через призму взглядов Ф. М. Достоевского.

Исследуя трансформацию идей Достоевского (выразителем которых является Николай Ставрогин) в образе Руны Грина, необходимо отметить

общую страсть героев – жажду власти, стремление «обладать» другими людьми. Эта страсть привела их к душевной дисгармонии, а позднее к трагедии. Когда человек наслаждается мучениями других людей и властью над ними, изменяя их судьбы, он больше не может контролировать себя, и это вызывает зависимость, состояние несвободы. Ведь опаснее всего для Христа было последнее искушение – властью: «Опять берет Его диавол на весьма высокую гору и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: все это дам Тебе, если, пав, поклонись мне.

Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана, ибо написано: «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи».

Тогда оставляет Его диавол, и се, Ангелы приступили и служили Ему»¹³³.

Этот порок не смогли преодолеть ни Николай Ставрогин, ни Руна. Желание подчинять, подавляя волю, довело первого до самоубийства, а вторую – к полной амнезии и, следовательно, потере остроты эмоционального восприятия, что тоже подобно смерти.

Борьба с бесами в самом себе начинается у Ставрогина после соблазнения им девочки во время скитаний в Санкт-Петербурге: «Она глядела на меня, робко улыбаясь. Лицо ее мне показалось вдруг глупым. Смущение быстро с каждой минутой овладевало ею и все более и более. Наконец она закрыла лицо руками и стала в угол лицом к стене неподвижно»¹³⁴.

Интерпретацию этого евангельского сюжета наблюдаем и у Грина. Господство над миром было предложено Руной Друду: «Вам нужно овладеть миром. Если этой цели у вас еще нет, – она рано или поздно появится; лучше, если теперь вы согласитесь со мной»¹³⁵.

Именно в эти моменты грех властолюбия завладевает сердцами героев, но не полностью, оставив место в душе для любви к людям и Богу. Так,

¹³³ Лк., 4:8-9.

¹³⁴ Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 7. М., 1990. С. 576.

¹³⁵ Грин А. С. Блестящий мир // Грин А. С. Собр. соч. : В 6 т. Т. 2 Ранчо «Каменный Столб». Екатеринбург, 1993. С. 60.

Ставрогин делает попытку вернуться в общество своих близких с открытым лицом и добрыми намерениями, совершив благородный поступок, сказав Петру Верховенскому: «Шатова я вам не отдам»¹³⁶. Но силы и желания помочь другу Николай в себе не находит. Для Руны новое духовное рождение невозможно. Когда она, наконец, решилась ответить взаимностью любившему ее офицеру Галлю и тем самым спасти его и себя, было уже поздно: ««Галль скончался в Азудже от лихорадки. Мир славной его душе».

Ее как бы хлестнуло по глазам, и, тронув их холодной рукой, еще раз прочла Руна красноречивый постскрипtum»¹³⁷. В данном случае можно привести цитату из А. М. Бема, что, как и Ставрогина, могла спасти ее только любовь: «Мерцала в нем последняя надежда, что любовь Лизы может вернуть его к жизни»¹³⁸.

Метания главных героев «Бесов» и «Блистающего мира» между жаждой власти и евангельскими словами «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим»¹³⁹ составляют идейную подоснову сюжетной линии романов «Бесы» и «Блистающий мир».

Произведения Грина и Достоевского похожи тем, что, кроме Руны и Ставрогина, все остальные персонажи носят вспомогательный характер, составляя какую-то часть мировоззрения главных действующих лиц. Можно считать, что второстепенные литературные персонажи автор рисует как этапы морально-психологических изменений основных героев. По мнению Н. А. Бердяева, «..в этой символической трагедии [романе «Бесы» – Д. К.] есть только одно действующее лицо – Николай Ставрогин и его эманации. Как внутреннюю трагедию духа Ставрогина, хочу разгадать я «Бесы», ибо она доныне недостаточно разгадана»¹⁴⁰.

¹³⁶ Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 7. М., 1990. С. 577.

¹³⁷ Там же. С. 117.

¹³⁸ Бем А. Л. Сумерки героя. Этюды к работе: Отражение «Пиковой дамы» в творчестве Достоевского. Антология русской критики. М., 1996. С. 664.

¹³⁹ Мк, 12:30.

¹⁴⁰ Бердяев Н. А. Ставрогин // Достоевский, Ф. М. Бесы : роман в 3 ч. ; «Бесы»: Антология русской критики. М., 1996. С. 519.

Можно аналогично сказать и о Руне: она принимает на себя личины разных литературных фигур произведения, являясь их частичным, но неполным отражением. Только что в неукротимой властности и самолюбии отождествлялась с Руководителем («Я хочу, чтобы внутреннее волнующее блаженство было осмыслено властью, не знающей ни предела, ни колебаний»¹⁴¹), как внезапно, желание простой и трогательной романтической любви делает ее ближе к чистому душой и доброму сердцем, влюбленному в нее Галлю, говорившему: «Любовь и судьба – одно...»¹⁴².

Е. А. Яблоков отмечает, что «складывающееся в сознании Руны письмо, выражающее ее готовность к «эволюции», как бы «диктуется» розами: «Рассеянно погружаясь в цветы и аромат их, равный самой любви, слышала она слова, возникающие в рисунке усилий, в душе движения пальцев и роз, в самом прикосновении»¹⁴³. «Завороженной» цветами Руне остается лишь шаг до любви»¹⁴⁴.

Возможность эволюции, наблюдаемая Е. А. Яблоковым, характеризует жизненный путь героев Грина и Достоевского, их ум и душу в постоянной внутренней борьбе и творческих сомнениях рождающих разные идеи. По словам Бердяева, «великие идеи вышли из него [Ставрогина – Д. К.], породили других людей, и в других людей перешли. Из духа Ставрогина вышел и Шатов, и П. Верховенский, и Кириллов, и все действующие лица «Бесов»»¹⁴⁵.

По нашему мнению, Николай Ставрогин, который мог послужить прообразом Руны, – самый сложный герой Достоевского. Подобно ему, у Руны происходит разделение мировосприятия на части, которые как у Ставрогина, воплощаются в различных фигурах повествования.

Ставрогин, фигура более многозначная и противоречивая, чем, например, Иван Карамазов. Если в Иване происходит тройное деление

¹⁴¹ Грин А. С. Блестящий мир // Грин А. С. Собр. соч. : В 6 т. Т. 2 Ранчо «Каменный Столб». Екатеринбург, 1993. С. 13.

¹⁴² Там же. С. 12.

¹⁴³ Там же. С. 179.

¹⁴⁴ Яблоков Е. А. Роман Александра Грина «Блестящий мир». М., 2005 С. 97.

¹⁴⁵ Бердяев Н. А. Ставрогин // Достоевский Ф. М. Бесы : роман в 3 ч. ; «Бесы»: Антология русской критики М., 1996. С. 520.

личности (инквизитор, евангельское откровение старца Зосимы и Смердяков), то у Николая такое деление личности происходит на четыре части: он по очереди перевоплощается в Шигалева, желающего осчастливить все человечество, поработив его, в Кириллова с его идеей о человекобоге, в Шатова с его верой в божественное начало русского народа и в Петра Верховенского, с его ничем не прикрытым властолюбием.

Если говорить о героине «Блистающего мира», то мы наблюдаем такую же сложную натуру, внутренне парадоксальную, полную противоречивых стремлений, которые воплощаются в конкретных личностях, описанных в романе. Каждый герой, выражает не только свои взгляды, но и мнение главной героини, являясь временным ее отражением. Причем она не обольщается насчет их умственных и моральных качеств, а видит насквозь все их мысли и желания. Эта проницательность – общая для всех романтических героев Грина, про нее хорошо сказано Е. Н. Иваницкой: «Как центральным героям Грина, так и эпизодическим присуще одно общее качество – исключительная психологическая проницательность, нервная чуткость, изощренная интуиция, они слушают – и слышат, смотрят – и видят»¹⁴⁶.

Это их свойство говорит о том, что за романтическим воплощением действительности Грином стоит психологический реализм, подмеченный В. Н. Калинин, и названный им «скрытой реалистичностью», «выдуманность и подражательность его художественного мира и, сознательное бегство писателя от действительности, скрытая реалистичность»¹⁴⁷. «Романтическим реализмом» можно назвать творческий стиль Грина. По выражению В. Вихрова, «творчество Грина сложного состава; реальное и фантастическое, бытовое и сказочное замешаны в нем круто»¹⁴⁸. О Руне, как и других героях Грина, можно говорить как о реалистическом, так и фантастическом характере. Нервная чуткость ее выражается в разрозненных

¹⁴⁶Иваницкая Е.Н. Мир и человек в творчестве А. С. Грина. Ростов-на-Дону, изд. Ростовского ун-та, 1993 С. 27.

¹⁴⁷ Калинин В.М. Поэтика онима. Донецк, 1999. С. 321.

¹⁴⁸ Вихров В. Рыцарь мечты // Собрание сочинений : в 6 т. Т. 1. М., 1980. С. 26.

мыслях, выраженных другими действующими лицами, которые спорят друг с другом, и, как следствие, своей антагоничностью доводит Руну до амнезии и потери сильных эмоциональных ощущений. О раздвоенности ее души и постоянных внутренних противоречиях говорит Е. А. Яблоков: «Но, будучи не в силах непротиворечиво совместить две реальности, Руна при этом не может отказаться ни от одной из них. Они живут в ее личности в виде неразрешимой оппозиции»¹⁴⁹. Мы считаем, что миропонимание главной героини «Блистающего мира» разделено, как у Ставрогина, на четыре части, и каждая часть воплощается в других фигурах повествования. Все персонажи, излагающие идеи главной героини, напоминают своими высказываниями евангельские сюжеты, характерные как для Достоевского, так и Грина.

Рассмотрим по аналогии с героями «Бесов» роман Грина «Блистающий мир», литературными прообразами героев которого, на наш взгляд, были персонажи Достоевского. Остановимся на персонажах, символизирующих собой ступени духовного перерождения Руны.

Мы говорим о Дауговете, (идея господ и рабов Шигалева), Руководителе, (желание наслаждения властью без моральных ограничений Верховенского), Друде, (божественное начало, побудившее Шатова отказаться от социальных утопий), Грантоме, (в своих мыслях о правде вымысла напоминает Кириллова).

Каждый персонаж как у Достоевского, так и у Грина выражает идею. Как считает Бердяев: «Все творчество Достоевского есть художественное разрешение идейной задачи, есть трагическое движение идей»¹⁵⁰.

Герои романа «Блистающий мир» также реализуют идеи. Первый этап морально-психологического состояния Руны, который меняется в процессе повествования, вначале базируется на тех же жизненных установках, которые являются приоритетными для ее дяди, государственного чиновника, то есть на сознании стабильности властных полномочий и отсутствия каких-либо

¹⁴⁹ Яблоков Е.А. Роман Александра Грина «Блистающий мир». М., 2005. С. 118.

¹⁵⁰ Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков // Бердяев Н.А. Собр. соч. Т. V. Париж, 1997. С. 224-225.

перемен: «Представим же, что произойдет, если в напряженно ожидающую пустоту современной души грянет этот образ. Возникнут или оживут секты; увлечение небывалым откроет шлюзы неудержимой фантазии всякого рода; легенды, поверья, слухи, предсказания и пророчества смешают все карты государственного пасьянса, имя которому – Равновесие»¹⁵¹.

Подобное желание подчинения всяческого инакомыслия похоже на идеи Шигалева тем, что он и министр стремятся подавить всякую свободу внешних проявлений людей и тем достигнуть беспрекословного послушания. Их взгляды выражает Шигалев: «Разделение человечества на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятыми. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо»¹⁵². Этот герой Достоевского, похоже, обманывает не только других, но даже и сам себя, его теория о счастье человечества, по меткому выражению Роуэна Уильямса, «явное порождение праздного ума – имеет налет максимально сфокусированного, однако умело завуалированного оправдания немедленной и целенаправленной жестокости»¹⁵³.

Несомненно, верно сравнение с «великим инквизитором», высказанное Е. А. Яблоковым: «Дауговет “наследует” Великому Инквизитору из романа «Братья Карамазовы», и Друд опасен для него так же, как неожиданное явление Христа представляет угрозу социальной системе, создаваемой инквизитором»¹⁵⁴.

Руна, как и Великий Инквизитор, тоже знает, но утаивает истину, что позволяет говорить об использовании этой литературной фигуры Достоевского Грином для создания образа Руны. Если же говорить о том, какие мысли являются сходными в философии Дауговета и Шигалева, то это похоже на евангельскую историю об искушении Христа хлебами: «Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню, для искушения от диавола, и,

¹⁵¹ Грин А. С. Блестящий мир // Грин А. С. Собр. соч. : В 6 т. Т. 2 Ранчо «Каменный Столб». Екатеринбург, 1993. С. 41-42.

¹⁵² Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Собр. соч. : в 15 т. Т. 7. Л., 1990. С. 379.

¹⁵³ Уильямс Р. Достоевский: язык, вера, повествование. М., 2013. С. 118-119.

¹⁵⁴ Яблоков Е. А. Роман Александра Грина «Блестящий мир». М., 2005 С. 54-55.

постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал. И приступил к Нему искушитель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами.

Он же сказал ему в ответ: написано: «не хлебом одним будешь жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих»¹⁵⁵. Подобно искусителю, министр и герой Достоевского хотели, чтобы люди считали счастьем только материальный достаток, забыв о свободе.

Миропонимание министра стабильно, он не страдает, подобно Руне, раздвоением личности. У Руны есть мечта о любви, как о чем-то исключительном, несущем невероятную судьбу, непохожую на другие: «Я прибавлю, что смотрела бы, как на несчастье, на любовь, если поразит она меня без судьбы. Я подразумеваю исключительную судьбу»¹⁵⁶. Но в Руне главенствует тайное желание поработить человечество не формально, как Дауговет, а завладеть всеми помыслами: «Тогда начнут к вам идти, чтобы говорить с вами, люди всех стран, рас и национальностей. «Друд» будет звучать, как «воздух», «дыхание»¹⁵⁷.

Выбор между мировым господством и любовью как судьбой происходит для Руны в цирке, когда она видит летающего человека, испытывая сильнейшее впечатление, близкое к экстазу, но усвоенная привычка к подчинению окружающих предопределили ее выбор и вместо согласия идти за Друдом, она предлагает ему владеть миром: «Пройдет гром и гул; станут правилом бессонные ночи, а сумасшедшие в заточении своем начнут бить решетки; взрослые превратятся в детей, а дети будут играть в вас»¹⁵⁸.

Этот монолог перекликается со словами Петра Верховенского: «Мы провозгласим разрешение...почему, почему, опять-таки, эта идея так обаятельна! Но надо, надо косточки поразмять. Мы пустим пожары...Мы пустим легенды... тут каждая шелудивая «кучка» пригодится. Я вам в этих же

¹⁵⁵ Мф, 4:4-5.

¹⁵⁶ Грин А. С. Блистающий мир // Грин А. С. Собр. соч. : В 6 т. Т. 2 Ранчо «Каменный Столб». Екатеринбург, 1993. С. 12.

¹⁵⁷ Там же. С. 61.

¹⁵⁸ Там же. С. 60.

самых кучках таких охотников отыщу, что на всякий выстрел пойдут, да еще за честь благодарны останутся. Ну-с, и начнется смута! Раскачка такая пойдет, какой еще мир не видал... Затуманится Русь, заплачет земля по старым богам... Ну-с, тут-то мы и пустим... Кого?

– Кого?

– Ивана-Царевича!»¹⁵⁹.

Откровения Петра и слова Руны являются идейно и психологически близкими. Затерянные где-то в подсознании и вдруг вырвавшиеся наружу, мысли у Руны начинают период ее внутреннего раздвоения. Если вначале ее философия напоминала установки ее дяди, то после разговора с Друдом она уже хочет подчинять сознание людей, но не для их блага, как Шигалев, а только для себя самой, как Верховенский. О такой власти, какая нужна Руне, Ф. Ницше сказал: «И даже ты, познающий, ты только тропа и след моей воли: поистине, моя воля к власти ходит по следам твоей воли к истине!»¹⁶⁰.

Тут, следуя логике повествования, появляется еще одна фигура как воплощение новой грани характера героини, самая зловещая и таинственная, – Руководитель. По своим намерениям и умыслам, если сравнивать его с героями «Бесов», Руководитель больше всего схож с младшим Верховенским, но если Петр – порождение идей Ставрогина, то Руководитель – порождение идей Руны, в частности, мысли о всемирном подчинении духовного сознания человечества. В этом ее несомненное сходство с генератором всей философии «Бесов» – Ставрогиным. С появлением в романе Руководителя она подчиняется ему, соединяясь с ним в ненависти к «летающему человеку». Петр Верховенский мечтает уничтожить Шатова и ненавидит его всеми фибрами души: «Известно тоже, что он ненавидел Шатова лично; между ними была когда-то ссора, а Петр Степанович никогда не прощал обиды»¹⁶¹. Руководитель, подобно Петру, ненавидит Друда и желает его смерти: «Друд

¹⁵⁹ Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 15 т. Т. 7. Л., 1990. С. 395.

¹⁶⁰ Ницше Ф. Указ. соч. С. 149.

¹⁶¹ Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 15 т. Т. 7. Л., 1990. С. 515.

более жить не должен. Его существование нестерпимо. Он вмешивается в законы природы, и сам он – прямое отрицание их»¹⁶².

Сам Руководитель напоминает младшего Верховенского. Подобно ему, он не довольствуется, как Дауговед, материальной властью, а хочет поработить еще и разум. Суть желаний Руководителя и Петра Степановича выразил В. Н. Захаров: «Нет «великой идеи», нет идеала, есть лишь политическая целесообразность»¹⁶³. Вячеслав Полонский считал, что именно в образе Петра Степановича писатель выразил всю свою ненависть к социалистам и к социализму как общественному строю: «Здесь коренится источник его злобы к социализму. То самое, чего больше всего боялся Достоевский, безбожие, неверие, атеизм, – открыто и победно делали свои завоевания»¹⁶⁴.

Не менее безбожен и одновременно беспощаден Руководитель. Когда Руна соглашается вместе с Руководителем участвовать в устранении Друда, то до нравственной кончины (потеря памяти и силы чувств) она обрекает себя на страдания. Причина тому – терзающие ее противоречия между миром, который она увидела во время полета с Друдом, и миром бед и несчастий Руководителя: «Есть жизни, обреченные суровым законом бедности и страдания безысходным; холодный лед крепкой коркой лежит на их неслышном течении»¹⁶⁵. Друд сказал ей диаметрально противоположное: «Дурочка! – сурово сказал он. – Ты могла бы рассматривать землю, как чашечку цветка, но вместо того хочешь быть только упрямой гусеницей!»¹⁶⁶.

Она сомневается, но отказывается от предложения Друда: «Что-то тронуло в ее чертах мучительным и горьким теплом, но скрылось, как искра»¹⁶⁷.

¹⁶² Грин А. С. Блестящий мир // Грин А. С. Собр. соч. : В 6 т. Т. 2 Ранчо «Каменный Столб». Екатеринбург, 1993. С. 156.

¹⁶³ Захаров В. Н. Имя автора – Достоевский. М., 2013. С. 367.

¹⁶⁴ Полонский В. П. Николай Ставрогин и «Бесы». М., 1996. С. 627.

¹⁶⁵ Грин А. С. Блестящий мир // Грин А. С. Собр. соч. : В 6 т. Т. 2 Ранчо «Каменный Столб». Екатеринбург, 1993. С. 157.

¹⁶⁶ Там же. С. 64.

¹⁶⁷ Там же.

Двойственность духа стала проклятием для Руны, а также источником постоянной боли в самой глубине сердца, причем она сама не вполне сознает, откуда эта боль берется. Думая, что убийство Друда принесет ей покой, героиня «Блистающего мира» глубоко заблуждается: христианское начало, заложенное в ней летающим человеком, не могло уйти из ее мироощущения даже после его смерти. Ведь Друд, подобно Христу, бессмертен. Его бессмертие – в памяти людей. Человечество всегда будет помнить «пейзажи далеких планет»¹⁶⁸, которые он им нарисовал. Раз увидев их, невозможно забыть – не забудет и Руна Бегуэм.

Наблюдается параллель Друд – Христос: так, при третьей встрече с Руной Друд отказывает ей в совместном мировом господстве, как Христос отказал нечистому во время одного из искушений в пустыне. В то же время Христос отвечает дьяволу категорично и однозначно, тогда как в отказе Друда из художественного произведения Грина звучит сожаление о силах и несомненном уме девушки, которые будут тратиться напрасно на ненужную глупую суету для удовлетворения ненасытного тщеславия: «Клянусь, – сказал Друд, что не чувствую ни зла, ни обид, но только печаль. Я мог бы любить вас»¹⁶⁹.

Можно провести аналогию между Руной и другой героиней Достоевского, а именно, Настасьей Филипповной из романа «Идиот». Она, как и героиня Грина, тоже мечется между крайностями своей двойственной натуры и двумя мужчинами, каждый из которых внушает ей свой образ мысли – конец ее жизни еще более печален, чем то, что случилось с Руной, – одна погибла духовно (после потери памяти), другая – физически (убил Рогожин). Настасья Филипповна светла и чиста для князя, но развратна и кокетлива для Рогожина. Эти герои являются нерасторжимыми половинками ее духовного мира, частично подчиняя его каждый себе, как Руну Руководитель и Друд. Верно заметила Т. Касаткина: «Здесь все – от взгляда второго. Настасья

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Грин А. С. Блестящий мир // Грин А. С. Собр. соч. : В 6 т. Т. 2 Ранчо «Каменный Столб». Екатеринбург, 1993. С. 63.

Филипповна помешана лишь для князя, так же как развратна лишь для Рогожина»¹⁷⁰. Руна находится в метаниях – любовь и честолюбие разрывают ее на части, меняя психоэмоциональное состояние, при этом изменяется и миропонимание, в результате появляется новый герой, который символизирует следующий этап повествования. Роман «Блистающий мир» мы считаем описанием пути морально-нравственных исканий Руны, как бесы являются тем же путем для Ставрогина. Для Руны, пытающейся предать забвению Друда, он становится волшебным видением, галлюцинацией.

В этот момент повествования в общество Руны попадает профессор Грантом, по своему идейному наполнению самый интересный, после Руны, образ в романе. Профессор увлекает ее своей идеей реальности подсознательных процессов: «Есть сфера – или должна быть – подобно тому, как должна была быть Америка, когда стало это ясно Колумбу, – в которой все отчетливые представления наши, несомненно, реальны. Этим я хочу сказать, что они получают существование в момент отчетливого усилия нашего. Поэтому я рассматриваю галлюцинацию как феномен строгой реальности: «Помните, что страх уничтожает реальность, рассекающую этот мир, подобно мечу в не окрепших еще руках»¹⁷¹.

Как Кириллов из «Бесов» Достоевского, думающий, что человек выше Бога, ученый у Грина полагает: мысль сильна, и можно уйти от страха, который мешает увидеть действительность, где подсознание станет «фактом строгой реальности»¹⁷². Можно предположить, что прообраз философии Грантома – идея Кириллова, который говорит: «Сознать, что нет бога, и не сознать в тот же раз, что сам богом стал, есть нелепость, иначе непременно убьешь себя сам. Если сознаешь – ты царь и уже не убьешь себя сам, а будешь

¹⁷⁰ Касаткина Т. О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве. Ф. М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М, 2005. С. 172.

¹⁷¹ Грин А. С. Блистающий мир // Грин А. С. Собр. соч. : в 6 т. Т. 2 Ранчо «Каменный Столб». Екатеринбург, 1993. С. 113.

¹⁷² Там же.

жить в самой главной славе. Но один, тот, кто первый, должен убить себя сам непременно, иначе кто же начнет и докажет?»¹⁷³

Есть ошибка в мировоззрении Кириллова и Грантома – они считают, что вера в силы человеческие и неверие в Бога совместимы. Вяч. Иванов отмечает, что, «...обезумев от разрыва всех вселенских связей, он [Кириллов – Д. К.] совершает, в пустынной гордыне духа, свою антихристову, свою анти-голгофскую жертву, богочеловек наизнанку – «человеко-бог», захотевший сохранить свою личность и ее погубивший»¹⁷⁴.

Названные нами герои Достоевского и Грина не в силах оказались поверить в силу Господа и довериться ему – второе искушение Христа они не смогли пройти: «Потом берет Его диавол в святой город и поставляет Его на крыле храма, и говорит Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз, ибо написано: «Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею». Иисус сказал ему: написано также: «не искушай Господа Бога твоего»¹⁷⁵. Только лишь преодоление страха еще не путь к нравственному совершенству, этого мало; надо «возлюбить ближнего» до такой степени, чтобы суметь не ответить злобой на насилие. Вот такое преодоление является истинным подвигом во имя людей. У Грантома и Кириллова получается, по словам Жирара Рене, «искупление наоборот»: «Чтобы понять «идею» Кириллова, нужно признать в ней наивысшую форму искупления наоборот, к которому так стремятся, более или менее сознательно, все ученики Ставрогина. Смерть этого «бесноватого» должна положить конец эре христианства; он хотел бы, чтобы его гибель была подобной страсти и при этом абсолютно отличной от нее»¹⁷⁶.

Не смогла поверить всевышнему и Руна, у нее не хватило для этого моральных сил. Она по своему миропониманию ближе к героям Достоевского, про которых сказал Ковский: «В его мире, словно в бреду больного

¹⁷³ Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 15 т. Т. 7. Л., 1990. С. 647.

¹⁷⁴ Иванов В. Основной миф в романе «Бесы» // Достоевский Ф. М. Бесы. М., 1996. С. 512.

¹⁷⁵ Лк., 4:12.

¹⁷⁶ Рене Ж. Достоевский от двойственности к единству. М., 2013. С. 97-98.

Раскольников, люди «не знают, кого и как судить, не могут согласиться, что считать злом и что добром. Не знают, кого обвинять и кого оправдывать» (Ф. М. Достоевский. Собр. соч. в десяти томах, т. 5. М., ГИХЛ, 1957, стр. 570)»¹⁷⁷. Очевидно, что Руна совсем не похожа на романтических идеальных героев более поздних произведений Грина, характеристику которым дал тот же Ковский: «Герой Грина – цельная, гармоническая натура, никогда не вязнущая в вопросах относительности добра и зла»¹⁷⁸. Близость миропонимания Руны Бигуэм и Ставрогина позволяет говорить о литературной преемственности Грина и Достоевского.

¹⁷⁷ Ковский В. Указ. соч. С. 149.

¹⁷⁸ Там же. С.150.

2.3. Образ Христа в романах Грина и Достоевского

Единственный герой произведения, который не ощущает недостатка силы, – это Друд. Сила его в ясности и твердости взглядов на мир, близких к христианским. Наиболее ясно и подробно раскрывают божественную сущность главного героя слова Руководителя, который понимал его цели и намерения лучше всех и больше всех ненавидел: «Может быть, я один знаю его тайну; сам он никогда не откроет ее. Он бродит по мастерским молодых пьяниц, внушая им или обольщая их пейзажами неведомых нам планет, насвистывает поэтам оратории и симфонии, тогда как жизнь вопит о не удобоваримейшей простоте; поддакивает изобретателям, тревожит сны и вмешивается в судьбу. Неподвижную, раз навсегда данную, как отчетливая картина, жизнь волнует его, он и меняет, и в блестящую даль, смеясь, движет ее»¹⁷⁹.

Друд убежден в том, что для того, чтобы изменить общество, не обязательно устраивать бунт, свергать власть, подобно революционерам, достаточно просто научить людей мечтать, видеть красоту, открыв тем самым путь к духовному и нравственному преображению. После такого преображения человека государственное устройство изменится само собой.

Желание изменить разум и душу людей личным примером без социалистической пропаганды и насильственной смены власти путем революции роднит Друда с Христом. Он тоже не звал народ на восстание против правителей, а излагал правила, по которым жил сам, чтобы те, кто его услышал, могли воспользоваться ими для пересмотра собственного мироощущения: «И, если займы даете тем, от которых надеетесь получить обратно, какая вам за это благодарность? Ибо и грешники дают займы грешникам, чтобы получить обратно столько же. Но вы любите врагов ваших, и благотворите, и займы давайте, не ожидая ничего; и будет вам награда

¹⁷⁹ Грин А. С. Блистающий мир // Грин А. С. Собр. соч. : в 6 т. Т. 2 Ранчо «Каменный Столб». Екатеринбург, 1993. С. 156-157.

великая, и будет сынами Всевышнего; ибо Он благ и к неблагодарным и злым. Итак, будьте милосердны, как и Отец ваш милосерден»¹⁸⁰. Не строя никаких далеко идущих планов, не будучи прагматиком, герой Грина освобождает ближних из эмоционального плена, показывая, что любовь и красота, о которых беднейшие классы забывают из-за тягот и лишения, все-таки существуют и им можно радоваться по-евангельски беззаботно. Можно сказать, что строки из Нового Завета о незнающих тревог «птицах небесных» оказали решающее влияние на Грина во время работы над образом Друда, определив характер героя: «Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи и тело – одежды? Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть?

Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний день сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы»¹⁸¹.

Любовь к ближним, отсутствие честолюбия и прагматизма – вот три черты, делающие Друда последователем сына Божьего. Как Шатов у Достоевского, он верит в лучшее, что есть в человеке, и призывает к этому (известна мысль и слова Достоевского о том, что если даже истина математически будет доказана присутствующей вне Христа, то он лучше останется со Христом). Но как Шатов не добился признания своей веры в Бога и русский народ у Ставрогина, так и герой Грина не смог преодолеть двойственности чувств и ума Руны. И это сближает Шатова и Друда. Отметим, что, на наш взгляд, Шатов один из двух литературных прообразов главного героя «Блистающего мира». Второй, как мы считаем, князь Мышкин, который тоже далек от того, чтобы заставлять ближних обращаться в свою веру, а просто несет им свет своей души, чтобы была видна дорога в «Царствие

¹⁸⁰ Лк, 6:34.

¹⁸¹ Мф, 6:25-26.

Божие». Впервые явившись в гости к Епанчиным, он уже сразу как будто согрел их семейство лучами доброты, и все почувствовали к нему глубокую привязанность: «Я ведь знаю, что таких, которых тотчас полюбишь, не скоро встретишь, а я вас, только что из вагона вышел, тотчас встретил. Я очень хорошо знаю, что про свои чувства говорить всем стыдно, а вот вам я говорю, и с вами мне не стыдно»¹⁸². Можно сказать, что фигура этого героя тоже была взята Грином для создания образа «летающего человека». И. Кириллова считает, что князь Мышкин – фигура «деятельной любви»: «Достоевский неоднократно отмечает намерение создать фигуру «деятельной любви» с целью противопоставить ее отрицательным, демоническим фигурам русского нигилизма».

Мы можем с не меньшим основанием утверждать, что главная цель Друда – счастье людей, и достигнуть ее он хочет через преображение их сознания красотой, «пейзажами далеких планет». В отличие от Руны, это истинно гриновский герой, про которого можно сказать словами Кобзева: «Если последующие герои романтика будут более органично включены в стихию синтетического мира, то положительный герой первого романа совершенно свободен от каких бы то ни было зависимостей «земного» бытия. Его исключительные мотивы сродни титанизму. Он один противостоит миру зла. Подобные мотивы свойственны и романтическому искусству прошлого. Эстетическое «парение духа» стало возможным только в обстановке полной победы духовности над миром голого чистогана»¹⁸³. При всей схожести князя и Друда есть одно принципиальное различие: Друд остается воплощением идеального героя, не меняясь нравственно в течение всего повествования, он не подвластен земным грехам, а Мышкин проявляет слабость, поддаваясь влиянию людского мнения о себе и капитулирует перед ним, опасаясь отчуждения от общества и одиночества. Т. Касаткина так говорит об этом: «...Спасти мир он может, лишь следуя первым путем, то есть – оставаясь

¹⁸² Достоевский Ф. М. Идиот // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 15 т. : Т. 6. Л., 1989. С. 65.

¹⁸³ Кобзев Н. А. Роман Александра Грина : (проблематика, герой, стиль). Кишинев, 1985. С.15.

Богом. Если он только человек, он может лишь страдать и умереть, множа страдания вокруг себя, Он солгал, что он человек, и он стал человек»¹⁸⁴.

В отличие от Мышкина Друд на протяжении всего романа не падает с высоты своих этических принципов, про таких как он, уважающих других, потому что уважают себя, написал Ю. Лотман: «Человек, который всю жизнь чувствует себя свободным. Итак, интеллигентный человек – это человек внутренне свободный, бесспорно уважающий себя»¹⁸⁵. Что хотел сказать Грин, показав летающего героя, научив его летать без усилий и напряжений, перемещаясь на любую высоту и расстояние? Писатель подчеркивает, что полет на летающем аппарате и летать свободно, как птица, не тратя сил на подъем в воздух, – это совершенно разные состояния, качественно отличающиеся одно от другого. Об этих состояниях Грин начал задумываться еще до написания «Блистающего мира», а именно в 1921 году, когда вышел в печать небольшой рассказ «Состязание в Лиссе» (1921). Там в первый раз показано, что человек способен летать без применения технических средств. Начинается повествование с открытия соревнования авиаторов на скорость и дальность полетов. Летчики, собравшись в трактире, общаются, и вдруг в их разговор вмешивается неизвестный, который неожиданно сообщает им, что то, чем они занимаются, поднимаясь в воздух, не имеет ничего общего с настоящей способностью летать: «Тогда неизвестный, сидевший за столиком, неожиданно и громко сказал: “Так вы летаете!” Что такое там, незнакомый? Что вы хотите сказать?

– Ничего особенного, – задумчиво ответил неизвестный. – Я слышал ваш разговор, и он произвел на меня гнусное впечатление»¹⁸⁶.

Вступив в спор с авиаторами о подлинной природе полета, незнакомец выходит из него победителем, впоследствии наглядно показав превосходство летающего человека над летающей техникой, встретившись с одним из

¹⁸⁴ Касаткина Т. О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве. Ф. М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М., 2005. С. 170-171.

¹⁸⁵ Лотман Ю. М. Воспитание души. СПб., 2003. С. 477.

¹⁸⁶ Грин А. С. Состязание в Лиссе. // Грин А. С. Собр. соч. В 6 т. Т. 4. М., 1980. С. 444-445.

пилотов в воздухе во время полета: «Картреф ничего не понял. Его душа, пораженная чувством, которое мы не можем представить, метнулась прочь; он повиновался ей, круто нажав руль, чтобы свернуть в сторону. Незнакомый, описав полукруг, мчался опять рядом.

Мысль, что это галлюцинация, слабо шевельнулась у Картрефа; желая оживить ее, он закричал:

– Не надо. Не хочу. Бред.

Восемь лет назад я посмотрел вверх и поверил, что могу летать, как хочу. С тех пор меня двигает в воздухе простое желание»¹⁸⁷.

Интересно, как объясняет собеседникам таинственный человек причины, по которым возникает желание и способность парить в пространстве: «Нет страха и утомления, сердцебиение похоже на то, каким сопровождается сладостный поцелуй»¹⁸⁸.

Мысль о полете, как о «чистом» удовольствии, где не присутствует никакая, даже самая малая толика, низменных греховных стремлений, где весь процесс полета является только удовольствием и лишен напряжения, продолжается автором в романе «Блестящий мир» – об этом сказано словами главного героя: «Рассмотрим, – сказал он, – хотя бы неполно, анатомию и психологию движения в воздухе. Неизбежно здесь сновидение; лишь его волнующий арабеск подскажет с отчетливостью прозрения, чем одушевлен чистый полет, ничего по ту сторону раскинутого в самой душе пространства; без усилий и вычислений»¹⁸⁹.

Что такое без «усилий и вычислений»? Почему это так важно, не тратить сил на перелеты? Герой романа хочет сказать публике, что умение летать без усилий, подобно умению совершать гуманные поступки, помогать ближним, не заставляя себя это делать, а получая удовольствие от добрых деяний, без напряжения совершая их. Именно тогда ты получаешь истинное удовольствие,

¹⁸⁷ Там же. С. 448-449.

¹⁸⁸ Там же. С. 445-446.

¹⁸⁹ Грин А. С. Блестящий мир // Грин А. С. Собр. соч. : в 6 т. Т. 2 Ранчо «Каменный Столб». Екатеринбург, 1993. С. 99.

которое можно назвать «новой чистотой» – высшее наслаждение мира, сравнимое с полетом. О нем поведал Иисус Христос: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко»¹⁹⁰. Также Сын божий сказал о том же состоянии «чистого блаженства»: «Пойдите, научитесь, что значит: милости хочу, а не жертвы? Ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию»¹⁹¹.

Легко творить добро, не тратя сил на то, чтобы принудить свое «Я», – вот о чем говорил Друд людям, когда учил их парить над землей, но, как и Христа, его поняли далеко не все. По мнению Яблокова, он «не претендует на обладание абсолютной истиной, поскольку, с его точки зрения, эта истина открыта каждому. При таком понимании в мире отсутствует «смысл» как нечто внеположное бытию; мир, так сказать, «бессмыслен» – он прост и радостен, как детская игра, и недаром собственное мироощущение Друд определяет словом «улыбка» (3, 126)¹⁹².

Почему же погиб самый светлый и сильный человек в романе?

Если смерть Ставрогина и моральная гибель Руны закономерны, то кончина Друда остается для исследователей не до конца объяснимой, оставляя вопросы.

Многие гриноведы дискутируют о том, чье же тело – Друда или неизвестного читателю самоубийцы – увидела Руна на улице в финале произведения. Е. А. Яблоков считает, что «информации о лежащем перед Руной человеке нет, его поступок, вероятно, может быть оценен и как попытка полета. В этом смысле «самоубийца» (это слово оказывается неточным и поэтому употребляется нами в кавычках) – очередной «антидвойник» Друда, его трагикомического, сугубо «земная» ипостась»¹⁹³.

¹⁹⁰ Мф. 11, 27-30.

¹⁹¹ Мф. 9, 13.

¹⁹² Яблоков Е.А. Роман Александра Грина «Блистающий мир». М., 2005. С. 81.

¹⁹³ Там же. С. 128.

Однако, на наш взгляд, падение и внезапная смерть героя как итог жизненного пути вполне объяснимы: подобно Христу и своему литературному прообразу Шатову, он быстро сгорает на костре жизни, оставляя людям тепло своего сердца. Шатов и Друд относятся к той категории героев, которые душевно щедры и приносят себя в жертву. Уходом из жизни в молодости Шатов и Друд напоминают судьбу сына Божьего. Руна говорит про Друда, что «земля оказалась сильнее его», и ошибается. Скорее это относится к ней: земные низменные желания оказались сильнее ее духовной составляющей. Друд же смог преодолеть закон земного тяготения и остался на протяжении всего романа сильнее земных страстей. Мы согласны с мнением В. Вихрова, который считает «Блистающий мир» романом не фантастическим, а символическим. В доказательство он приводит высказывание самого автора, найденное в воспоминаниях еще одного писателя советского времени Ю. Олеши. «Когда я выразил Грину свое восхищение по поводу того – пишет Олеша – какая поистине превосходная тема для фантастического романа пришла ему в голову (летающий человек), он почти оскорбился.

– Как это для фантастического романа? Это символический роман, а не фантастический! Это вовсе не человек летает. Это парение духа!»¹⁹⁴. Друд по своему существу именно символ «парения духа», христианской свободы, то есть свободы с добрым лицом и этим он напоминает героя Достоевского Шатова, что позволяет говорить о литературной преемственности.

Руна оказалась слабее Друда: с одной стороны, она не смогла полюбить его – мешала, усвоенная с детства привычка повелевать, а с другой – не смогла перенести расставание с ним; мучения раздвоенной души забывались, но только для того, чтобы опять преследовать ее: «Беспомощно устремив взгляд на плавное движение облачного массива, увидела она, что прямо к ее лицу мчатся, подобно налетающей птице, блестящие, задумчивые глаза, ни черт, ни линий тела не было в ужасной игре той. Как при встрече, были уже близки и

¹⁹⁴ Олеша Ю.К. «Писатель-уник» // Воспоминания об Александре Грине / [сост., В. Сандлера]. Ленинград, 1972. С. 316.

ясны они, но, едва сердце несчастной стало на краю обморока, мгновенно исчезли»¹⁹⁵.

Старание побороть свою вторую властолюбивую сторону духовного сознания приводит главную героиню к эмоциональному краху, когда, увидев мертвое тело Друда, она чувствует одновременно успокоение («Ты мертв, и я отдохну») и такое пронзительное сожаление о невозможности возврата любимого, что сознание отключается, а когда возвращается, Руна становится уже совершенно другим человеком. Мы согласны с исследователем Грина Кобзевым Н. А., что «она не выдержала натиска духовной красоты и нравственного совершенства. В облике Друда они всюду преследуют ее»¹⁹⁶. В этом есть сходство романа «Блистающий мир» с «Подростком». Руна, как и Версилов после решения убить, утрачивают большую часть интеллекта и эмоционального кругозора. «Версилов стал уже не тот». Эти строки относятся к обоим героям в равной степени. И тому и другому помешала полюбить людей и бога непомерная гордость. Как Руна Бегуэм, так и герой «Подростка» постоянно относятся к ближним с тайным презрением. Вспомним В. Я. Кирпотина: «Версилов не мог выкорчевать в себе высокомерного, помещичье-аристократического отношения к людям»¹⁹⁷.

Таким же отношением к окружающим характеризуется и героиня Грина. После потери памяти она лишь иногда уносится мечтами в то забытое время, когда с ней происходили необычайные чудеса: «Только иногда, обращая взгляд к небу, где вольные черты птиц от горизонта до горизонта ведут свой невидимый голубой путь, Руна Квинсей пыталась припомнить нечто, задумчиво сдвигая тонкие брови свои; но момент гас»¹⁹⁸. Руна со Ставрогиным не смогли преодолеть нравственных искушений. Их жизнь стала глубоко трагична: желание подавлять других не вытеснило потребности любить всем

¹⁹⁵ Грин А. С. Блистающий мир // Грин А. С. Собр. соч. : в 6 т. Т. 2 Ранчо «Каменный Столб». Екатеринбург, 1993. С. 118.

¹⁹⁶ Кобзев Н. А. Указ. соч.. С. 31.

¹⁹⁷ Кирпотин В. Я. Мир Достоевского: этюды и исследования. М., 1980. С. 512.

¹⁹⁸ Грин А. С. Блистающий мир // Грин А. С. Собр. соч. : в 6 т. Т. 2 Ранчо «Каменный Столб». Екатеринбург, 1993. С. 161.

сердцем, но и не покинуло их умы. Борьба двух взаимоисключающих начал неизбежно вела героев к катастрофе.

Руна является самым сложным и многосоставным образом Грина, который соединяет в себе черты трех героев Достоевского: Ставрогина, Великого Инквизитора и Версилова. Но, на наш взгляд, в большей степени Руна Бегуэм напоминает Николая Ставрогина. При всей внешней романтичности ее приключений и фантастичности их, переживания Руны вполне психологически достоверны и реалистичны, в данном случае творческий метод Грина при работе над романом можно называть реалистическим романтизмом. Его довольно удачно описал Е. П. Прохоров: «Для правильного понимания гриновского отношения к человеку важно подчеркнуть, что при всей сказочности обстановки, необыкновенности ситуаций, а подчас и фанатичности самих героев, писатель видел разрешение выдвигаемых им конфликтов не в превратностях судьбы, не в игре случая, а только в самих людях»¹⁹⁹. «Разрешение внутреннего конфликта» Бегуэм находится за пределами внешних обстоятельств – оно в ней самой. Произошедшие в ней перемены напоминают самоубийство Ставрогина, который тоже не смог удержаться между Богом и дьяволом. Точнее всех понял тайну его личности старец Тихон во время их беседы, когда Николай Всеволодович в исповедальной форме поведал про свои прегрешения и попросил совета, как стать ближе к людям. Старец почувствовал, как во время рассказа, с большим трудом якобы кающийся грешник удерживал себя от свершения нового зла, быть может, убийства: «Что с вами? – вскричал он вдруг, почти в испуге всматриваясь в Тихона. Тот стоял перед ним, сложив перед собою вперед ладонями руки, и болезненная судорога, казалось, как бы от величайшего испуга, прошла мгновенно по лицу его.

– Что с вами? Что с вами? – повторял Ставрогин, бросаясь к нему, чтобы его поддержать. Ему казалось, что тот упадет.

¹⁹⁹ Прохоров Е. И. Александр Грин. М., 1970. С. 68.

– Я вижу... я вижу, как наяву, – восклицает Тихон проникающим душу голосом и с выражением сильнейшей горести, – что никогда вы, бедный погибший юноша, не стояли так близко к самому ужасному преступлению, как в сию минуту!»²⁰⁰.

Финал истории Ставрогина сравним с печальной историей его двойника Руны Бегуэм, которую Грин завершает следующим словами: «Вот все, что надо, что можно, что следовало сказать об этой крупной душе, легшей ничком»²⁰¹.

Можно сделать вывод о том, что романы «Блистающий мир» и «Бесы» являются ярким примером того, как евангельские сюжеты и образы своеобразно интерпретируются как у Достоевского, так, благодаря влиянию его творчества, и у Грина. Образ Руны с разделенным на четыре части мировоззрением был создан Грином, благодаря прочтению сюжета о трех искушениях Иисуса Христа, а также под влиянием фигуры Ставрогина, тоже прошедшего эти искушения. Мы считаем, что четыре части миропонимания Руны Бегуэм, а именно: жажда власти, но не над телами, а над духовным созданием человечества; желание занимать всегда высокое положение и господствовать над людьми, думая, что это им же на пользу; стремление стать «человекобогом», стать выше любви и ненависти, а также последнее, в чем она хотела увериться, но не смогла, – это понять удовольствие любви к окружающим, не требующей ничего взамен, как составляющее части ее самосознания можно отнести и к ее литературному прообразу – Николаю Ставрогину. Следует отметить, что и в характере Друда прослеживаются евангельские мотивы и образы, которые использует Достоевский при формировании фигур Шатова и князя Мышкина, что позволяет сделать вывод о преемственности и продолжении традиции «христианского реализма» Достоевского в творчестве Грина.

²⁰⁰ Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 15 т. Т. 7. Л., 1990. С. 664.

²⁰¹ Грин А. С. Блистающий мир // Грин А. С. Собр. соч. : в 6 т. Т. 2 Ранчо «Каменный Столб». Екатеринбург, 1993. С. 162.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрев в предыдущих частях работы произведения Грина, на которые, на наш взгляд, оказали влияние традиции Достоевского, мы можем говорить, что хронологически они относятся к периоду с 1907 (начало цикла реалистических рассказов дореволюционного периода творчества) до 1923 года (время написания романа «Блистающий мир»).

Анализ произведений обозначенного периода, позволил сделать следующие выводы.

Для творчества Грина и Достоевского характерна система «двойничества», в которой мировоззрение каждого главного героя оказывается разделенным на две или даже, как у Ивана Карамазова, на несколько частей, причем всегда противоречащих одна другой. Характерным примером является образ революционера Яна из рассказа «Марат» Грина, в котором идет ожесточенная борьба между добротой и любовью к ближним и желанием разрушения и уничтожения Кириллова из «Бесов» Достоевского. Соотнесение образов можно продолжить, рассмотрев такие персонажи, как Геник из «Маленького заговора» Грина, жалеющего, подобно Ивану Карамазову («Братья Карамазовы» Достоевского), о «слезе ребенка»; Коломб из «Повести, оконченной благодаря пуле» Грина, узнавший истину о себе и людях внезапно, и Степан Трофимович Верховенский («Бесы» Достоевского), который по-новому прочел евангельский сюжет «о свиньях» и ужаснулся сделанному открытию; Лебедев из «Приключений Гинча» Грина, в своих отношениях с женщинами мечущийся между «раскаянием» и «затаенной усмешкой», как «парадоксалист» в «Записках из подполья» Достоевского, увлекшийся игрой с объектом в виде живого человека – наивной, беззащитной девушкой с чистой душой, и, наконец, самую разноплановую героиню Грина – Руну, чьим литературным прообразом является, по нашему мнению, главный герой «Бесов» Ставрогин, который, несомненно, один из самых сложных образов Достоевского. Его образ более многогранен, чем, к примеру Иван

Карамазов. Если в Иване происходит тройное деление личности между инквизитором, Смердяковым и евангельской правдой старца Зосимы, то у Ставрогина такое деление личности происходит на четыре части: он по очереди принимает черты Шигалева, желающего осчастливить все человечество с помощью полного и беспрекословного подчинения рабов господам, Кириллова с его утопической мечтой о «человекобоге», Шатова с его представлениями о «народе-богоносце» и Петра Верховенского, который скорее скрытый садист, чем социалист.

Как и у Ставрогина, внутренний мир Руны разделен на четыре части, воплощенные в других персонажах Грина, чьими литературными прототипами, на наш взгляд, были образы Достоевского. Так, например ее дядя, литературный прообраз которого Шигалев, Руководитель – по своим мизантропическим взглядам близкий к младшему Верховенскому; Друд, ближе всех других героев романа приблизился к Богу, как и Шатов в «Бесах»; Грантом в своих мыслях о реальности подсознательного похожий на Кириллова. Каждый персонаж как у Достоевского, так и у Грина является носителем какой-либо идеи.

При этом гриновский психологизм в романтических произведениях не уступает по глубине произведениям реалистическим. С переходом к романтическому описанию действительности он несколько не утратил верности и точности изображения процессов сознания.

Созданием противоречивых и парадоксальных образов с двойным сознанием Грин, на наш взгляд, обязан, в первую очередь, безусловно, Достоевскому. Аналогии в характерах героев произведений писателей прослеживаются нами достаточно последовательно.

Двойственность сознания литературных персонажей Грина и Достоевского проявляется в идеологических спорах, в которых каждый пытается доказать свою правду. Как мы считаем, здесь можно говорить о диалогах идей. Эту особенность творчества, по нашему мнению, Грин перенял у Достоевского.

Также нами замечено, что характеры героев вышеуказанных произведений всегда изменчивы. Можно наблюдать, как постоянно меняется их мироощущение, когда по ходу повествования герой становится другим и на каждой странице происходят изменения в его духовном мире. По нашему мнению, данная черта творчества Грина также заимствована у Достоевского.

Традиция Достоевского, востребованная в творчестве Грина, как сказал достоевсковед В. Н. Захаров, – «христианский реализм», т.е. реалистическое изображение жизни, пронизанное христианским отношением к людям и событиям. Умноженный на уже представленный сопоставительный ряд образов и их содержательное наполнение, используемый метод и его элементы могут говорить об идейно-тематических переключках в творчестве Грина и Достоевского. Эта традиция, в отличие от первых двух, проявилась в начале творческого пути Грина не сразу, а лишь в 1914 году, с момента написания «Повести, оконченной благодаря пуле», затем продолжилась рассказом «Состязание в Лисе» (1921 г) и закончилась самым «евангельским» произведением Грина – романом «Блистающий мир» (1923 г). «Евангелизм», проявившись лишь в евангельских сюжетах, использованных Грином в своих ранних произведениях, в годы Советской власти, к сожалению, совсем исчез из творчества писателя. Автор приходит к пониманию «божественных строк» не только через прочтение их непосредственно в Новом Завете, но и увидев в переосмысленном виде в романах Достоевского («Бесы», «Братья Карамазовы»), и отобразив в своих произведениях, которые были отмечены в проанализированных нами в данном исследовании. Например, для «Повести, оконченной благодаря пуле» Грин взял евангельский сюжет «о превращении в свиней», заимствовав его в романе «Бесы», в романе «Блистающий мир» нашли отражение сюжеты «о трех искушениях Христа в пустыне», о «птицах небесных» и о «легком бремене», по нашему мнению, также увиденных им в романе Достоевского.

Таким образом, резюмируя вышесказанное, заключаем, что можно выделить четыре традиции Достоевского, используемые Грином в своем

раннем творчестве. Во-первых – «внутренняя незавершенность» характеров героев, постоянная изменчивость их состояний по ходу повествования.

Во-вторых – «диалогичность идей» (герои постоянно вступают в спор между собой, и каждый выражает идею).

В-третьих – система «двойничества», характеризующая психологизм Грина, когда личность героя делится на две или более составляющих, часто противоположных одна другой.

В-четвертых – «христианский реализм», характеризующий христианское отношение писателя к действительности.

Из данных положений мы заключаем, что Ф. М. Достоевский в немалой степени повлиял на раннее творчество А. С. Грина.

В перспективе, мы намерены шире изучить влияние писателей XIX века на творчество Грина.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аверинцев, С. С. Категории поэтики в смене литературных эпох. – Текст электронный / Андреев М. Л., Гаспаров М. Л., Гринцер П. А., Михайлов А. В. // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания: сб. статей. – Москва : Наследие, 1994. – С. 3–38. – URL : <https://forlit.philol.msu.ru/lib-ru/history-poetic> (дата обращения: 26.02.2020).
2. Адеев, В. Фантастическая нить романа «Блистающий мир». –/ Владимир Адеев. – Текст : непосредственный // Веси. – 2018. – № 5 (143). – С. 56-60.
3. Антипов, А. А. Философия и литература как пространства эстетических провокаций: и снова о Достоевском и Ницше Текст : непосредственный / А. А. Антипов // Вестник Самарского государственного университета. – 2014. – № 9. – С. 171-178.
4. Аристотель. Поэтика. Риторика / Аристотель ; вступительная статья и комментарии С. Ю. Трохачева. – Санкт-Петербург : Азбука, 2000. – 347 с. – (Азбука – классика). – Текст : непосредственный.
5. А. С. Грин : взгляд из XXI века : к 125-летию Александра Грина : сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф. «Актуальные проблемы современной филологии» / Правительство Кировской области, Департамент культуры, информации и общественных связей Кировской области, Вятский государственный гуманитарный университет, Дом-музей А. С. Грина ; [ответственный редактор Т. Е. Загвоздкина ; редколлегия: Е. О. Галицких, М. А. Махнева] – Киров : ВятГГУ , 2005. – 283 с. – Текст : непосредственный.
6. А. С. Грин и судьбы романтики в мировой литературе: [коллективная монография] / [Ануфриев А. Е. и др., Вятский государственный университет ; составитель и научный редактор: Е. О. Галицких, К. С. Лицарева, В. А. Поздеев ; рецензенты: Т. А. Золотова, Д. Н. Черниговский] – Киров : Радуга – Пресс , 2016. – 272 с. - Текст : непосредственный.

7. Александр Грин: жизнь и мир писателя: статьи, очерки, исследования / Феодосийский литературно-мемориальный музей А. С. Грина ; [составитель Алла Ненада]. – Феодосия : Арт Лайф, 2018 – 190 с. – Текст : непосредственный.

8. Александр Грин: жизнь, личность, творчество : статьи, очерки, исследования / Феодосийский литературно-мемориальный музей А. С. Грина; [составитель А. Ненада ; редколлегия В. П. Казарин и др.] – Феодосия : Арт Лайф , 2010. – 181 с. – Текст : непосредственный.

9. Александр Грин: секреты мастерства: статьи, очерки, исследования / Феодосийский литературно-мемориальный музей А. С. Грина; [составители: С. Колотупова, А. Ненада] – Феодосия : ЯСОН, 2020. – 180 с. – Текст : непосредственный.

10. Александр Грин: судьба и творчество: статьи, очерки, исследования / [редактор-издатель Д. Лосев ; составитель А. Ненада ; редколлегия В. П. Казарин и др.] – Феодосия – Москва : Коктебель, 2008. – 147 с. – Текст : непосредственный.

11. Алиев, Э. О некоторых малоизвестных произведениях А. С. Грина. / Э. О. Алиев. – Текст : непосредственный // Литературный Азербайджан. – 1970. – № 7. – С. 148-151.

12. Бабович, М. Судьба добра и красоты в свете гуманизма Достоевского / М. Бабович. – Текст : непосредственный // Достоевский. Материалы и исследования. – Т. 1. – Ленинград : Наука. Ленингр. отд-е, 1974. – 100-107.

13. Бардина, С. Петербургская гавань Александра Грина. Алые паруса Невского: адреса и памятные места писателя в Северной столице / Светлана Бардина ; предисловие О. Байбуртской ; комментарии и примечания С. Бардиной, Д. Лосева. – Феодосия; Москва : Коктебель, 2021. – 287 с. – Текст : непосредственный.

14. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – Изд. 4-е. – Москва : Советская Россия, 1979. – 318 с. – Текст : непосредственный.
15. Бахтин, М. М. Проблемы творчества достоевского. проблемы поэтики / Бахтин М. М. – Изд. 5-е. – Киев : Наукова думка, 1999. – 511 с. – Текст : непосредственный.
16. Белинский, В. Г Полное собрание сочинений: В 13 т. / В. Г. Белинский ; редакционная коллегия: Н. Ф. Бельчиков (главный редактор) и др. ; Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом) : Т. 10 : Статьи и рецензии. 1846-1848; [тексты подготовлены и комментарии к ним составил Е. И. Кийко; редактор А. Г. Дементьев]. – 1956. – 474 с. – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. – 474 с. – Текст : непосредственный.
17. Бем, А. Л. Сумерки героя: (Этюд к работе: Отражение «Пиковой дамы» в творчестве Достоевского)/ А. Л. Бем. – Текст : непосредственный // Достоевский, Ф. М. Бесы: роман в трех частях; антология русской критики / Ф. М. Достоевский; сост. Л. И. Сараскина. – Москва : Согласие, 1996. – С. 662-668.
18. Бердяев, Н. А. Духи русской революции / Н. А. Бердяев. – Текст : непосредственный // Достоевский Ф. М. Бесы. Роман в трех частях. «Бесы»: Антология русской критики. – Москва : Согласие, 1996. – С. 513-518.
19. Бердяев, Н. А. Самопознание: (опыт философской автобиографии) / Бердяев Н. А. – Москва : Книга, 1991. – 446 с. – Текст : непосредственный.
20. Бердяев, Н. А. Ставрогин / Н. А. Бердяев. – Текст : непосредственный // Достоевский, Ф. М. Бесы: роман в 3 ч.; «Бесы»: Антология русской критики / составитель и подготовка текста, послесловие и комментарии Л.И. Сараскиной. – Москва : Согласие, 1996. – С. 518–524.
21. Бердяев, Н. А. Алексей Степанович Хомяков / Н. А. Бердяев. – Текст : непосредственный // Бердяев Н. А. Собрание сочинений. Т. V: Алексей Степанович Хомяков. Мирозерцание Достоевского. Константин Леонтьев. – Париж, 1997. – 578 с.

22. Березин, В. С. Визит иностранца: петроградское время Александра Грина / В. С. Березин. – Текст : непосредственный // Текст и традиция. – 2020. – Т. 8. – С. 325-344.

23. Билюк, А. Жизнь и творчество Александра Грина / А. Билюк, Н. Тихомирова. – Текст : непосредственный // Проблемы научной мысли. – 2017. – Т. 5. № 1. – С. 047-049.

24. Бушмин, А. С. Методологические вопросы литературоведческих исследований / Бушмин А. С.; АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). – Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. – 228 с. – Текст : непосредственный.

25. Быховский, Н. С «Алексеем Долговязым» – по городам России / Н. С. Быховский. – Текст : непосредственный // Жизнь Александра Грина, рассказанная им самим и его современниками: автобиографическая проза, воспоминания / Литературный институт им. А. М. Горького; составитель и подготовка текстов Вадима Ковского ; [редактор-издатель. Д. Лосев ; примечания Л. Варламова и др. ; хроника жизни и творчества А. С. Грина: Н. Яловая]. – Москва : Изд-во Лит. ин-та им. А. М. Горького, 2012. – С. 377-382.

26. Важдаев, В. М. Проповедник космополитизма: Нечистый смысл «чистого искусства» Александра Грина / В. М. Важдаев. – Текст : непосредственный // Новый мир. – 1950. – № 1. – С. 257–272.

27. Варламов, А. Н. Александр Грин / Варламов А. Н. – Москва : Мол. гвардия, 2005. – 452 с. – Текст : непосредственный.

28. Введение в литературоведение: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности и направлению подготовки «Филология» / [Л. В. Чернец и др.] ; под редакцией Л. В. Чернец. – 5-е изд., стер. – Москва : Академия, 2012. – 716, [1] с. – Текст : непосредственный.

29. Вдовин, А. Миф Александра Грина: к 120-летию со дня рождения / А. Вдовин. – Текст : непосредственный // Урал. – 2000. – № 8. – С. 172-178.

30. Вержбицкий, Н. Светлая Душа .../ Н. Вержбицкий. – Текст : непосредственный // Жизнь Александра Грина, рассказанная им самим и его современниками: автобиографическая проза, воспоминания / Лит. Ин-т им. А. М. Горького; сост. и подготовка текстов Вадима Ковского ; [редактор-издатель Д. Лосев ; примечание: Л. Варламова и др. ; хроника жизни и творчества А. С. Грина: Н. Яловая]. – Москва : Изд-во Лит. ин-та им. А. М. Горького, 2012. – 384 с.

31. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский; [вступительная статья И. К. Горского, с. 11-31; комментарий В. В. Мочаловой]. – Москва : Высш. шк., 1989. – 404,[2] с. – Текст : непосредственный.

32. Вихров, В. Рыцарь мечты / В. Вихров. – Текст : непосредственный // Собрание сочинений : в 6 т. Т. 1 / А. С. Грин ; [составитель В. Ковский и др. ; под общей редакцией В. Россельса ; иллюстрации С. Бродского]. – Москва : Правда, 1980. – С. 3–34.

33. Волгин, И. Л. Ничей современник: четыре круга Достоевского / Игорь Волгин. – Москва; Санкт-Петербург : Нестор- История, 2019. – 735 с. – Текст : непосредственный.

34. Вольтинский, А. Человек и богочеловек. Достоевский / Институт русской литературы (Пушкин. дом) РАН. – Санкт-Петербург : Академический проект; Издательство ДНК, 2007. – 261 с. – Текст : непосредственный.

35. Воспоминания об Александре Грине / [составитель, вступление, примечание В. Сандлера]. – Ленинград: Лениздат, 1972. – 607 с., 16 л. ил. – Текст : непосредственный.

36. Вышеславцев, Б. П. Русская стихия у Достоевского / Б.П. Вышеславцев. – Текст : непосредственный // Достоевский, Ф. М. Бесы : роман в трех частях; антология русской критики / Ф. М. Достоевский; составитель Л. И. Сараскина. – Москва : Согласие, 1996. – С. 587–605

37. Гессен, С. И. Трагедия добра в «Братьях Карамазовых» Достоевского / С. И. Гессен. – Текст : непосредственный // О Достоевском. Творчество

Достоевского в русской мысли 1881–1930 годов. – Москва : Книга, 1990. – С. 352-373.

38. Гессен, С. И. Трагедия зла (Философский смысл образа Ставрогина) / С. И. Гессен. – Текст : непосредственный // Достоевский, Ф. М. Бесы: роман в трех частях; антология русской критики / Ф. М. Достоевский; составитель Л. И. Сараскина. – Москва : Согласие, 1996. – С. 668–682.

39. Гогина, Л. П. Альтернатива нигилизму в романе «Бесы» Ф. М. Достоевского / Л. П. Гогина. – Москва : Изд-во Московского гос. обл. ун-та, 2015. – 202 с. – Текст : непосредственный.

40. Гордович, К. Д. Своеобразие отражения реальности в романтической модели А. Грина / К. Д. Гордович. – Текст : непосредственный // Мир романтизма. – 2004. – № 10. – С. 212-214.

41. Горнфельд, А. Г. Рец. на кн.: Грин А. Искатель приключений: Рассказы. М., 1916 / А. Г. Горнфельд. – Текст : непосредственный // Русское богатство. – 1917. – № 6/7. – С. 279-282.

42. Горький, М. Полное собрание сочинений: художественные произведения: в 25 т. / М. Горький; АН СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького. – Москва : Наука, 1968. – Текст : непосредственный.

43. Грин, А. С. Собрание сочинений : [в 6 т.] / А. С. Грин ; [составитель В. И. Бугров; художник К. Ю. Комардин]. – Екатеринбург: КРОК-центр, 1993–1994. – Текст : непосредственный.

44. Грин, А. С. Собрание сочинений: в 6 т. / А. С. Грин ; [составитель В. Ковский и др. ; под общей редакцией В. Россельса ; иллюстрации С. Бродского]. – Москва : Правда, 1980. – Текст : непосредственный.

45. Грин, А. С. Фантастические новеллы / Александр Грин ; под редакцией и со вступительной статьей Корнелия Зелинского ; гравюры на дереве В. Козлинского. – Москва : Советский писатель, тип. им. Сталина, 1934. – 594, [3] с. : ил.

46. Грин, А. С. Я пишу вам всю правду: письма 1906 – 1932 годов / Александр Грин; составитель, подготовка текстов Л. Варламовой и Н. Яловой;

[предисловие Людмилы Варламовой ; редактор-издатель Д. Лосев] – Феодосия – Москва : Коктебель, 2012. – 223 с. – Текст : непосредственный.

47. А. Грин без секретов и легенд / автор-составитель: Виктор Бакин. – Киров : О-Краткое, 2025 (Киров : Киров. обл. тип.). – Текст : непосредственный.

[Т. 1] : 1-8 части. – 2025. – 539 с., [4] л.

[Т. 2] : 9-15 части. – 2025. – 479 с., [4] л. ил., портр.

48. Грин, Н. Н. Воспоминания об Александре Грине: мемуар. очерки, дневниковые записи, письма / Грин Н. Н.; составитель, подготовка текста, комментарий Н. Яловой, Л. Варламовой, С. Колотуповой ; [редактор-издатель Д. Лосев ; предисловие: Л. Варламова ; биохроника: Н. Яловая ; подбор иллюстраций: Л. Ковтун, С. Титова ; рецензия А. Ненада] – Феодосия – Москва : Коктебель , 2005. – 399 с. – Текст : непосредственный.

49. Грознова, Н. А. Ранняя советская проза. 1917-1925 / Н. А. Грознова ; АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). – Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. – 203 с. – Текст : непосредственный.

50. Дикова, Т. Ю. Рассказовая проза Александра Грина в контексте русской и мировой культуры / Т. Ю. Дикова. – Текст : непосредственный // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. – 2016. – № 5. – С. 807-811.

51. Дилакторская, О. Г. Петербургская повесть Достоевского / О. Г. Дилакторская. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1999. – 348 с. – Текст : непосредственный.

52. Долинин, А. С. Исповедь Ставрогина (В связи с композицией «Бесов») / А. С. Долинин. – Текст : непосредственный // Литературная мысль. – Петроград, 1922. – Вып. 1. – С. 150

53. Достоевский, Ф. М. Собрание сочинений : в 15 т. Ленинград : Наука : Ленингр. отд-ние, 1988–1991.

54. Дунаевская, И. К. Этико-эстетическая концепция человека и природы в творчестве А. Грина / И. К. Дунаевская; АН ЛатвССР, Институт философии и права – Рига : Зинатне, 1988. – 166 с. – Текст : непосредственный.

55. Евлампиев, И. И. Миф о человеке в романе Ф. Достоевского «Братья Карамазовы» / И. И. Евлампиев. – Текст : непосредственный // Вопросы философии. – 2008. – № 11. – С. 70-83. – (Из истории отечественной философской мысли).

56. Ермакова, М. Я. Традиции Достоевского в русской прозе: кн. для учителя / Ермакова М. Я. – Москва : Просвещение, 1990. – 126, [2] с. – Текст : непосредственный.

57. Ермилов, Ю. И. Александр Грин: романтика слова и антиромантика факта / Ю. И. Ермилов. – Текст : непосредственный // Научный поиск. – 2020. – № 1 (35). – С. 41-42.

58. Есаулов, И. А. Русская классика. Новое понимание / И. А. Есаулов ; Министерство образования и науки Российской Федерации, Российский православный университет, Центр литературоведческих исследований. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2015. – 446, [1] с. – Текст : непосредственный.

59. Есин, А. Б. Психологизм русской классической литературы / А. Б. Есин. – 2. изд., перераб. – Москва : Флинта: Моск. психол.-соц. ин-т, 2003. – 173, [2] с. – Текст : непосредственный.

60. Живолупова, Н. В. «Записки из подполья» Ф. М. Достоевского и субжанр «исповеди антигероя» в русской литературе второй половины 19-го – 20-го века : монография / Н. В. Живолупова ; Российское общество Ф. М. Достоевского, Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова. – Нижний Новгород : Дятловы горы, 2015. – 735 с. – Текст : непосредственный.

61. Живолупова, Н. В. Достоевский и иные художественные миры / Н. В. Живолупова ; Российское общество Ф. М. Достоевского, Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Нижегородский

государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова. – Нижний Новгород : Дятловы горы, 2020. – 330 с. – Текст : непосредственный.

62. Жизнь Александра Грина, рассказанная им самим и его современниками : автобиографическая проза, воспоминания / составитель и подготовка текстов Вадима Ковского ; Литературный институт им. А. М. Горького. – Москва : Изд-во Литературного ин-та им. А. М. Горького ; Феодосия : Коктебель, 2012. – 559 с., [7] л. – Текст : непосредственный.

63. Жирар, Р. Достоевский: от двойственности к единству / Рене Жирар ; [перевод с французского Г. Куделич]. – Москва : ББИ, 2013. – 162 с. – Текст : непосредственный.

64. Западно-европейская социология XIX века: тексты: О. Конт, Д.С. Милль, Г. Спенсер : учеб. пособие для вузов по напр. и спец. «Социология». – Москва : Междунар. Ун-т Бизнеса и Управления, 1996. – 352 с. – Текст : непосредственный.

65. Захаров, В. Н. Имя автора – Достоевский: очерк творчества / В. Н. Захаров; Петрозаводский гос. ун-т. – Москва : Индрик, 2013. – 455 с. – Текст : непосредственный.

66. Захаров, В. Н. Христианский реализм в русской литературе (Постановка проблемы) / В. Н. Захаров. – Текст : непосредственный // Проблемы исторической поэтики. – 2001. – № 6. – С. 6-20.

67. Зелинский, К. Л. Жизнь и творчество А. С. Грина / К. Л. Зелинский. // Грин А. С. Фантастические новеллы. – Москва, Советский писатель, 1934. – С. 3-35¹.

68. Иваницкая, Е. Н. Мир и человек в творчестве А. С. Грина / Е. Н. Иваницкая; ответственный редактор Т. О. Осипова; Ростовский государственный университет. – Ростов на Дону : Изд-во Рост. ун-та, 1993. – 64 с. – Текст : непосредственный.

69. Иванов, В. Основной миф в романе «Бесы» / В. Иванов. – Текст : непосредственный // Достоевский, Ф. М. Бесы : роман в 3 ч. ; «Бесы» :

Антология русской критики / сост. подготовка текста, послесл. комментарии Л. И. Сараскиной. – Москва : Согласие, 1996. – С. 508–511.

70. Иваск, Ю. П. Упоение Достоевского / Ю. П. Иваск. – Текст : непосредственный // Достоевский, Ф. М. Бесы: роман в трех частях; антология русской критики / Достоевский, Ф. М. Бесы: роман в 3 ч.; «Бесы»: Антология русской критики / составитель, подготовка текста, послесловие, комментарии Л. И. Сараскиной. – Москва : Согласие, 1996. – С. 695–702.

71. Иконников-Галицкий, А. Три Александра и Александра: портреты на фоне революции: Александр Грин, Александр Амфитеатров, Александр Блок, Александра Коллонтай / Анджей Иконников-Галицкий. – Санкт-Петербург : Лимбус пресс, сор. 2017 – 285, [2] с. – Текст : непосредственный.

72. История русской литературы: в 4 т. Т. 3: Расцвет реализма / [Н. И. Пруцков, М. Т. Пинаев, Л. М. Лотман и др.] ; редактор Ф. Я. Прийма, Н. И. Пруцков; редколлегия: Н. И. Пруцков (главный редактор) и др. – Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1982. – 876 с. – Текст : непосредственный.

73. История русской литературы XIX века. 70 – 90-е годы: учебник для вузов по спец. «Филология» / Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Ассоциация вузовских филологов; под редакцией В. Н. Аношкиной, Л. Д. Громовой, В. Б. Катаева. – Москва : Изд-во МГУ, 2001. – 800 с. – Текст : непосредственный.

74. История русской литературы XIX в. / под редакцией Д. Н. Овсяннико-Куликовского, при ближайшем участии А. Е. Грузинского и П. Н. Сакулина. В 5 т. Т. 1-5. – Москва : Изд. Т-ва «Мир», 1908-1911. – Текст : непосредственный.

75. Исупов, К. Г. Компетентное присутствие (Достоевский и «серебряный век») / К. Г. Исупов. – Текст : непосредственный // Достоевский. Материалы и исследования. – Т. 15. – Санкт-Петербург : Наука, 2000. – С. 3-26.

76. Калинин, В. М. Поэтика онима / В. М. Калинин; Министерство образования Украины; Донецкий государственный университет. – Донецк : Юго-Восток, 1999. – 408 с. – Текст : непосредственный.

77. Калицкая, В. П. Моя жизнь с Александром Грином: воспоминания, письма / Вера Калицкая ; составитель и подготовка текстов Л. Варламовой, Н. Яловой, Д. Лосева ; [предисловие: Л. Ковтун] – Феодосия – Москва : Коктебель , 2010. – 255 с. – Текст : непосредственный.

78. Кантор, В. К. «Судить Божью тварь» Пророческий пафос Достоевского: очерки / Кантор В. К. ; [научный редактор И. И. Ремезова ; художник П. П. Ефремов] – Москва : РОССПЭН , 2010. – 422 с. – (Российские Пропилеи) . – Текст : непосредственный.

79. Карякин, Ю. Ф. Не опоздать!: Беседы. Интервью. Публицистика разных лет / Юрий Карякин ; [составитель И. Н. Зорина] – Санкт-Петербург : Изд-во Ивана Лимбаха, 2012. – 457 с. – Текст : непосредственный.

80. Касаткина, Т. А. О творящей природе слова : Онтологичность слова в творчестве Ф. М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле» / Татьяна Касаткина; Российская академия наук. Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Комиссия по изучению творчества Ф. М. Достоевского. – Москва : ИМЛИ РАН, 2004. – 479 с. – Текст : непосредственный.

81. Качалина, Н. А. От «проблем творчества Достоевского» к «проблемам поэтики Достоевского»: история развития концепции М. М. Бахтина / Качалина Н. А., Сайченко В. В. – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития : матер. VI Межд. науч.-практ. конф. Краснодар, 24 апреля 2021 года. – С. 254-256.

82. Келдыш, В. А. Наследие Достоевского и русская мысль порубежной эпохи / В. А. Келдыш. – Текст : непосредственный // Связь времен. Проблемы преемственности в русской литературе конца XIX – начала XX в. – Москва : Наследие, 1992. – С. 76-115.

83. Келдыш, В. А. О «серебряном веке» русской литературы: Общие закономерности. Проблемы прозы / В. А. Келдыш; [ответственный редактор В. В. Полонский] ; Учреждение Российской академии наук, Институт мировой литературы им. А. М. Горького. – Москва : ИМЛИ РАН, 2010. – 511 с. – Текст : непосредственный.

84. Киблик, О. Н. Блеск и нищета цивилизации в романтической рефлексии А. С. Грина / О. Н. Киблик. – Текст : непосредственный // Миссия конфессий. – 2020. – Т. 9 (№ 1). – С. 27–35.

85. Киблик, О. Н. Воображение и фантазия в аспекте философии А. С. Грина / О. Н. Киблик. – Текст : непосредственный // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2018. – Т. 7. № 5А. – С. 133-138.

86. Кириллова, И. А. Образ Христа в творчестве Достоевского: размышления / Ирина Кириллова. – Москва : Центр книги Рудомино, 2011. – 155 с. – Текст : непосредственный.

87. Киричек, А. В. Образы чиновников в романе Александра Грина «Блистающий мир» / А. В. Киричек, Е. Н. Бондаренко. – Текст : непосредственный // Речевая практика государственных служащих : сборник материалов Международного круглого стола / Академия Государственной противопожарной службы Министерства РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий – Москва, 2019. – С. 174-181.

88. Кирпотин, В. Я. Мир Достоевского: статьи, исследования / В. Я. Кирпотин. – 2-е изд., доп. – Москва : Сов. писатель, 1983. – 471 с. – Текст : непосредственный.

89. Кобзев, Н. А. Роман Александра Грина : (проблематика, герой, стиль) / Н. А. Кобзев ; ответственный редактор Л. А. Герасименко. – Кишинев : Штиинца, 1985. – 140 с. – Текст : непосредственный.

90. Ковский, В. Е. Александр Грин: Преображение действительности. – Фрунзе : Илим, 1966. – 126 с. – Текст : непосредственный.

91. Ковский, В. Романтический мир Александра Грина / Академия наук СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького; ответственный редактор Л. И. Тимофеев. – Москва : Наука, 1969. – 298 с. – Текст : непосредственный.

92. Козлова, Д. В. Формы двойничества в рассказах А. Грина (к проблеме русско-зарубежных связей XIX – начала XX вв.) / Д. В. Козлова. – Текст : непосредственный // Грехневские чтения : сборник научных трудов / ответственный редактор Н. М. Фортунатов ; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2001. – 42-45.

93. Крейд, В. Встречи с серебряным веком / В. Крейд // Воспоминания о серебряном веке : сборник / составитель, автор предисловия и комментарии В. Крейд. – Москва : Республика, 1993. – 558 с. – Текст : непосредственный.

94. Лебедева, Т. И. Из истории жизни Грина : (вся жизнь писателя в одной коллекции) / Татьяна Лебедева. – [Киров] : [б. и.], 2020 (Киров: Лобань). – 164, [2] с. : ил. – Текст : непосредственный.

95. Левидов, М. Ю. Иностранец русской литературы: рассказы А. С. Грина / М. Ю. Левидов. – Текст : непосредственный // Журнал журналов. – 1915. – № 4. – С. 3–5.

96. Литературный энциклопедический словарь / [подготовка Е. И. Бонч-Бруевич и др.] ; под общей редакцией В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – Москва : Сов. энцикл., 1987. – 750, [1] с. – Текст : непосредственный.

97. Литературная энциклопедия терминов и понятий / РАН, Ин-т научной информации по общественным наукам ; главный редактор и составитель А. Н. Николюкин. – Москва : Интелвак, 2003. – 1596 с. – Текст : непосредственный.

98. Литературные манифесты западноевропейских классицистов : [сб. пер.] / собрание текстов, вступительная статья [с. 5–28] и общ. ред. Н. П. Козловой. – Москва : Изд-во МГУ, 1980. – 617 с. – Текст : непосредственный.

99. Литературные манифесты западноевропейских романтиков / собрание текстов, вступительная статья и общая редакция А. С. Дмитриева. – Москва : Изд-во МГУ, 1980. – 638 с. – Текст : непосредственный.

100. Лихачев, Д. С. «Принцип дополнительности» в изучении литературы / Д. С. Лихачев. – Текст : непосредственный // Русская литература. – 1991. – № 3. – С. 37.

101. Лотман, Ю. М. Воспитание души: Воспоминания. Беседы. Интервью: В мире пушкинской поэзии (сценарий): Беседы о рус. культуре. Телевизион. лекции / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство – СПб, 2003. – 621 с. – Текст : непосредственный.

102. Ляпушкина, Е. И. Введение в литературную герменевтику: теория и практика: [12+] / Е. И. Ляпушкина. – Москва : Панглосс : РИПОЛклассик, 2019. – 254, [1] с. – Текст : непосредственный.

103. Маковский, С. К. На Парнасе Серебряного века / Маковский С. К.; редактор Т. Чугунова ; художник А. Мохин. – Москва : Наш дом – L`Age d`Homme ; Екатеринбург : У-Фактория, 2000. – 394 с. – Текст : непосредственный.

104. Мелетинский, Е. М. Заметки о творчестве Достоевского / Е. М. Мелетинский; [Российский государственный гуманитарный университет. Институт высших гуманитарных исследований. – Москва : РГГУ, 2001. – 187, [2] с. – Текст : непосредственный.

105. Мелетинский, Е. М. О происхождении литературно-мифологических сюжетных архетипов / Е. М. Мелетинский. – Текст : непосредственный // Литературные архетипы и универсалии. – Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2001. – С. 73-149.

106. Мережковский, Д. С. Пророк русской революции / Д.С. Мережковский. – Текст : непосредственный // Достоевский Ф. М. Бесы: роман в трех частях; антология русской критики / составитель Л. И. Сараскина. – Москва : Согласие, 1996. – С. 461–488.

107. Михайлова, Л. Александр Грин: жизнь, личность, творчество / Л. Михайлова. – 2-е изд., дораб. и доп. – Москва : Худож. лит., 1980. – 216 с. – Текст : непосредственный.

108. Михайловский, Н. К. Литературно-критические статьи / Н. К. Михайловский ; [подготовка текста, вступит. ст., с. 3-44, и примеч. Г. А. Бялого]. – Москва : Гослитиздат, 1957. – 664 с. – (Русская критика). – Текст : непосредственный.

109. Мосолкин, С. В. Революционный романтизм произведений А. Грина / С. В. Мосолкин. – Текст : непосредственный // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения. – 2017. – Вып. 4. – С. 452-455. – (Научный отдел) (Отечественная история).

110. Назиров, Р. Г. Об этической проблематике повести «Записки из подполья» / Р. Г. Назиров. – Текст : непосредственный // Достоевский и его время / под ред. В. Г. Базанова и Г. М. Фридлендера ; АН СССР. Ин-т рус. литературы/ (Пушкин. дом). – Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1971. – С. 143–156

111. Нефагина, Г. Л. Русская проза конца XX века : учеб. пособие / Г. Л. Нефагина. – 2-е изд. – Москва : Флинта: Наука, 2005. – 320 с. – Текст : непосредственный.

112. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра: книга для всех и ни для кого / Фридрих Ницше ; [перевод Ю. Антоновской]. – Москва : АСТ : Астрель, 2010. – 447 с. – Текст : непосредственный.

113. Новиков, В. Заскок: Заметки о модернизме в русской литературе / В. Новиков. – Текст : непосредственный // Знамя. – 1995. – № 10. – С. 189–199.

114. Овсяннико-Куликовский, Д. Н. История русской интеллигенции : Итоги рус. художеств. лит. XIX в. / Д.Н. Овсяннико-Куликовский. – 2-е изд. – Москва : В.М. Саблин, 1907. – Текст : непосредственный.

115. Одинок, В. Г. Типология образов в художественной системе Ф. М. Достоевского / В. Г. Одинок. – Новосибирск : Наука: Сиб. отд-ние, 1981. – 145 с. – Текст : непосредственный.

116. Осьмакова, Л. Н. Хрестоматия по теории литературы: пособие для студентов [пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.»] / составитель Л. Н. Осьмакова ; вступительная статья П. А. Николаева. – Москва : Просвещение, 1982. – 448 с. – Текст : непосредственный.
117. Павлов, В. Л. Философская тональность творчества Александра Грина / В. Л. Павлов. – Текст : непосредственный // Мысль : журнал Петербургского философского общества. – 2016. – № 20. – С. 120-127.
118. Парамонова, Т. А. Проза А. С. Грина как сверхтекстовое единство / Т. А. Парамонова. – Текст : непосредственный // Вестник Самарского государственного университета. – 2008. – № 1 (60). – С. 101-108.
119. Паустовский, К. Александр Грин / К. Паустовский. – Текст : непосредственный // Год XXII: альманах. – 1939. – № 15.
120. Переверзев, В. Ф. Достоевский и революция / В. Ф. Переверзев – Текст : непосредственный // Достоевский, Ф. М. Бесы : роман в трех частях; антология русской критики / Ф. М. Достоевский; составитель Л. И. Сараскина. – Москва : Согласие, 1996. – С. 525-531.
121. Платонов, А. Рассказы Грина / А. Платонов. – Текст : непосредственный // Платонов А. П. Размышления читателя : [лит.-критич. статьи и рец.] / [послесловие, комментарий В. Васильева]. – Москва : Современник, 1980. – С. 122–128.
122. Полонский, В. П. Николай Ставрогин и «Бесы» / В. П. Полонский. – Текст : непосредственный // Достоевский Ф. М. Бесы: роман в трех частях; антология русской критики / составитель Л. И. Сараскина. – Москва : Согласие, 1996. – С. 619-638.
123. Правдухин, В. П. Повесть о революции и личности / В. П. Правдухин. – Текст : непосредственный // Сибирские огни. – 1989. – № 2. – С. 4-5.
124. Проблемы творчества Ф. М. Достоевского : поэтика и традиции : [сб. ст.] / Тюменский государственный университет ; [редколлегия: Т. В.

Захарова (отв. ред.) и др.]. – Тюмень : ТГУ, 1982. – 113 с. – Текст : непосредственный.

125. Пропп, В. Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки : (собрание трудов) / Пропп В. Я. – Москва : Лабиринт, 1998. – 512 с. – Текст : непосредственный.

126. Прохоров, Е. И. Александр Грин / Е. И. Прохоров. – Москва : Просвещение, 1970. – 120 с.: ил. – (Библиотека словесника). – Текст : непосредственный.

127. Пруцков, Н. И. Историко-сравнительный анализ произведений художественной литературы / Н. И. Пруцков ; АН СССР, Институт русской литературы, (Пушкинский дом). – Ленинград: Наука, 1974. – 203 с. – Текст : непосредственный.

128. Романенко, В. А. Переключка дискурсов в произведениях А. С. Грина / В. А. Романенко. – Текст : непосредственный // Вестник Приднестровского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – № 1 (46). – С. 40-42.

129. Роскин, А. И. Судьба писателя-фабулиста / А. И. Роскин. – Текст : непосредственный // Художественная литература. – 1935. – № 4. – С. 4-9.

130. Сараскина, Л. И. «Бесы», или Русская трагедия/ Л. И. Сараскина. – Текст : непосредственный // Достоевский Ф. М. Бесы : роман в трех частях; антология русской критики / составитель Л. И. Сараскина. – Москва : Согласие, 1996. – С. 435–460.

131. Сараскина, Л. И. Достоевский в созвучиях и притяжениях (от Пушкина до Солженицына) / Сараскина Л. И. – Москва : Русский путь, 2006. – 607 с. – Текст : непосредственный.

132. Сараскина, Л. Россия XX века сквозь призму Достоевского / Л. Сараскина. – Текст : непосредственный // Достоевский и мировая культура. Альманах. – Санкт-Петербург, 2000. – № 15. – С. 157-165.

133. Семибратов, В. К. Этюды об Александре Грине / Семибратов В. К. ; Департамент культуры и искусства Кировской области, Кировская областная

детская библиотека им. А. С. Грина ; [редактор Н. А. Мальцева]. – Киров : Киров. обл. дет. б-ка, 2008 (Киров : Лобань). – 53, [1] с. – Текст : непосредственный.

134. Синеокая, Ю. В. Рубеж веков: русская судьба Сверхчеловека Ницше / Ю. В. Синеокая. – Текст : непосредственный // Фридрих Ницше и философия в России. – Санкт-Петербург : Русский Христианский гуманитарный институт, 1999. – С. 58-74.

135. Скафтымов, А.П. Нравственные изыскания русских писателей: статьи и исследования о русских классиках / [вступительная статья Е. Покусаева и А. Жук, С. 3–32]. – Москва : Худож. лит., 1972. – 543 с. – Текст : непосредственный.

136. Скафтымов, А.П. Поэтика художественного произведения/ Скафтымов А. П.; [составители : В. В. Прозоров, Ю. Н. Борисов ; автор вступительной статьи В. В. Прозоров]. – Москва : Высшая школа, 2007. – 535 с. – (Классика литературной науки). – Текст : непосредственный.

137. Слободнюк, С. Л. «Дьяволы» серебряного века : (Древний гностицизм и русская литература 1890 – 1930 гг.) / С. Л. Слободнюк. – Санкт – Петербург: Алетейя, 1998. – 427 с. – Текст : непосредственный.

138. Современная западная русистика. – Санкт-Петербург : Акад. проект, 1999. – Т. 23: Ницше в России : революция морального сознания / Эдит Клюс ; [перевод с английского Л. В. Харченко]. – Санкт-Петербург : Акад. проект, 1999. – 239, [1] с. – Текст : непосредственный.

139. Соколова, К. М. Традиционные литературные типы в рассказах А. Грина / К. М. Соколова. – Текст : непосредственный // Colloquium-journal. – 2019. – № 13-8 (37). – С. 65-68.

140. Соловьев, В. С. Оправдание добра : нравственная философия / Вл. С. Соловьев. – Москва : Академический проект, 2010. – 671 с. – Текст : непосредственный.

141. Степанов, А. Крымский период творчества Александра Грина / А. Степанов – Москва : Селадо, 2015 – 155, [3] с.

142. Тайсина, Э. А. Интерпретация смысла романа А. Грина «Блистающий мир» / Э. А. Тайсина. – Текст : непосредственный // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2012. – № 45. – С. 93-95.

143. Теория литературы : [в 4 т.] / Учреждение РАН Ин-т мир. лит. им. А. М. Горького ; [редкол.: Ю. Б. Боров и др.]. – Москва : ИМЛИ РАН: Наследие, 2001-2011. – Текст : непосредственный.

144. Теория литературы : Основные проблемы в ист. освещении : [Кн. 3]: Стил. Произведение. Литературное развитие. / [Академия наук СССР. Институт мировой литературы им. А. М. Горького] ; [редакционная коллегия: Г. Л. Абрамович и др.]. – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1965. – 565с. – Текст : непосредственный.

145. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений / Л. Н. Толстой ; [вступ. ст. В. Черткова]. – Репринт. воспроизведение изд. 1928-1958 гг. – Москва : Изд. центр «Терра», 1992. – Текст : непосредственный.

146. Томашевский, Б. В. Теория литературы. Поэтика : учеб. пособие для вузов по напр. «Филология», спец. : «Филология» и «Литературоведение» / Томашевский Б. В. – Москва : Аспект Пресс, 1999. – 334 с. – Текст : непосредственный.

147. Трубина, Л. А. Русский человек на сквозняке истории: Историческое сознание в русской литературе первой трети XX века: Типология. Поэтика Текст. / Л. А. Трубина. – Москва : Прометей, 1999. – 125 с. – Текст : непосредственный.

148. Туниманов, В. А. Ф. М. Достоевский и русские писатели XX века / В. А. Туниманов ; Российская академия наук, Институт русской литературы (Пушкинский дом). – Санкт-Петербург: Наука, 2004. – 378, [2] с. – Текст : непосредственный.

149. Уильямс, Р. Достоевский: язык, вера, повествование / Р. Уильямс; [пер. с англ. Н. М. Пальцева] – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 295 с. – Текст : непосредственный.

150. Фридлиндер, Г. Достоевский и мировая литература / Г. Фридлиндер. – Ленинград : Советский писатель, 1985. – 456 с. – Текст : непосредственный.
151. Хализев, В. Е. Иван Карамазов как русский миф начала века / В. Е. Хализев. – Текст : непосредственный // Русская словесность. – 1997. – № 1. – С. 28-34.
152. Хализев, В. Е. Теория литературы : учебник для вузов / Хализев В. Е. – Изд. 4-е, испр. и доп. – Москва : Высшая школа, 2007. – 405 с. – Текст : непосредственный.
153. Харчев, В. В. Поэзия и проза Александра Грина / Горьковский государственный педагогический институт им. А. М. Горького. – Горький : Волго-Вят. кн. изд-во, 1975. – 256 с. – Текст : непосредственный.
154. Храпченко, М. Б. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 3. Т. 3 : Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. / М. Б. Храпченко. – Москва : Худож. лит., 1981. – 431 с. – Текст : непосредственный.
155. Чеботарев, Г. Молодой. Сильный. Энергичный.../ Г. Чеботарев // Жизнь Александра Грина, рассказанная им самим и его современниками: автобиографическая проза, воспоминания / Литературный институт им. А. М. Горького ; составитель и подготовка текстов В. Ковский ; [редактор-издатель Д. Лосев ; примечания: Л. Варламова и др. ; хроника жизни и творчества А. С. Грина: Н. Яловая]. – Москва : Изд-во Лит. ин-та им. А. М. Горького, 2012. – Текст : непосредственный.
156. Чернышевский, Н. Г. Что делать? – Москва : АСТ Азбука – классика, 2017. – 281 с. – Текст : непосредственный.
157. Черняк, М. А. Современная русская литература : учеб. пособие для высш. пед. учеб. заведений / М. А. Черняк. – Изд. 2-е. – Москва : Форум : Сага, 2008. – 351 с. – Текст : непосредственный.
158. Шестов, Л. Преодоление самоочевидностей (к столетию рождения Достоевского) / Л. Шестов. – Текст : непосредственный // Шестов, Л. Сочинения в двух томах. – Т. 2. – Москва : Наука, 1993. – С. 25-97.

159. Шестов, Л. Достоевский и Ницше (философия трагедии) // Шестов, Л. Сочинения / Лев Шестов; [составитель, автор вступительной статьи и примечания Поляков Л. В.]. – Москва : Раритет, 1995. – 429 с. – Текст : непосредственный.

160. Шешуков, С. И. Неистовые ревнители : из истории литературной борьбы 20-х годов / С. И. Шешуков ; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования «Московский педагогический государственный университет», Филологический факультет, Кафедра русской литературы и журналистики XX-XXI веков. – Москва : МПГУ : Прометей, 2013. – 332, [2] с. – Текст : непосредственный.

161. Щербинина, М. Е. Авторские отступления в романе А. С. Грина «Блистающий мир»: проблематика, формы репрезентации, повествовательные функции / М. Е. Щербинина. – Текст : непосредственный // Филологические этюды : сб. науч. статей молодых ученых Всерос. науч. конф. – Саратов, 2018. – С. 20-24.

162. Энгельгардт, Б.М. Идеологический роман Достоевского / Б. М. Энгельгардт. – Текст : непосредственный // Энгельгардт, Б. М. Избранные труды. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербург, ун-та, 1995. – С. 270 – 308.

163. Эткинд, Е. Г. Там, внутри : о русской поэзии XX века : очерки / Эткинд Е. Г. – Санкт-Петербург : Максима, 1997. – 568 с. – Текст : непосредственный.

164. Яблоков, Е. А. А. С. Грин в жизни и творчестве : учебное пособие для школ, гимназий, лицеев и колледжей / Е. А. Яблоков ; [редактор Н. В. Михаленко ; художественный редактор Н. Г. Ордынский]. – Москва : Русское слово, 2012 (Вологда : Полиграфист). – 108, [3] с. – Текст : непосредственный.

165. Яблоков, Е. А. Роман Александра Грина «Блистающий мир» / Е. А. Яблоков. – Москва : МАКС пресс, 2005. – 147 с. – Текст : непосредственный.

Диссертации и авторефераты

166. Алиев, Э. А. Проблема героя в послеоктябрьском творчестве А. С. Грина : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Алиев Э. А. ; Азербайджанский государственный университет им. С.М. Кирова – Баку, 1968. – 20 с. – Текст : непосредственный.

167. Аммар, И. Ф. М. Достоевский и декаданс: образы духовных падений в романах «Бесы» и «Братья Карамазовы» : специальность 10.01.01 «Русская литература»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Аммар Исмаель ; [Кубанский государственный университет]. – Краснодар, 2013. – 172 с. – Текст : непосредственный.

168. Джанашия, Л. Г. Формы художественной условности в русской прозе 20-х годов : А. Грин, М. Булгаков, Евг. Замятин : специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Лилиана Гурамовна Джанашия. – Москва, 1996. – 169 с. – Текст : непосредственный.

169. Дибирова, А. Д. Ф. М. Достоевский в художественном сознании русских писателей 20-х годов XX века : специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Дибирова Айшат Давудовна; [Московский педагогический государственный университет]. – Москва 2008 – 152 с. – Текст : непосредственный.

170. Дикова, Т. Ю. Рассказы Александра Грина 1920-х годов : специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Дикова Т. А.; Уральский государственный университет им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 1996. – 245 с. – Текст : непосредственный.

171. Дунаевская, И. К. Человек и природа в художественном мире Александра Грина : специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ираида Кирилловна Дунаевская - Рига, 1984. – 187 с. – Текст : непосредственный.

172. Загвоздкина, Т. Е. Особенности поэтики романов А. С. Грина : специальность 10.01.02 «Литература народов Российской Федерации» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Вологда, 1985. – 215 с. – Текст : непосредственный.

173. Капилупи, С. М. Проблема спасения в творчестве Ф.М. Достоевского : философско-антропологический аспект : специальность 09.00.13 «Философия и история религии, философская антропология, философия культуры» : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Санкт-Петербург, 2006. – 205 с. – Текст : непосредственный.

174. Киркин, Ю. В. А. С. Грин в печати и литература о нем, 1906-1970 гг. : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Ю. В. Киркин ; Ленинградский государственный институт культуры им. Н. К. Крупской. – Ленинград, 1972. – 153 с. – Текст : непосредственный.

175. Кобзев, Н. А. Роман А. Грина : проблематика, герой, стиль : специальность 10.641 «Советская литература» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Н.А. Кобзев ; Киевский государственный педагогический институт им. А. М. Горького. – Киев, 1970. – 357 с. – Текст : непосредственный.

176. Ковский, В. Е. Творчество А. С. Грина : концепция человека и действительности : специальность 09.00.13 «Философия и история религии, философская антропология, философия культуры : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук /Ковский Вадим Евгеньевич ; Академия наук СССР. Институт мировой литературы им. А. М. Горького – Москва, 1967. – 337 с. – Текст : непосредственный.

177. Козлова, Е. А. Принципы художественного обобщения в прозе А. Грина: развитие символической образности : специальность 10.01.01 «Русская литература»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Псковский государственный

педагогический институт им. С.М. Кирова. – Псков, 2004. – 18 с. – Текст : непосредственный.

178. Кротова, Д. В. Синтез искусств в русской литературе конца XIX – первой трети XX века : А. Белый, З.Н. Гиппиус, А.С. Грин, М.М. Зощенко : специальность 10.01.01 «Русская литература»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Кротова Дарья Владимировна ; [Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Филологический факультет]. – Москва, 2013. – 34 с. – Текст : непосредственный.

179. Крюкова, М. И. Экфразистический тезаурус в прозе А.С. Грина : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Крюкова Маргарита Ивановна ; [Уральский федеративный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина]. - Екатеринбург, 2019. - 23 с. – Текст : непосредственный.

180. Левина, Я. Б Романтика в творчестве советских писателей первой половины 20-х годов : А. Грин, К. Паустовский, И. Бабель, Б. Лавренев : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.00.00 / Я. Б. Левина. – Тбилиси, 1967. – 316 с. – Текст : непосредственный.

181. Лопуха, А. О. Эстетический идеал и специфика его выражения в творчестве А. С. Грина : специальность 10.01.02 «Литература народов Российской Федерации» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.01.02. – Петрозаводск, 1987. – 184 с. – Текст : непосредственный.

182. Максимова, О. Л. Проза А. Грина: музыка в художественном сознании писателя : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ольга Леонидовна Максимова. – Сыктывкар, 2004. – 208 с. – Текст : непосредственный.

183. Мельникова, Л. А. Атрибутивная сочетаемость в художественной прозе А.С. Грина : : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Минск, 1980. – 200 с. – Текст : непосредственный.

184. Нагайцева, Е. В. Концептуальная символическая модель : на материале творчества А. С. Грина : специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. - Барнаул, 2002. – 173 с. : ил. – Текст : непосредственный.

185. Николаев, Д. Д. Русская проза 1920-1930-х годов: авантюрная, фантастическая и историческая проза : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Николаев Дмитрий Дмитриевич ; Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН. – Москва, 2006. – 44 с. – Текст : непосредственный.

186. Парамонова, Т. А. Проза А.С. Грина как сверхтекстовое единство : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Парамонова Татьяна Александровна ; Самарский государственный университет. – Самара, 2009. – 19 с. – Текст : непосредственный.

187. Ревякина, А. А. Некоторые проблемы романтизма XX века и вопросы искусства в послеоктябрьском творчестве Александра Грина : специальность 10.04.01 «Советская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ревякина А. А. ; Московский педагогический институт им. В.И. Ленина – Москва, 1970. – 20 с. – Текст : непосредственный.

188. Самойлова, В. Д. Творчество Александра Грина и проблемы романтизма в советской литературе : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 641 / Московский областной педагогический институт им. Н. К. Крупской. – Москва : [б. и.], 1968. – 15 с. – Текст : непосредственный.

189. Сычева, М. А. Элитарность художественной деятельности и стиля жизни творцов «Серебряного века» : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук : 09.00.13. – Ростов-на-Дону, 2002. – 132 с. – Текст : непосредственный.

190. Чжан Жуй. Рассказы А.С. Грина 1900-х – 1910-х годов : типология героев, специфика поэтики : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 5.9.1. / Чжан Жуй ; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова]. - Москва, 2023. - 23 с. – Текст : непосредственный.

191. Шараков, С. Л. Символическое мирозерцание Ф. М. Достоевского : истоки и развитие : специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Шараков Сергей Леонидович ; [Пермский государственный национальный исследовательский университет]. – Пермь, 2021. – 264 с. – Текст : непосредственный.

192. Шевцова, Г. И. Художественное воплощение идеи движения в творчестве А. С. Грина: мотивный аспект : специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Елец, 2003. – 165 с. – Текст : непосредственный.

193. Юрьева, О. Ю. Художественная эманация идей и образов Ф. М. Достоевского в русской литературе начала XX века : специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Москва, 2003. – 528 с. – Текст : непосредственный.